

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2020

VESTNIK RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, Methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Alexander V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Politics), professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Politics), professor, head, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor of the Department of Political Sociology, dean, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, head, Department of History of Foreign Philosophy, dean, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art History), professor, Department of Cinema and Modern Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, dean, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts

Markov Alexander V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland
Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany
Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)
Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan
Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art History), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Shevchenko Irina O., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)
E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)
A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor (RSUH)
A.I. Reznichenko, Dr. of Sci (Philosophy), professor (RSUH)
I.O. Shevchenko, Cand. of Sci. (History), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент
РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский уни-
верситет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государ-
ственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Феде-
рация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всеросий-
ского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова,
Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский го-
сударственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская
Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет,
Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государствен-
ный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звегинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский госу-
дарственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государ-
ственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Феде-
рация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский госу-
дарственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская
Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государ-
ственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Феде-
рация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государствен-
ный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государ-
ственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Феде-
рация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет,
Кёльн, ФРГ
Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории
искусств Российской академии художеств

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобрази-
тельных искусств Российской академии художеств

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент (РГГУ)
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент (РГГУ)
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор (РГГУ)
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор (РГГУ)
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент (РГГУ)

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

- Anna A. Golubkova*
Vassily Rosanov about Dmitry Merezhkovsky and not only him.
On the history of two conversations 10
- Inna V. Golubovych, Viktor L. Levchenko*
Parisian Theology, Brothehood of Fotiy (Photius)
and Nicholay Poltoratsky. Meanings and symbols 20
- Ivan S. Kurilovich*
The Crucified God at the basis of modern European science
and sources of the internalist antipositivism. Article two: Kojève 41

Sociology: theoretical and empirical researches

- Viktor K. Levashov, Oksana V. Grebnyak*
Is there a place for personal data in the digital future? 57
- Galina A. Tsvetkova*
Pandemic and Russian the behavior. Sociological cross-section 72
- Natalia B. Pomezova*
Reflection of Europeans on the behavior of the United States
and China in the context of the COVID-19 pandemic.
On the example of Great Britain, Germany, France and Italy 82
- Anna V. Kuchenkova*
Measuring subjective well-being based on social media texts.
Overview of modern practices 92
- Evgenia I. Gromova, Alexandra O. Lazukina, Valeria I. Terentieva*
Territorial communities in a space of a metropolis.
On the question of terms 102

Art Studies

- Ivan A. Abramkin*
Typological characteristics of ceremonial and chamber image
in the Russian portrait painting of 18th century 112
- Ilya E. Pechenkin*
I.V. Zholtovsky's early works as a special case of constructing
the classics during the modernist era 128

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

- Анна А. Голубкова*
В.В. Розанов о Д.С. Мережковском и не только:
к истории двух разговоров 10
- Инна В. Голубович, Виктор Л. Левченко*
Парижское богословие, Фотиево Братство
и Николай Полторацкий: смыслы и символы 20
- Иван С. Курилович*
Бог распятый в основании новоевропейской науки и источники
интерналистского антипозитивизма. Статья вторая: Кожев 41

Социология: теоретические и эмпирические исследования

- Виктор К. Левашов, Оксана В. Гребняк*
Есть ли место личным данным в цифровом будущем? 57
- Галина А. Цветкова*
Пандемия и поведение россиян: социологический срез 72
- Наталья Б. Помозова*
Рефлексия европейцев в отношении поведения США и КНР
в условиях пандемии COVID-19: на примере Великобритании,
Германии, Франции и Италии 82
- Анна В. Кученкова*
Измерение субъективного благополучия на основе текстов
социальных медиа: обзор современных практик 92
- Евгения И. Громова, Александра О. Лазукина, Валерия И. Терентьева*
Территориальные сообщества в пространстве мегаполиса:
к вопросу о терминах 102

Искусствоведение

- Иван А. Абрамкин*
Типологические характеристики парадного и камерного изображения
в русской портретной живописи XVIII в. 112
- Илья Е. Печёнкин*
Раннее творчество И.В. Жолтовского как частный случай
конструирования классики в эпоху модернизма 128

Философия. История философии

УДК 27-1

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-10-19

В.В. Розанов о Д.С. Мережковском и не только:
к истории двух разговоров

Анна А. Голубкова

*Российская государственная детская библиотека,
Москва, Россия, anchentaube@gmail.com*

Аннотация. В данной работе рассмотрена статья В.В. Розанова «Представители “нового религиозного сознания”» (1908). Статья была опубликована под псевдонимом В. Варварин в газете «Русское слово», она написана в необычной для Розанова художественно-документальной форме. В статье описаны события десятилетней давности, ставшие переломными для мировоззрения Розанова. Это знакомство с Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус и два разговора о христианстве. Фактически в этой статье Розанов подробно восстанавливает этапы изменения своего мировоззрения и восприятия религии. Именно декаденты со своей неортодоксальной религиозностью, полемикой с позитивизмом и постоянными стилистическими экспериментами оказались в конечном итоге ему наиболее близкими. 1896–1897 гг. стали для Розанова временем перемены взглядов на пол, брак, семью, отношение между собой Нового и Ветхого Заветов. Цель статьи Розанова – напомнить о дискуссиях начала века. Именно поэтому Розанов выбрал форму отстраненного повествования о самом себе как одним из основных представителей нового направления религиозных поисков. В данной работе подробно анализируются как сам этот механизм саморепрезентации, так и его цели и результаты.

Ключевые слова: Василий Розанов, Дмитрий Мережковский, философия, декадентство, консерватизм, новое религиозное сознание, религиозные размышления

Для цитирования: Голубкова А.А. В.В. Розанов о Д.С. Мережковском и не только: к истории двух разговоров // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 10–19. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-10-19

© Голубкова А.А., 2020

Vassily Rosanov about Dmitry Merezhkovsky and not only him.

On the history of two conversations

Anna A. Golubkova

*Russian State Children's Library, Moscow, Russia,
anchentaube@gmail.com*

Abstract. The paper analyzes an article by Vassily Rosanov “Representatives of the ‘new religious consciousness’” (1908). The article was published under the pseudonym of V. Varvarin in the newspaper *Russkoe slovo* (“Russian Word”), it was written in the unusual for Rosanov form of half-fiction. The article describes the ten years ago events which became turning points for the Rosanov’s world view. Those events were the acquaintance with Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius and two conversations about Christianity. Actually, in that article Rosanov reconstructed in details stages of changing his worldview and perception of religion. Notably the decadents and their unorthodox religiosity, debates with positivism, constant stylistic experiments became to him the nearest in thoughts. In the years 1896–1897 Rosanov changed his view upon the gender, marriage, correlations between New and Old Testaments. Rosanov tries to remind in his article about the early century discussions. That is why he opted for the form of estranged narration on himself as a major representatives the new trend of religious seeking. The paper also analyzes as the very mechanism of self-representation and also its purposes and results.

Keywords: Vassily Rosanov, Dmitry Merezhkovsky, philosophy, decadence, conservatism, new religious conscience, religious thoughts

For citation: Golubkova, A.A. (2021), “Vassily Rosanov about Dmitry Merezhkovsky and not only him. On the history of two conversations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 10–19, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-10-19

В начале 1897 г. Петр Перцов познакомил Василия Розанова с Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус. Для писателя консервативного направления, которым на тот момент являлся Розанов, последовавшие затем сближение и многолетний диалог на первый взгляд могут показаться несколько странными. Однако еще в 1889 г. Розанов написал Н.Н. Страхову: «Все мы, религиозные искатели, в сущности, еретики, т. е. ужасающе неортодоксальны»¹.

¹Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 228.

Кроме того, к этому моменту рамки русского консерватизма для Розанова были уже слишком узкими. И потому на самом деле это сближение с Мережковскими, как раз и занятыми поисками нового религиозного сознания, было вполне закономерным, хоть и не таким уж простым и однозначным. Интересно, однако, что процесс этого сближения достаточно подробно описан Розановым чуть более десяти лет спустя в статье «Представители “нового религиозного сознания”», которая была опубликована в «Русском слове» (1908. 13 сент.) под псевдонимом В. Варварин. Псевдоним тут оказался важным еще и для своеобразного отстранения рассказчика, потому что хотя половина статьи посвящена Дмитрию Мережковскому, во второй половине Розанов описывает самого себя и моменты, ключевые для изменения своих взглядов. Впрочем, свою фамилию автор все-таки не назвал, хотя знающие контекст читатели легко могли понять, о ком тут идет речь.

Как это часто бывает у Розанова², непосредственным поводом написания статьи стала публикация в журнале «Русская мысль», посвященная «проблемам старого и нового религиозного сознания»³. Однако откликается он не на саму публикацию, а на общую постановку вопроса: ему важно сформулировать, что же это такое и из чего (кого) состоит «новое религиозное сознание». У истоков направления, по мнению Розанова, находятся две фигуры – Дмитрий Мережковский и он сам. Основная объединяющая их черта, пишет Розанов в статье, – это антипозитивизм, который, впрочем, объясняется здесь влиянием образа жизни, то есть как раз скорее с позитивистской точки зрения. Этим двум представителям нового религиозного сознания, по его мнению, было легко отбросить позитивизм, потому что они «по обстоятельствам своей жизни не вынуждены были тянуть эту мировую лямку ежедневного труда, крепкую, скучную и тяжелую. Это были лица, не ведшие позитивного образа жизни, или, вернее, они никогда крепко его и не держались, а скорее чуть-чуть придерживались»⁴. Надо сказать, что ради красоты схемы Розанов несколько упрощает ситуацию и в случае Мережковского, и уж совершенно точно – в своем собственном случае. На самом деле его отношения с позитивизмом не

² В.В. Розанов очень часто полемизировал именно со статьями, опубликованными в журнале «Русская мысль», это подробно описывается в книге [Голубкова 2013].

³ Вероятнее всего, имеется в виду статья Н.А. Бердяева «Католический модернизм и кризис современного сознания», опубликованная в «Русской мысли» (1908. № 9).

⁴ *Розанов В.В.* Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 355.

были однозначными. Этим философским направлением Розанов увлекся еще в гимназии. Но, несмотря на то что в дальнейшем он много времени и сил посвятил борьбе с «наследием 60–70-х годов», следы этого наследия так или иначе будут проявляться в его мировоззрении и творчестве до самых последних публикаций⁵.

Полемика с позитивизмом была начата Розановым задолго до сближения с Мережковским, еще в начале 1890-х гг. В июле 1891 г. он опубликовал цикл статей в газете «Московские ведомости», причем первые две прямо посвящены вопросу смены поколений и оценке «наследия 60–70-х годов». В первой статье «Почему мы отказываемся от “наследства 60–70-х годов”?» Розанов с удовлетворением отмечает, что идеи этого поколения уходят в небытие: «Факт, что дети, возвращенные “людьми шестидесятых годов”, отказываются от наследства своих отцов, от солидарности с ними и идут искать каких-то новых путей жизни, другой “правды”, нежели та, к которой их приучали так долго и так, по-видимому, успешно»⁶, т. е. смена мировоззренческой оптики оказывается вовсе не результатом личных обстоятельств Розанова (и Мережковского), но прямым запросом общества на определенном этапе его исторического развития.

Этот тезис расшифровывается в следующей статье «В чем главный недостаток “наследства 60–70-х годов”?»⁷. Розанов, во-первых, осуждает это поколение за всеобъемлющий рационализм, особенно в применении к устройству человеческого общества. Во-вторых, его возмущает полное отсутствие метафизики и проблем религиозного характера, ведь жизнь человека не может быть сведена исключительно к его материальным потребностям. Интересно также, что из этой ситуации, осознаваемой им как мировоззренческий тупик, Розанов видит два возможных выхода: «Или, поняв, как недостаточно просвещение предыдущего поколения, стремиться заменить его просвещением более глубоким и развитым; или, напротив, приняв

⁵Эти отголоски позитивизма в литературной критике Розанова подробно прослежены в [Голубкова 2013]. См. главу 2 «Ценностный подход в исследовании литературной критики В.В. Розанова» и главу 3 «Этапы формирования литературной концепции В.В. Розанова».

⁶*Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Литературные очерки: О писателях и писательстве. М.: Республика, 1996. С. 159.

⁷Важность этой полемики подтверждает рассмотрение В.В. Розановым идей Михайловского в статьях 1900–1902 гг. Подробнее об этом см. [Голубкова 2013, гл. 4.5.5 «Счастливый обладатель своих способностей: Н.К. Михайловский»].

его за ряд непоколебимых выводов рассудка и, все-таки чувствуя, как выводы эти противоречат всем остальным сторонам человеческой природы, неясным и, однако же, вечным и глубоким, – довериться этим последним и насильственно ограничить свой разум»⁸. Воплощением второго пути он считает творчество Льва Толстого. В дальнейшем Розанов приходит к выводу, что идеи «60–70-х годов» были преодолены декадентами и символистами. С этой точки зрения его собственная эволюция от позитивизма к консерватизму и далее к декадентству выглядит вполне закономерной.

Однако антипозитивизм – единственное в этой статье, что объединяет Мережковского и Розанова. В остальном же, пишет Розанов, оба они пришли к новому религиозному сознанию совершенно разными путями: Мережковский – через «тоску русского человека» и «благородную грусть русского дворянина», т. е. путем отвлеченных размышлений, а сам Розанов – через практические обстоятельства своей жизни, «семейной нужды русского православного человека»⁹ (невозможность официально развестись с Аполлинарией Сусловой и, соответственно, дать детям свою фамилию). Далее Розанов дает развернутую характеристику Мережковскому, которая в общем и целом вполне вписывается в рамки его высказываний об этом писателе и мыслителе¹⁰. Розанов высоко ценил образованность Мережковского и широту его кругозора, а в его художественной прозе – важность затронутых тем. В этой статье Розанов, в частности, называет Мережковского типичным носителем начала русского духовного скитальчества. Отсюда и постоянные изменения в Мережковском: «Первоначально “антик” по своим античным увлечениям, позднее – ницшеанец по долголетнему увлечению личностью и идеями Ницше, и позднее, в теперешнем фазисе своих настроений, – искренний, “до обморока” христианин»¹¹.

Но собственно художественный уровень произведений Мережковского, так сказать, «плоть» текста оценивалась им довольно низко. В этой статье Розанов также упрекает Мережковского за излишнюю абстрактность и пренебрежение живой жизнью: «В литературной деятельности Д.С. Мережковского, одного из образованнейших у нас писателей, и чрезвычайно искреннего,

⁸ *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 185.

⁹ Там же. С. 356.

¹⁰ Подробнее об этом см. [Голубкова 2013, гл. «Среди иноязычных: Д.С. Мережковский»].

¹¹ *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 356.

есть одна большая черта: это – *слабость*, отсутствие *удара*, силы; даже отсутствие кровности, сочности жизни. Точно это артерии с вытекшею из них кровью и *пустые*. <...> Проистекает это – переходя от сравнения к действительности – от почвы исключительной *начитанности*, на которой вырос и сложился весь образ Д.С. Мережковского»¹². Интересно, что по этому признаку любви к книге и отсутствию реальных связей с жизнью Мережковский напоминает Розанову Белинского, отца утилитарного подхода к литературному произведению в русской литературе и культурной фигуры для следовавших за ним критиков позитивистской направленности. И если в идеологии оба этих автора на тот момент противоположны, то в методе, в подходе к материалу для Розанова они удивительным образом оказываются близкими. Конечно, в данном случае речь идет об интерпретации, которая с конкретными фактами может быть связана достаточно опосредованно.

Затем перед Розановым встает довольно-таки сложная задача описания самого себя как бы с точки зрения постороннего лица, отчасти сочувствующего новым религиозным идеям, но все же наблюдающего за происходящим с определенной долей отстраненности. Понятно, что в самоописании от первого лица Розанову уже в это время нет равных, а через несколько лет в «Уединенном» и «Опавших листьях» он достигнет такой вершины, которая до сих пор является непревзойденной. Но вот эта интересная задача разговора о самом себе как совершенно чужом человеку, безусловно, относится уже не столько к публицистике, сколько к художественной литературе. В одной из заметок о Льве Толстом Розанов признается, что когда-то пытался писать художественную прозу, но у него ничего не вышло. Тем не менее этот опыт явно не пропал даром и был использован, по крайней мере, в этой статье. Прежде всего важное конструктивное значение тут имеет сделанное ранее описание Дмитрия Мережковского, отталкиваясь от которого Розанов начинает выстраивать собственный образ: «Другой инициатор “нового религиозного сознания” гораздо менее образован, чем Мережковский, и менее его подвижен в идеях, даже почти неподвижен. Мысли его ползут, и даже он, по-видимому, не скучает, когда они вовсе лежат»¹³. По мнению Розанова, этот идейный союз был вполне гармоничным – если от Мережковского шли стройность, образованность и начитанность, то от него самого – сила живой жизни и тесная нерасторжимая связь с реальностью. В данном случае крайне плодотворной становится именно разница.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 357.

Однако гораздо примечательнее этой оппозиции с Мережковским оказывается попытка Розанова не просто описать себя со стороны, но еще и проследить формирование своих взглядов, т. е. несмотря на заявленную «неподвижность в идеях», Розанов наглядно демонстрирует этапы перехода от консервативной точки зрения к модернистской (декадентской), рассказывая о своем «религиозном открытии». Чтобы поддержать впечатление отстраненного повествования, Розанов опять подчеркивает дистанцию между автором статьи и ее персонажем: «Как он сам рассказывал в кружках Религиозно-философских собраний 1902–1903 гг.»¹⁴ – т. е. представляет себя как очевидца, передающего непосредственное впечатление от услышанного. Интересно, что этот прием основывается на реальном опыте, ведь Розанов никогда сам не читал своих докладов, всегда читал кто-то другой, а он слушал и наблюдал за реакцией публики. Розанов упоминает в начале статьи, что задуматься об этих вопросах его в первую очередь заставила сложная семейная ситуация. Именно тогда, видимо, он и начал размышлять о роли церкви в браке и о подлинной сути пола человека. И две очень важные беседы, о которых Розанов рассказывает в статье, повлияли на изменение его мировоззрения, как бы позволив четко сформулировать то, что раньше существовало в виде расплывчатых мыслей. Имена собеседников Розанов не указывает, называет только их вероисповедание – «лютеранин» и «православный» (автор комментария В.В Аверьянов предполагает в них Ф.Э. Шперка и И.Ф. Романова-Рцы).

В первом эпизоде Розанов делится со своим знакомым мыслью о ноуменальной сущности пола: «Пол в нас есть вовсе не орган или функция, как говорят или даже пишут в книгах, а совсем особое и самостоятельное, *полное* существо. <...> Он не просто производит потомство, но есть родник страстей, чувствований и, наконец, многих обширнейших и важнейших идей в человеке и человечестве»¹⁵. На что собеседник Розанова указывает на полное отсутствие этого начала у Христа: «Никакая Его мысль, никакое Его слово отсюда не течет»¹⁶. Во втором разговоре заходит речь о браке и отношении церкви к зачатию и рождению детей. Розанов говорит о том, что «соединение полов не может быть грешно, по крайней мере, в благословенном церковью браке, и особенно потому не может быть, что в нем зарождается не одно тело, но и *душа* будущего младенца»¹⁷,

¹⁴ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 357.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

т. е. фактически подчеркивает религиозный смысл брака во всех его аспектах. И на это его собеседник отвечает не просто отрицанием святости физической стороны брака, а прямым утверждением ее греховности абсолютно во всех проявлениях: «Первоначально и извечно акт этот мерзок, и церковь не разрешает его, а только *прощает*; и *простить* его только одна она и может, по санкции величайшего авторитета, в ней скрытого, по своей *святости*»¹⁸. Как видим, именно эти два разговора и высказанные в них мысли лежат, по сути дела, в самой основе полемики Розанова с христианством, во всех главных претензиях к нему. Недаром позднее он много будет писать о том, что Христос принес в мир холод и смерть и что вернуть тепло, жизнь и радость можно лишь при обращении к более древним, приветствующим зачатие и рождение религиям.

А дальше статья становится еще более интересной: Розанов увлекается изложением своих взглядов на религиозное возрождение, и дистанция между автором и рассказчиком практически исчезает, так что приходится заключить текст в кавычки и представить его как бы исходящим от первого лица и всего лишь услышанным рассказчиком. Но при этом прямая речь Розанова передается во всех красочных ее подробностях, запомнить которые, конечно, без стенографирования было просто невозможно. В то же время этот прием как бы снимает ответственность с автора статьи за глобальную претензию, предъявляемую Розановым Христу за объявление рождения греховным. И выходом здесь, по его мнению, является полное религиозное обновление: «Нужно оживить землю и нужно вторично освятить ее. Что там касаться религией наружности, поверхности, образа мыслей и сплетения слов: ведь дело реальнее и глубже. <...> Вынуть зло из рождения – вот задача! Вложить сюда добро, свет, просвещение – вот продолжение задачи!»¹⁹.

И вот эти поставленные самой жизнью вопросы Розанова, по его мнению, «очень удачно связались с эллинизмом и ницшеанством» Мережковского, позволив выстроить оппозицию между древними цивилизациями с их «утвердительным полюсом по отношению к родникам жизни» и тем отрицанием жизни, которое, по мнению Розанова, привнесло в европейскую цивилизацию христианство. И таким образом кризис европейской культуры начала XX в. Розанов прямо связывает с кризисом христианства, с причинами прежде всего религиозного характера.

И завершается статья оценкой результатов, отклика на идею новой религиозности. По мнению Розанова, никакого адекватного

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 159.

отклика не было, а вся полемика просто-напросто прошла мимо русского образованного общества: «Можно сказать, что весь этот спор и вся эта тема “нового религиозного сознания” прошли совершенно незамеченными для нашего общества, печати и литературы, и по той простой причине, что, *повинуясь обрядам и числясь* в церкви, они, в сущности, улетели как бы на воздушных кораблях графа Цеппелина далеко куда-то от самого материка и этих, и всяких религиозных тем и не знают основательно ни что такое христианство, ни что такое язычество»²⁰.

Мог бы отозваться на это Владимир Соловьев, но он умер в 1900 г., за год до открытия Религиозно-философских собраний в Петербурге. Так что эта очень важная тема, считает Розанов, до сих пор ждет адекватного обсуждения. Эти слова дают возможность предположить, почему Розанов решил написать эту статью и написал ее именно в таком виде: ему было важно напомнить о новом религиозном сознании и его представителях. Вот почему он пишет так подробно о Дмитрие Мережковском и о самом себе, особенно останавливаясь на тех двух разговорах, которые стали ключевыми точками на пути изменения отношения к христианству и сближения с Мережковским и Гиппиус. Именно декаденты со своей неортодоксальной религиозностью, полемикой с позитивизмом и постоянными стилистическими экспериментами оказались в конечном итоге наиболее близкими Розанову. Сам он отмечал 1896–1897 гг. как время перелома и перемены взглядов на пол, брак, семью, отношение между собой Нового и Ветхого Заветов. В том числе с этого момента очень сильно изменилась его литературная критика. Более того, произошедший поворот имел еще и стилистические последствия: именно в этот период статьи Розанова как раз и приобретают те черты обрывочности, алогичности, интуитивного и эмоционального постижения предмета. И все общепринятые представления о Розанове как запутанном, амбивалентном, сложном писателе, который никогда сам не знает, в какую сторону его сегодня выведет текучая линия письма, основываются на трудах именно этого периода. Хотя если подробно разбирать подоплеку каждой статьи (как, например, этой), то Розанов окажется вполне логичным последовательным автором.

²⁰ *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 160.

Источники

Розанов В.В. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. 558 с.

Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Литературные очерки: О писателях и писательстве. М.: Республика, 1996. 702 с.

Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 475 с.

Розанов В.В. Около народной души (Статьи 1906–1908 гг.) // Розанов В.В. Собрание сочинений: В 35 т. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2003. Т. 16. 447 с.

Литература

Голубкова 2013 – *Голубкова А.А.* Литературная критика В.В. Розанова: опыт системного анализа. Кострома: КГУ, 2013. 432 с.

References

Golubkova, A (2013), “Literaturnaya kritika V.V. Rozanova: opyt sistemnogo analiza” [Literary criticism of V.V. Rozanov. An essay of the system analysis], Kostroma State University, Kostroma, Russia.

Информация об авторе

Анна А. Голубкова, кандидат филологических наук, Российская государственная детская библиотека, Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Калужская пл., д. 1; anchentaube@gmail.com

Information about the author

Anna A. Golubkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State Children’s Library, Moscow, Russia; bld. 1, Kaluzhskaya Sq., Moscow, Russia, 119049; anchentaube@gmail.com

УДК 271.2-1

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-20-40

Парижское богословие, Фотиево Братство и Николай Полторацкий: смыслы и символы

Инна В. Голубович

*Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова,
Одесса, Украина, golubinna17@gmail.com*

Виктор Л. Левченко

*Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова,
Одесса, Украина, victor_levchenko@list.ru*

Аннотация. Деятельность Фотиева Братства (1925 (1923?)–1980-е) – одна из ярких и драматических страниц истории Парижского православного богословия. Однако она до сих пор не исследована в полной мере. Данная публикация основана в том числе на архивных документах личного архива семьи Николая Полторацкого (1909–1990), исполнявшего на определенном этапе обязанности главы тайного сообщества. Николай Алексеевич Полторацкий возвратился после Второй мировой войны на родину и оказался в Одессе, став центром интеллектуального и духовного притяжения. Наша задача – способствовать реконструкции истории Фотиева Братства, этого важного для истории Российского религиозно-философского Ренессанса сюжета. В Братство в разное время входили А. Ставровский, В. Лосский, Е. Ковалевский, П. Ковалевский, М. Ковалевский, Л. Успенский, И. Лаговский, Г. Круг, А. Блум и др. Члены Братства разработали проект «православия латинского обряда» с элементами древнего галликанского обряда. Данный проект был реализован в нескольких французских приходах, некоторые из них действуют до сих пор. Мы фокусируем внимание на теоретическом анализе проекта создания православного религиозного братства (ордена), обосновании ориентации на древний галликанский литургический обряд досхизматического христианства.

Ключевые слова: Парижское богословие, Фотиево Братство, Николай Полторацкий, православный религиозный орден, галликанский литургический обряд, метафизика и антропология света

Для цитирования: Голубович И.В., Левченко В.Л. Парижское богословие, Фотиево Братство и Николай Полторацкий: смыслы и символы // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 20–40. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-20-40

© Голубович И.В., Левченко В.Л., 2020

Parisian Theology, Brothelhood of Fotiy (Photius) and Nicholay Poltoratsky. Meanings and symbols

Inna V. Golubovych

*Odessa I.I. Mechnikov National University, Odessa, Ukraine,
golubinna17@gmail.com*

Viktor L. Levchenko

*Odessa I.I. Mechnikov National University, Odessa, Ukraine,
victor_levchenko@list.ru*

Abstract. One of the bright and dramatic pages in the history of Parisian Orthodox Theology is the activity of the Fotiy`s Brotherhood (1925 (1923?) – 1980s). However, it has not yet been studied completely. The publication, which is based in particular on archival documents from the personal collection of Nicholay Poltoratsky`s family (1909–1990), who at a certain stage acted as the head of the secret society. Nicholay Poltoratsky returned to Homeland after the Second World War and ended up in Odessa, becoming a center of intellectual and spiritual attraction. Our task is to contribute to the reconstruction of the history of the Fotiy`s Brotherhood. That plot is very important for the history of the Russian religious and philosophical Renaissance. The Brotherhood at different times included A. Stavrovsky, V. Lossky, E. Kovalevsky, P. Kovalevsky, M. Kovalevsky, L. Uspensky, I. Lagovsky, G. Krug, A. Bloom and others. Members of the Brotherhood proposed the project of “Latin Rite Orthodoxy” with elements of the ancient Gallican rite. Such a project was implemented in several French parishes, of which some are still active now. The focus of the paper is on a theoretical analysis of the project to create an Orthodox religious order, connecting loyalty to the Orthodox tradition and an orientation to the ancient Gallican liturgical rite of the Christian church before the time of schism.

Keywords: Parisian Theology, Fotii`s Brotherhood, Nikolai Poltoratsky, an Orthodox religious order, Gallican liturgical rite, metaphysics and anthropology of light

For citation: Golubovych, I.V. and Levchenko, V.L. (2020), “Parisian Theology, Brothelhood of Fotiy (Photius) and Nicholay Poltoratsky. Meanings and symbols”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 20–40, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-20-40

«Парижское богословие», «парижская богословская школа» – одна из самых ярких, драматических и разнородно, часто радикально противоположно, оцениваемых страниц истории пореволюционной

российской эмиграции. То небольшое, в чем сходятся даже самые крайние оппоненты, – признание культуры Серебряного века, ее религиозно-философских исканий одним из существеннейших истоков этого сложного и противоречивого явления. «Пути парижского богословия», перифразируя название *magnum opus* о. Георгия Флоровского, одного из самых выдающихся протагонистов парижского православного зарубежья, не представляли собой единого магистрального направления. К их описанию куда более подошла бы борхесова метафора «сада расходящихся тропок», если бы не мирные и гармоничные смыслы «сада». В нашем случае это скорее «сад» после катастрофы или полное рисков, опасностей, непредсказуемости бездорожье, где тропинки только-только прокладываются. И если от метафорики перейти к более-менее строгим научным оценкам, то лучше всего, на наш взгляд, обратиться к авторитетному мнению американского исследователя русской религиозной философии Поля Вальера, который поставил вопрос: «парижская школа» богословия – единство или многообразие? Он назвал сам термин ретроспективным, вошедшим в оборот лишь в 1960-е гг., справедливо подчеркивая, что наименование «парижская школа» не использовалось богословами в 1930–1940-х гг. [Вальер 2006]. (Укажем также на публикацию украинской исследовательницы Оресты Возняк [Возняк 2014].)

Кроме «нарратива единства», стремящегося объединить и синтезировать разнообразные идейные движения внутри российского православия в эмиграции, сгладить внутренние противоречия, мы встречаем в осмыслении данной темы и «нарратив конфликта», в том числе конфликта поколений, конфликта «верных» и «блудных» сынов святоотеческой традиции (А. Аржаковский) или «отцов и детей» русского религиозного Ренессанса (П. Гаврилюк) [Аржаковский 2000; Гаврилюк 2017; Gavrilyuk 2013]. К «нарративу конфликта» можно отнести, к примеру, и недавние публикации А.А. Войтенко о конфликте Г.П. Федотова с правлением Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже [Войтенко 2017; Войтенко 2018]. Историк подчеркивает, что конфликт такого рода выходит далеко за рамки конкретных причин и следствий, в основе его лежит тот или иной «архетипический вопрос». Он в случае с Федотовым формулируется следующим образом: «до какой степени может быть ограничена свобода публичных высказываний (или действий) члена интеллектуальной корпорации, если она входит в противоречие с принципами корпоративной этики (подлинными или мнимыми?)» [Войтенко 2017, с. 58], «...глубинными причинами конфликта могли быть разные представления об идеале христи-

анской жизни (деятельной или созерцательной), восходящие еще к позднеантичным временам» [Войтенко 2018, с. 96]. В определенной степени эти вопросы являются «архетипическими» и для нашего случая. Однако и выделенный нами «нарратив конфликта» содержит в основе «нарратив единства» – единства общей традиции и общей судьбы.

Само желание объединить разнородные богословские течения и движения под одной терминологической шапкой «парижская школа» или «парижское богословие» американский исследователь П. Вальер, один из ведущих специалистов по русской религиозной философии [Valliere 2000], связывает с «гомогенизацией богословских идей». Под этим он имеет в виду «тенденцию затемнять значительные, даже радикальные богословские разногласия посредством благоговейных упрощений, тенденцию отрицать важность расходящихся мнений в богословии» [Вальер 2006, с. 52], «...характерную для современных православных богословов тенденцию преуменьшать значение имевших место в прошлом разногласий и представлять острые конфликты как «согласие в основном» [Вальер 2006, с. 54]. По мнению ученого, такой подход грозит превратить наименование «парижская школа» в «обманчивое упрощение», провозглашающее богословское единство там, где его нет. Он предлагает: во-первых, дать тщательный анализ и беспристрастную оценку важнейших, существенных, подчас непримиримых разногласий, разделявших и продолжающих разделять современных православных богословов; во-вторых, обратить пристальное внимание на «пограничные» ситуации в современном православном богословии, учитывая многообразие опыта, который оно представляет.

Осмысление этого общего проблемного поля, представляющее собой актуальную задачу, невозможно осуществить без обращения к конкретным сюжетам, коллизиям и «путям парижского богословия». Одна из самых малоизученных страниц – это история Фотиева Братства (Братства Святителя Фотия), созданного в Париже в 1925 г. (по другим сведениям – в 1923 г.). На сегодняшний день, насколько нам известно, не существует серьезного монографического исследования по данной теме. Нашей источниковой базой стали многочисленные материалы из личного архива одного из активных членов Братства Николая Алексеича Полторацкого (1909–1991), возвратившегося после Второй мировой войны на родину и оказавшегося в Одессе. Выражаем глубокую благодарность Е. Мальцевой и А. Катчуку за возможность работать с семейным архивом. Усилиями семьи Н.А. Полторацкого на основе архивных документов был издан

сборник «Западное Православие. Братство святителя Фотия. Переводы Николая Алексеевича Полторацкого»¹, который впервые дает целостное, хотя и предварительное, представление об уникальном православном сообществе в эмиграции. На это издание мы преимущественно и опирались. Сборник предваряет вступительная статья Анны Полторацкой и Александра Панкова [Панков, Полторацкая 2015]. Именно эти авторы стали первыми исследователями обозначенной темы, прежде всего в связи с духовным наследием Н.А. Полторацкого [Панков 2004, Панков 2008, Панков, Полторацкая 2013, Полторацкая 2008]. В 2008 г. в Одессе прошел международный семинар «Н.А. Полторацкий и Парижская богословская школа».

В том или ином контексте истории Фотиева Братства касались в своих публикациях V. Bourne, A. Van Bunnem, Э. ван Таак, Н. Зернов, А. Угримов, С. Хоружий, В. Бурева, А. Кострюков, Т. Оболевич, Т. Резвых, В. Тюшагин и др.²

Несмотря на имеющиеся публикации, актуальной остается задача целостной реконструкции деятельности Братства святителя Фотия, глубокого осмысления роли и значения братства в истории российской эмиграции, западного православия, духовного свидетельства о христианстве в советские годы, а также драматического и непростого религиозного возрождения в годы постсоветские. К этой многомерной и комплексной задаче мы в данной публикации лишь приступаем. Обратимся к истории Фотиева Братства. По одной из версий, оно возникло в 1923 г. в Париже благодаря усилиям Алексея Ставровского (1905–1972), оставившего

¹Западное Православие: Братство святителя Фотия: Переводы Николая Алексеевича Полторацкого / Сост. А.Н. Катчук. Одесса: Optimum, 2015.

²См.: *Ванн Таак Э.* История создания прихода Трех Святителей: богословские основы возвращения к иконе, 1925–1945: Братство святого Фотия [Электронный ресурс]. URL: http://iconeorthodoxe.free.fr/ru/textes/fondation_ru02.html#2)%232 (дата обращения 09.04.2019); *Бурева В.В., Тюшагин В.В.* Иоанн-Нектарий // Православная энциклопедия. Т. 25. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. С. 139–142; *Тюшагин В.В.* Галликанский обряд в православной церкви // Там же. Т. 10. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. С. 368–372; *Зернов Н.М., Зернова М.В.* За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд: хроника семьи Зерновых (1921–1972). Париж: Изд. YMCA-Press, 1973; *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту / Сост., предисл. и коммент. Т.А. Угримовой. М.: Изд-во “РА”, 2004. См. также [Бер-Сижель 2015; Кострюков 2016; Оболевич, Резвых 2017; Хоружий 2011; Хоружий 2018].

Свято-Сергиевский институт из-за несогласия с софиологией С. Булгакова. П. Гаврилюк в своей монографии о Флоровском, а также Т. Оболевич и Т. Резвых указывают в связи с Ставровским датой – 1925 г. [Гаврилюк 2017, с. 254–255; Оболевич, Резвых 2017, с. 805]. (Алексей Владимирович Ставровский – активный деятель Русского студенческого христианского движения – был руководителем Братства до 1931 г., после войны перешел в католичество.) Э. ван Таак подчеркивает, что дата 11 февраля 1925 г., которую приводит Винсант Бурне, неточна³. Братство возникло, по ее версии, двумя годами ранее. Владимир Лосский (1903–1958), прибывший в Париж в 1924 г., принял в создании нового объединения самое деятельное участие. С 1925 г. к нему присоединились русские студенты недавно созданного Свято-Сергиевского Богословского института – Николай Сахаров, Всеволод Палашковский, а также будущий священник Евграф Ковалевский (1905–1979), позднее епископ Иоанн-Нектарий. В публикации А. Полторацкой и А. Панкова указывается, что будущий профессор Свято-Сергиевского богословского института Павел Евдокимов (1900–1970) также был среди основателей Братства [Панков, Полторацкая 2015]. Однако в других источниках мы этому подтверждения не нашли. Э. Бер-Сижель говорит о временном сотрудничестве Евдокимова и Е. Ковалевского на почве общего призвания – свидетельства о православии на Западе. Евдокимов видел в Братстве платформу экуменического диалога. Тем не менее в воспоминаниях Н.А. Полторацкого Евдокимову уделяется очень большое внимание. К братству вскоре примкнули Ф. Пьянов, И. Лаговский, Л. Успенский (1902–1987), а также братья Ковалевские – филолог и историк Петр Ковалевский (1901–1978) и композитор, математик Максим Ковалевский (1903–1988), инок Григорий (Г.И. Круг, 1906–1969) и др. В разное время в Братство входили, по свидетельству А. Угримова⁴, будущий архиепископ Нью-Йоркский Петр Люилье, Николай Лосский, Николай Озолин, Андрей Блум (Антоний Сурожский) и др. Близок к членам Братства был о. Сергей (К.Г. Шевич), с которым у Н.А. Полторацкого была переписка уже после возвращения в СССР. Сегодня трудно реконструировать полный состав Братства. В нашем распоряжении имеется машинописная копия годового отчета «Братства иже во святых отца нашего Фотия Исповедника» от 13 февраля 1949 г., адресованного Патриарху Московскому и всея

³ Таак Э., ванн. История создания прихода Трех Святителей...; см. также [Bourne 1975, p. 80].

⁴ Угримов А.А. Указ. соч.

Руси Алексию. Эта копия была направлена Н.А. Полторацкому, который уже находился в Одессе⁵. На документе стоят подписи членов Совета Епистатов Братства: протоиерея Евграфа Ковалевского, диакона Максима Ковалевского, Владимира Лосского, Леонида Успенского и монаха Григория (Г. Круг).

В «Кратком положении» о православном Братстве Святителя Фотия говорилось о создании дисциплинированного общества «Православных Христиан, объединенных для защиты Церкви и Торжества Вселенского Православия». Православная церковь представляется как единая истинная Церковь Христова, она – не только восточная церковь, но церковь всех народов земли. В связи с этим «...каждый народ, каждая нация имеет право занять свое личное место в Православной Церкви, иметь свою каноническую автокефалию, при сохранении своих традиций и ритуалов, своего литургического языка»⁶. В. Лосский, объясняя покровительство святителя Фотия, подчеркнул:

Совсем не случайно имя святого Фотия, этого великого защитника Православия, стало эмблемой нашего служения Церкви. Перед лицом инославного мира и догматических сомнений многих православных, оно должно являть собой твердое исповедание Православия – единой вселенской Истины, от которой отошел римский патриархат. <...> Христианское единение может быть достигнуто лишь в проповеди Православия, которое должно возродиться на Западе⁷.

Мы ссылаемся на документы, приводимые французской исследовательницей Эмилией ванн Таак в книге о Трехсвятительском подворье и иконографии Г. Круга и Л. Успенского, подготовленной при участии Анны Богенгардт-Филлипенко (Э. ванн Таак и А. Богенгардт-Филлипенко – иконописцы, ученицы Л. Успенского). Братство ставит две основные цели: возрождение и оживление церковного сознания православных эмигрантов и приобщение Запада к православной традиции, созданию подлинного Западного православия, резюмирует Э. ванн Таак. Программа деятельности была исходно крайне амбициозной и крайне противоречивой (выбор покровителя Константинопольского патриарха IX в. Фотия, противника введения филиокве в Символ Веры, и одновременно

⁵ Годовой отчет «Братства иже во святых отца нашего Фотия Исповедника» от 13 февраля 1949 г. Машинописная копия. Подписи – оригинал (Личный архив семьи Н.А. Полторацкого. Одесса).

⁶ Таак Э., ванн. История создания прихода Трех Святителей...

⁷ Там же.

стремление возродить древний галликанский обряд времен неразделенной церкви).

По мнению известного французского богослова Элизабет Бер-Сижель, новое объединение было замкнутой, «на грани эзотеризма», религиозной организацией, построенной по образцам средневековых католических орденов с соответствующими церемониями посвящения.

Под омофором святителя Фотия русская молодежь стремится к «чистоте» Православия; однако она парадоксальным образом демонстрирует любовь к Западу. В энергичной динамике Запада они чувствуют тайну поиска Грааля, поиска православной духовной правоты. Следует раскрывать Западу Православие – сокровище, спрятанное на собственном поле, а не чужую, не экзотическую религию [Бер-Сижель 2015, с. 457].

Сама Э. Бер-Сижель (1907–2005) всей своей жизнью и творчеством свидетельствует о плодотворности такого начинания (лютеранка, сокурсница Эммануэля Левинаса по философскому факультету Страсбургского университета, познакомившись с С. Булгаковым, Е. Ковалевским, В. Лосским, П. Евдокимовым, о. Львом Жиле (католический священник, перешедший в православие и создавший православный приход в Париже), в 1929 г. принимает православие).

Н.М. Зернов в своих записках отмечает, что целью братства

...была борьба против внешних и внутренних врагов Церкви. Среди первых они считали самым опасным Рим, среди последних выделяли о. Булгакова, как экумениста и автора новых богословских идей. Братство было построено по образцу католических орденов. От братчиков требовалось полное подчинение главе братства. Заседания были закрытыми, решения тайными...⁸

С. Хоружий, приводя этот фрагмент, подчеркивает, что

...поскольку симпатии Зернова были всецело отданы РСХД, его характеристика довольно пристрастна (далее он обвиняет братство и в «доносе» на о. Сергия Булгакова), и облик братства представляется из нее не совсем верно. Как и в других лучших, чистейших движениях диаспоры, как и в РСХД, истинный пафос деятельности Фотиевцев был пафосом не вражды, а любви, пафосом истового и жертвенного служения [Хоружий 2018].

⁸Зернов Н.М., Зернова М.В. Указ. соч. С. 162.

Философ неоднократно обращался к истории Фотиева братства, считая его крайне важным для понимания «философии и богословия в рассеянии» и незаслуженно обойденным вниманием. При этом специальных исследований по истории Братства он не проводил, опираясь на сведения (часто не вполне точные фактологически), приводимые в уже известных источниках. В интерпретации С. Хоружего, в Фотиевом братстве сложилась оригинальная идея / интуиция церковности, которая соединила две противоположные установки: твердую верность Московской Патриархии и обращенность к Западу, стремление к созданию на Западе некоего автохтонного «православия латинского обряда» с корнями в древней западной церковной традиции эпохи до разделения Церквей. Важнейшая презумпция, позволяющая соединить несоединимое – идея Вселенскости православной церкви. Члены Братства разработали и представили в Московскую патриархию проект «православия латинского обряда» с элементами древнего галликанского обряда⁹. Данный проект был реализован в нескольких французских приходах. Н.А. Полторацкий в своем очерке «Западное Православие» (Одесса, 1960) подчеркнул:

Несмотря на количественно небольшие результаты, полученные от Указа Московской Патриархии от 1936 года, об учреждении французской общины Западного Православия, этот Указ имеет большое значение в том смысле, что им был провозглашен принцип о том, что Православная Церковь является Вселенской, а не только Восточной Церковью, и что разнообразие ее обрядов не должно ни в коей мере быть препятствием к ее догматическому единству и евхаристическому общению различных в обрядовом отношении ее частей¹⁰.

Хорошо известна также позиция членов Братства, особенно Вл. Лосского, в «споре о Софии» и полемике с С. Булгаковым. «После “спора о Софии” Владимир Лосский оказался *persona non grata* в русской православной общине Парижа», [Оболевич, Резвых 2017, с. 804], а члены Братства подверглись резкой критике, отторжению и даже травле со стороны правых и умеренных кругов эмиграции. Они были названы (и часто называются до сих пор) чекистами, большевиками, обскурантами. Во многом возможность объяснить свои взгляды в эмигрантской прессе была для них закрыта. Т. Оболевич

⁹ Ковалевский Е.Е. Святая месса по древнему галликанскому обряду, или Литургия по Святому Герману Парижскому / Пер. с фр. Н.А. Полторацкого // Западное Православие: Братство святителя Фотия: Переводы Николая Алексеевича Полторацкого. Одесса: Optimum, 2015. С. 301–383.

¹⁰ Западное Православие: Братство святителя Фотия... С. 449.

и Т. Резвых приводят мнение о Фотиевом Братстве писательницы Татьяны Манухиной, выраженное в письме к Вере Буниной (1936):

Молодежь «Фотиевского братства» принимая свою (до некоторой степени!) – «натасканность» в вопросах богословия за мистико-религиозные «высоты» хочет справиться с отцом Булгаковым и обличить его в ереси. Но «истина» учения о Софии будет либо утверждена, или отвергнута соборным религиозным опытом Церкви. Полемикой ее ни утвердить, ни свергнуть нельзя. «Фотиевские мальчишки» – народ молодой, самонадеянный – полагают по молодости, что начитавшись отцов Церкви, можно обо всем судить, подпираясь их авторитетом. Но тут совсем иной план, а потому другие пути познания истины [Оболевич, Резвых 2017, с. 805].

Это свидетельство постоянной участницы религиозно-философских собраний Бердяева, члена Союза русских писателей и журналистов во Франции, близкого друга м. Марии, редактировавшей вместе с П. Ковалевским воспоминания митрополита Евлогия, ценно хотя бы потому, что в духовном отношении, глубоко внутренне она проходила в принципиальном отношении тот же экуменический путь, что и «фотиевские мальчишки», пробиваясь сквозь «клерикальную скорлупу» к живому ядру инославной святости. Есть свидетельства о том, что В. Лосский сожалел о той резкости, с которой была написана книга «Спор о Софии», иногда и возлагал вину за это на членов Братства – «заставили написать», заявляя уже после смерти о. Сергия, что считает его величайшим богословом, а софиологию, которую стоит чуть подправить, – величайшим вкладом в богословие.

Опыт Братства едва ли можно назвать успешным, делает вывод С. Хоружий, учитывая «спор о Софии» и долгое «эхо» вокруг него, а также внутренний раскол среди фотиевцев. Сочетание двух радикально противоположных исходных установок не выдержало испытания временем. Созданная Е. Ковалевским «Православная церковь Франции» вышла из-под юрисдикции Московской Патриархии, а В. Лосский, сохранивший ей верность, ушел из созданного в 1944 г. «братчиками» Французского православного института святого Дионисия. Вместе с тем этот опыт несправедливо назвать неудачным, считает философ:

И мы заключаем, что видение Церкви, вдохновлявшее участников Братства Св. Фотия, не было заблуждением. Хотя, возможно, и нуждаясь в неких коррекциях (определить их – долг сегодняшней православной мысли), в своем существовании оно обрело принятие и продолжение в жизни современного Православия [Хоружий 2018].

Продолжая его мысль, подчеркнем, что драматический опыт Фотиева братства – это не столько копилка-хранилище-архив, сколько актуальная задача даже не сегодняшнего дня (как хотелось бы видеть С. Хоружему), а дня завтрашнего и послезавтрашнего.

Обратимся теперь к нашему главному герою – Николаю Алексеевичу Полторацкому. Он вступил в братство в 1934 г. Опираясь на текст его автобиографии¹¹, обозначим главные вехи. Н.А. Полторацкий – выходец из курской ветви известного рода Полторацких. Вместе с матерью и бабушкой он в 1925 г. легально выехал из Советской России во Францию для получения части наследства, доставшегося семье от бабушки-франуженки со стороны отца. Некоторое время семья жила в Ницце, а потом переехала в Париж. Первым домом, на 62 rue de la Republique в Медоне, куда Николай попал после переезда в Париж в 1926 г., был дом Ковалевских. Со всеми членами неординарной семьи у него возникла душевная близость. Именно через Ковалевских 17-летний юноша познакомился с православным Парижем, приобщился к этому миру. В Париже он окончил Высшую школу экономических и коммерческих наук, переводческое отделение Школы сравнительного права Парижского университета. Работал заведующим отделом в парижском издательстве школьной литературы. Состоял ответственным секретарем Благодетельского совета Русской православной церкви Московской Патриархии во Франции. Он был ученым (техническим) секретарем бердяевской Религиозно-философской академии, участником Дурданской группы движения Спротивления. В 1945 г. Н.А. Полторацкий избран начальником Фотиева Братства, которым формально оставался до марта 1949 г.

В 1947 г. в качестве начальника Братства он в составе делегации Западно-Европейского Экзархата почти полгода пребывает в СССР, а в 1948 г. возвращается на Родину. В семейном архиве Полторацких хранятся машинописные копии постановлений Совета Епископов Братства Н.А. Полторацкому (с подлинными автографами указанных нами ранее членов Совета) в связи со сложением им полномочий начальника Братства. Первый документ, датированный 13 марта 1949 г., сообщает о том, что со времени своего отъезда в СССР начальник Братства Н.А. Полторацкий до сих пор не установил отношений с членами Братства в Париже. В связи с этим выносятся постановление о том, что впредь до установления отношений с ним Епископальный совет берет на себя руководство

¹¹ *Полторацкий Н.А. «Ловец людей, их спутник и учитель» // Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах. Кн. 17. Одесса: Друк, 2004. С. 17–25.*

Братством и в месячный срок ожидает от Полторацкого объяснений¹². Постановление экстраординарного собрания Епископального Совета от 28 апреля 1949 г. под председательством старшего Епископата Братства, протоиерея Евграфа Ковалевского, информирует о том, что 14 апреля 1949 г. было получено письмо Полторацкого, адресованное В. Лосскому:

Настоящим довожу до сведения Братства Св. Фотия о принятом мною решении, с благословения Его Святейшества, Святейшего Алексия, Патриарха Московского и Всея Руси, сложить с себя полномочия начальника Братства, по причине моего физического удаления от центра деятельности Братства и связанного с этим затруднения в осуществлении непосредственного руководства последним¹³.

Н.А. Полторацкий предлагает в этом письме закрепить за ним звание Свободного Епископата со всеми вытекающими отсюда, на основе Устава Братства, правами и обязанностями. Члены Совета единогласно приняли решение об отставке Брата Николая и о назначении на должность начальника Владимира Лосского. Однако в связи с тем, что последний должен был в ближайшее время закончить докторскую диссертацию, временно управление Братством было возложено на Леонида Успенского. «Брат Николай» остался постоянным членом Совета Начальника Братства. Его попросили вернуть в ближайшее время новоизбранному начальнику Братства братскую печать, книгу протоколов и другие материалы, необходимые для деятельности организации. У нас нет информации о том, удалось ли Полторацкому выполнить просьбу о возвращении символических атрибутов Братства. Мы располагаем уникальной возможностью впервые предоставить слово Николаю Алексеевичу для изложения его версии истории и смысла деятельности Фотиева братства на основе хранящихся в семейном архиве транскрибированных аудиозаписей нескольких интервью Н.А. Полторацкого, записанных А. Панковым (1986–1991):

¹² Постановление Совета Епископатов Братства Святителя Фотия. 13 марта 1948 г., Париж. Машинопись. Копия (Автографы. Оригинал) (Личный архив семьи Полторацких).

¹³ Постановление экстраординарного собрания Епископального Совета. 20 апреля 1948 г., Париж. Машинопись. Л. 1 – копия. Л. 2. – оригинал. Автографы – оригинал) (Личный архив семьи Полторацких; на копии надпись чернильной ручкой: Переслать Н.А. Полторацкому, Одесса, Пушкинская, 79).

...к этому времени, 1930–1931 гг., я был в дружбе с известной церковной молодежью, которая основала так называемое Братство Святителя Фотия. Об этом Братстве нужно сказать несколько слов, потому что оно стоит особняком от Русского Студенческого Христианского Движения. Истоки его восходят к 1925 г. В 1925 г. многие дети и юношество, которые оказались на чужбине и, в частности, во Франции, попали в католические учебные заведения. Девочки учились в каких-то женских монастырях, потому что французские женские монастыри были воспитательного характера. Мальчики учились во французских колледжах... Но вскорости было замечено, что этих детей начали «окатоличивать» <...>. И сложилось, может быть, не совсем правильное отношение к католической церкви, предубеждение. Во всяком случае, было такое немного отрицательное отношение к этой католической акции помощи русским детям. И тогда в русской эмигрантской газете появилась статья одного из русских священников, из бывших посольских священников, по поводу этой самой католической акции по «окатоличиванию» детей. Статья возымела неприятное воздействие на католические круги, и, например, по студенческой линии немедленно прекратилась помощь русским студентам. И для защиты веры, чистоты православной веры на чужбине, в чужой обстановке образовалось Братство Святителя Фотия <...>. Почему Фотий? Какой Фотий? <...> многие православные смотрели на Фотия, как на фигуру скорее отрицательную, что, мол, из-за него произошел великий раскол Церкви на Западную и Восточную. А с другой стороны, Фотиевское Братство и другие смотрели на Фотия как на охранителя чистоты православия. И, может быть, поэтому хотели показать, что именно бескомпромиссная догматическая чистота православия должна сохраниться и что православие не является этнической принадлежностью русского или греческого народа, а православие имеет значение само в себе, как совокупность богословских истин, которые сохранила Восточная Церковь, но которые были присущи Западной до разделения. Образовалось Братство Св. Фотия, и основателями Братства был некий Алексей Ставровский, а другой был Евграф Ковалевский, который потом стал епископом. А в скорости к ним примкнул и Владимир Николаевич Лосский.

Я вступил в Братство уже года через два или три. Одним словом, Братство стояло на позициях абсолютной аполитичности, т. е. никакой политики не принимало...¹⁴

¹⁴ Николай Полторацкий: Интервью с Александром Панковым. Аудиозапись расшифрована и транскрибирована Анной Полторацкой (Личный архив семьи Полторацких).

Далее Н.А. Полторацкий размышляет о различии подходов В. Лосского и Н. Бердяева:

...Лосский, имея французское подданство, был большой французский патриот. Не как, скажем, Бердяев, который к каноническому праву относился скептически. Он даже мне как-то сказал, что заниматься канонами – это верный способ сломать себе голову. Но он пошел с Московской Патриархией не из канонических соображений, а из-за того, чтобы не порывать духовную связь с Россией. Для него Московская Патриархия – это была духовная связь с Россией. А, скажем, для Лосского это было скорее из канонических соображений, а не из национально-русских. Поэтому в числе тех, которые остались сторонниками Московской Патриархии, был известный конгломерат. По разным мотивам люди оказались все-таки вместе. Я был в числе Братства Св. Фотия. И оно оказалось тем стержнем, который поддерживал позицию Московской Патриархии. Когда на открытом собрании я был единогласно избран ответственным секретарем Благочиннического Совета Московской Патриархии, то после этого, естественно, со стороны правых кругов отношение ко мне было скорее отрицательное, критическое. Но благодаря этому я сразу после войны вошел в контакт с посольством, и соответствующие доклады посылал в Московскую Патриархию. Получил приглашение прибыть в Москву, сопровождая церковную делегацию во главе с Митрополитом Серафимом, который был преемником Митрополита Евлогия. Ну, и это же повлекло то, что после этого я побывал в Москве 5 месяцев и прибыл обратно и делал там доклады. Потом получил приглашение приехать в Советский Союз, в частности, в Москву, и работать в отделе внешнецерковных сношений, с одной стороны, и заниматься в Духовной Академии по западно-европейскому исповеданию. Но, когда я прибыл в 1948 г., то был немедленно отправлен в Одессу¹⁵.

Итак, вместо обещанной Москвы Н. Полторацкий оказывается в Одессе, где остается до конца жизни. Преподавая с перерывами в Одесской духовной семинарии, «парижский возвращенец» стал центром духовного, интеллектуального, богословского притяжения, радикально изменил своим влиянием жизненные траектории многих выдающихся одесситов (о чем свидетельствует, в частности, коллекция устных историй, записанных нами в рамках магистерского курса философского факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова «Основы теоретической биографистики» в 2016 г. Нашими собеседниками стали Борис

¹⁵ Там же.

Херсонский – известный психиатр, писатель, поэт, общественный деятель; Евгений Голубовский – известный литератор, журналист, создатель Всемирного клуба одесситов и др.).

Как отмечается в публикации А. Полторацкой и А. Панкова:

Встречи по воскресным дням дома или на даче у Николая Алексеевича были своего рода его религиозно-философской академией для окружающих его людей <...>. Николая Алексеевича окружали люди разных конфессий: ведь он мог не только дать им интересующую их богословскую литературу, привезенную из Франции, либо уже переведенную на родине, но и свидетельствовать о жизни и деятельности многих выдающихся деятелей неправославного христианства, которых лично знал и с которыми дружил [Панков, Полторацкая 2013].

В свете преимущественно негативной оценки роли Фотиева Братства в тяжбе о булгаковской софиологии особенно подчеркнем часто упоминаемый одесскими собеседниками Полторацкого факт его свидетельства о Сергии Булгакове в среде, где имя и дело выдающегося философа и богослова русского зарубежья было фактически неизвестно. В личной библиотеке Николая Алексеевича было много книг С. Булгакова, которыми он делился, он очень высоко и почти всегда позитивно в своих беседах оценивал булгаковское наследие. По воспоминаниям известного одесского философа Алексея Николаевича Роджеро (профессор Одесской национальной музыкальной академии имени А.В. Неждановой, многолетний руководитель герменевтического семинара, создатель научного общества «Одесская гуманитарная традиция»), именно Полторацкий в конце 1970-х гг. обратил его внимание на Сергия Булгакова в сравнении с более-менее известным тогда Николаем Бердяевым. «Как богослов Булгаков глубже, чем Бердяев как философ», – это замечание человека, лично знавшего обоих, стало во многом исходным импульсом уже самостоятельных глубоких булгаковских штудий А.Н. Роджеро в спецфондах киевских и московских библиотек. Философ вспоминает также еще один эпизод совместного общения, связанный с Булгаковым. Николай Алексеевич посетовал однажды на излишний антигебраизм и даже антисемитизм некоторых «горячих голов» в Одесской духовной семинарии. В ответ А.Н. Роджеро специально достал для него привезенную из Парижа книгу С. Булгакова «Христианство и еврейский вопрос» (УМКА-Press, 1991). Это был последний год жизни Полторацкого.

Н.А. Полторацкий активно занимался переводами, чаще всего совместно со своей женой, преподавателем английского и французского языков, переводчицей Натальей Филипповной Полторацкой

(урожд. Стояновой). Часто это был единственный заработок «неблагонадежной» семьи, члены которой из-за этого оставались без работы. Переводилась светская и богословская литература (Ж.-Ж. Руссо, О. Руссо, Ю. Мольтман, П. Тиллих и др.)¹⁶. Работа над переводами Руссо сблизила Полторацкого с известным историком, выдающимся знатоком французской общественной мысли XVIII в. В.А. Алексеевым-Поповым (исторический факультет Одесского университета) и с Ю.М. Лотманом.

Часть богословских текстов переводилась по заказу Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. Многого делалось «в стол». «После смерти Николая Алексеевича Полторацкого в его архиве остались переводы множества богословских текстов, которые относятся к богословской классике XX в.», – отмечает один из его собеседников, католический богослов и общественный деятель Александр Доброер¹⁷. Он обращает внимание на переводы текстов В. Лосского: Полторацкий считал своим долгом популяризировать мысль одного из своих ближайших друзей и соратников по Фотиеву Братству¹⁸.

Николай Полторацкий находился в тесном духовном общении с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием I, который подолгу пребывал в Одессе. Благодаря его вмешательству Полто-

¹⁶ См.: *Руссо Ж.-Ж.* Письма с горы / Пер. с фр. Н.А. Полторацкого // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 352–405. («Литературные памятники»); *Руссо О.* История литургического движения: Исторический очерк с начала XIX века до понтификата Пия X / Пер. с фр. Н.А. Полторацкого // Западное Православие: Братство святителя Фотия: Переводы Николая Алексеевича Полторацкого / Сост. А.Н. Катчук. Одесса: Optimum, 2015. С. 31–300; *Он же.* История литургического движения / Пер. с фр. Н.А. Полторацкого. К.: Дух і Літера, 2016. См. также [Мольтман 2013; Тиллих 2017].

¹⁷ *Доброер А.* Переводы Николая Полторацкого: Предисловие [Электронный ресурс]. URL: <http://igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/poltoratsky/translate> (дата обращения 13.04.2019). См. также: *Доброер А.* Н.А. Полторацкий // Они оставили след в истории Одессы: Биографический справочник. Одесса: Всемирный клуб одесситов, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://odessa-memory.info/index.php?id=194> (дата обращения 13.04.2019).

¹⁸ Владимир Лосский: Догмат о непорочном зачатии / Пер. с фр. Н. Полторацкого. Париж, 1953; Владимир Лосский: Искупление и обожение / Пер. с фр. Н. Полторацкого. Париж, 1953. См. также: *Клеман О.* Биографические данные Владимира Лосского // Вестник Русского западноевропейского Патриаршего экзархата: Памяти Вл. Лосского. Париж, 1959. № 30–31. С. 95–98.

рацкому удалось восстановиться на работе в Одесской духовной семинарии, откуда его увольняли как неблагонадежного. «Парижский возвращенец» вел активную переписку с Леонидом Успенским, с Евграфом и Максимом Ковалевскими, с другими представителями русского зарубежья. Многие из этих писем сохранились в личном архиве. Эти и другие документы, в большинстве своем еще не опубликованные, позволяют хотя бы частично реконструировать смыслы, символы и шифры «незавершенного духовного и интеллектуального проекта русской эмиграции на Западе», каким явилось Братство Святого Фотия.

Что же касается непосредственного и опосредованного участия Н.А. Полторацкого в распространении православия на Западе в наши дни, то оно осуществилось самым удивительным образом, для верующих людей, свидетельствующем о том, что непостижимость Провидения превосходит любое воображение. Так, сестра жены Н.А. Полторацкого Натальи Филипповны Полторацкой – Татьяна Филипповна Стоянова-Фоогд, оказавшись волею судьбы в Амстердаме и став славистом, старшим научным сотрудником Амстердамского университета, создает вместе со своим мужем Алексеем Фоогдом (впоследствии о. Алексием) Свято-Никольский храм – самый крупный православный приход столицы Нидерландов. Среди тех, кто помог сделать свой главный выбор, Т.Ф. Стоянова-Фоогд в первую очередь называет великую пианистку Марию Юдину и мужа сестры, Николая Полторацкого, направивших семью, ищущую пути православного служения, к владыке Антонию Сурожскому¹⁹.

Таким образом, есть достаточные основания считать Братство Святителя Фотия «незавершенным проектом», но отнюдь не только оттого, что этот проект оказался прерванным. Он незавершен, потому что продолжается в иных формах, сохраняя и трансформируя свои главные смыслы. Завершаем нашу публикацию словами Поля Вальера:

Православное богословие обнаруживает себя в пограничной ситуации, во внутреннем изгнании – в самой России в советское время. Богатства периода этого изгнания еще только начинают раскрываться. Коротко говоря, история современного православного богословия – это сложная история, и совсем не мирная и не гармоничная. Но Дух носится над бездной. Если мы будем смотреть с верой и ожиданием, то сможем увидеть сияние света [Вальер 2006, с. 62].

¹⁹ См.: *Фоогд-Стоянова Т.Ф.* К кончине Николая Алексеевича Полторацкого // *Фоогд-Стоянова Т.* «Что пройдет, то будет мило...»: наброски воспоминаний. Одесса: ВМВ, 2002. С. 149–161.

Литература

- Аржаковский 2000 – *Аржаковский А.* Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев: Феникс, 2000. 656 с.
- Бер-Сижель 2015 – *Бер-Сижель Э.* Первый франкоязычный православный приход // Западное Православие: Братство святителя Фотия: Переводы Николая Алексеевича Полторацкого / Сост. А.Н. Катчук. Одесса: Optimum, 2015. С. 450–469.
- Вальер 2006 – *Вальер П.* «Парижская школа» богословия: единство или разнообразие? // Православное богословие и Запад в XX веке: История встречи: Материалы международной конференции Синодальной Богословской комиссии Русской Православной церкви и итальянского фонда «Христианская Россия» (Италия, 2004). М.: Христианская Россия, 2006. С. 52–63.
- Возняк 2014 – *Возняк О.* Типологія православного богослов'я XX ст. // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. Вип. 706–707: Філософія. 2014. С. 226–232.
- Войтенко 2018 – *Войтенко А.А.* «Может быть, этот скандал на целые месяцы»: Этапы и итоги конфликта Г.П. Федотова с правлением Богословского института в Париже в 1939 году // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 6. С. 94–106.
- Войтенко 2017 – *Войтенко А.А.* «Напишу, что я отныне не уважаю своих коллег»: Действующие лица конфликта Г.П. Федотова с правлением Богословского института в Париже (1939) // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 4. С. 56–65.
- Гаврилюк 2017 – *Гаврилюк П.* Георгий Флоровский и религиозно-философский ренессанс. К.: ДУХ-І-ЛІТЕРА, 2017. 513 с.
- Кострюков 2016 – *Кострюков А.А.* О некоторых причинах неудачи православия западного обряда // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 2 (69). С. 80–97.
- Мольтман 2013 – *Мольтман Ю.* Человек / Пер. с нем. Н.А. Полторацкого и Н.Ф. Полторацкой. М.: Изд-во ББИ, 2013. 129 с. (Серия «Современное богословие»)
- Оболевич, Резвых 2017 – *Оболевич Т., Резвых Т.* «Два человека вернули Св. Отцов в философию – Флоровский и мой отец...»: Письма Владимира Лосского к Семену и Татьяне Франк: Приложение: Письма В.Н. Лосского к С.Л. и Т.С. Франк (1948–1954) // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы / Под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 801–818.
- Панков 2004 – *Панков А.А.* Биография Н.А. Полторацкого в контексте истории русской церковной эмиграции // Наукове пізнання: методологія і технологія. 2004. № 2 (14). С. 97–105.

- Панков 2008 – *Панков А.А.* Роль Николая Полторацкого в организации Фотиева Братства // Дружба: ее формы, испытания и дары / Сост. К.Б. Сигов. К.: ДУХ-ЛІТЕРА, 2008. С. 424–429.
- Панков, Полторацкая 2013 – *Панков А.А., Полторацкая А.Н.* Н.А. Полторацкий как свидетель веры // Мольтман Ю. Человек / Пер. с нем. Н.А. Полторацкого, Н.Ф. Полторацкой. М.: Изд-во ББИ, 2013. С. 119–128.
- Панков, Полторацкая 2015 – *Панков А.А., Полторацкая А.Н.* Роль Николая Алексеевича Полторацкого в деятельности Фотиева Братства // Западное Православие: Братство святителя Фотия: Переводы Николая Алексеевича Полторацкого / Сост. А.Н. Катчук. Одесса: Optimum, 2015. С. 9–30.
- Полторацкая 2008 – *Полторацкая А.Н.* О Николае Алексеевиче Полторацком // Дружба: ее формы, испытания и дары / Сост. К.Б. Сигов. К.: ДУХ-ЛІТЕРА, 2008. С. 421–423.
- Тиллих 2017 – *Тиллих П.* Протестантское богословие XIX–XX веков: История христианской мысли / Пер. с англ. Н.Ф. Полторацкая, Н.А. Полторацкий. Одесса: Optimum, 2017. 324 с.
- Хоружий 2011 – *Хоружий С.С.* Богословие в рассеянии: Философия и панорама процесса // Русское зарубежье: история и современность: Сб. статей. Вып. 1: К 90-летию акад. Е.П. Челищева. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 54–96.
- Хоружий 2018 – *Хоружий С.С.* Опыты из русской духовной традиции. М.: Litres, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/s-horuzhiy/opyty-iz-russkoy-duhovnoy-tradicii/chitat-onlayn/> (дата обращения 10.04.2019).
- Bourne 1975 – *Bourne V.* La Divine contradiction, I – l’Avenir catholique orthodoxe de la France. Paris: Librairie des Cinq Continents, 1975. 242 p.
- Gavrilyuk 2013 – *Gavrilyuk P.* Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance. Oxford: Oxford University Press, 2013. 298 p.
- Valliere 2000 – *Valliere P.* Modern Russian Theology: Bukharev. Soloviev. Bulgakov: Orthodox Theology in a New Key. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company Grand Rapid, 2000. 444 p.

References

- Arzhakovskii, A. (2000), *Zhurnal “Put” (1925–1940): Pokolenie russkikh religioznykh mysliteley v emigratsii* [The “Put” Journal (1925–1940): A Generation of Russian Religious Thinkers in Emigration]. Feniks, Kiev, Ukraine.
- Ber-Sizhel, E. (2015), “First French-speaking Orthodox parish”, in Katчук, A.N. (ed.), *Zapadnoe Pravoslavie. Bratstvo svyatitelya Fotiya: Perevody Nikolaya Alekseevicha Poltoratskogo* [Western Orthodoxy. The Brotherhood of Saint Photius: Translations by Nikolai Alekseevich Poltoratsky], Optimum, Odessa, Ukraine, pp. 450–469.
- Valliere, P. (2006), “The Paris School of Theology: Unity or Diversity”, in *Pravoslavnoe bogoslovie i Zapad v XX veke: Istoriya vstrechi: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii Sinodal’noi Bogoslovskoi komissii Russkoi Pravoslavnoy tserkvi i ital’yanskogo*

- fonda «Khristianskaya Rossiya» (Italiya, 2004)* [International conference of the Synodal Theological Commission of the Russian Orthodox Church and the Italian Foundation “Christian Russia”, “Orthodox theology and the West in the 20th c. History of meeting”], Christian Russia, Moscow, Russia, pp. 52–63.
- Vozniak, O. (2014), “Typology of Orthodox theology of the 20th c.”, *Naukovii visnik Chernivets'kogo universitetu. Zbirnik nauk. prats'. Vip. 706–707. Filosofiya*, pp. 226–232.
- Voytenko, A. (2018), “Maybe this scandal will last for months”. Stages and results of the conflict between G.P. Fedotov and the board of the Theological Institute in Paris in 1939”, *Bulletin of VolSU, Series 4. History. Regional studies. International relationships*, vol. 23, no. 6, pp. 94–106.
- Voytenko, A. (2017), “ ‘I will write that from now on I do not respect my colleagues’: Actors in the conflict between G.P. Fedotov and the board of the Theological Institute in Paris (1939)”, *Bulletin of VolSU. Series 4. History. Regional studies. International relationships*, vol. 22, no. 4, pp. 56–65.
- Gavrilyuk, P. (2017), *Georgiy Florovskiy i religiozno-filosofskiy renessans* [Georges Florovsky and the Religious and Philosophic Renaissance], Dukh i Litera, Kiev, Ukraine.
- Kostruykov, A.A. (2016), “Some reasons for the failure of Western Orthodoxy”, *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church*, vol. 69, no. 2, pp. 80–97.
- Moltman, Yu. (2013), *Chelovek* [A Human], Bibleyskiy bogoslovskiy institut, Moscow, Russia.
- Obolevich, T. and Rezvyih T. (2017), “Two persons brought the Holy Fathers back to Philosophy – Florovsky and my father...”. Letters from Vladimir Lossky to Semyon and Tatiana Frank. Appendix: Letters from V.N. Losskii to S.L. and T.S. Frank (1948–1954)”, in Kolerov M. (ed.), *Issledovaniya po istorii russkoy myisli* [13]: *Ezhegodnik za 2016–2017 g.*, [History of the Russian thought studies. Yearbook] Modest Kolerov, Moscow, pp. 801–818.
- Pankov, A.A. (2004), “Biography of N.A. Poltoratskii in the context of the history of the Russian church emigration”, *Naukove piznannya: metodologiya I tehnologiya*, vol. 14, no. 2, pp. 97–105.
- Pankov, A.A. (2008), “The role of Nikolai Poltoratskii in the organization of the Fotiev Brotherhood”, in Sigov K. (comp.), *Druzhiba: ee formy, ispytaniya i daryi* [Friendship: Its Forms, Trials and Gifts], Duh-i-Litera, Kiev, Ukraine, pp. 424–429.
- Pankov, A.A. and Poltoratskaya, A.N. (2013), “N.A. Poltoratsky as a witness of faith”, in Moltman, Yu., *Chelovek* [A Human], Bibleyskiy bogoslovskiy institut, Moscow, Russia, pp. 119–128.
- Pankov, A.A. and Poltoratskaya, A.N. (2015), “The role of Nikolai Alekseevich Poltoratsky in the activities of the Fotiy Brotherhood”, in Katchuk, A. (comp.), *Zapadnoe Pravoslavie. Bratstvo sovyatitelya Fotiya: Perevody Nikolaya Alekseevicha Poltoratskogo* [Western Orthodoxy. The Brotherhood of Saint Photius: Translations by Nikolai Alekseevich Poltoratsky], Optimum, Odessa, Ukraine, pp. 9–30.

- Poltoratskaya, A.N. (2008), "About Nikolai Alekseevich Poltoratskii ", in Sigov, K. (ed.), *Druzhiba: ee formy, ispytaniya i daryi* [Friendship. Its Forms, Trials and Gifts], Duh-i-Litera, Kiev, Ukraine, pp. 421–423.
- Tillich, P. (2017), *Protestantskoe bogoslovie XIX–XX vekov. Istoriya hristianskoy myisli* [Protestant theology of the 19th–20th centuries. History of the Christian thought], Optimum, Odessa, Ukraine.
- Khoruzhii, S.S. (2011), "Theology in the Diaspora. Philosophy and a Panorama of the Process", in *Russkoe zarubezhe: istoriya i sovremennost* [Russian Diaspora. History and modernity], vol. 1: *To the 90th anniversary of the E.P. Chelishcheva, ISISS RAS, Moscow, Russia*, pp. 54–96.
- Khoruzhii, S.S. (2018), *Opytyi iz russkoy duhovnoy traditsii* [Essays from the Russian spiritual tradition], Litres, Moscow, available at: <https://www.litres.ru/s-horuzhiy/opyty-iz-russkoy-duhovnoy-tradicii/chitat-onlayn/> (Accessed 10 April 2019).
- Bourne, V. (1975), *La Divine contradiction, I – l'Avenir catholique orthodoxe de la France*, Librairie des Cinq Continents, Paris, France.
- Gavrilyuk, P. (2013), *Georges Florovskii and the Russian Religious Renaissance*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Valliere, P. (2000), *Modern Russian Theology: Bukharev. Soloviev. Bulgakov. Orthodox Theology in a New Key*, William B. Eerdmans Publishing Company Grand Rapid, Michigan, USA.

Информация об авторах

Инна В. Голубович, доктор философских наук, профессор, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина; 650026, Украина, Одесса, ул. Дворянская, д. 2; golubinna17@gmail.com

Виктор Л. Левченко, кандидат философских наук, доцент, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина; 650026, Украина, Одесса, ул. Дворянская, д. 2; victor_levchenko@list.ru

Information about authors

Inna V. Golubovych, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Odessa I.I. Mechnikov National University, Odessa, Ukraine; bld. 2, Dvorianskaya Str., Odessa, Ukraine, 650026; golubinna17@gmail.com

Victor L. Levchenko, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Odessa I.I. Mechnikov National University, Odessa, Ukraine; bld. 2, Dvorianskaya Str., Odessa, Ukraine, 650026; victor_levchenko@list.ru

Бог распятый в основании новоевропейской науки и источники интерналистского антипозитивизма.

Статья вторая: Кожев

Иван С. Курилович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurilovich.i@rggu.ru*

Аннотация. Отношение религии и науки нередко понимается как проблемное, а сами они как стороны противостояния клерикализма и сциентизма. Аргументы обеих сторон уязвимы к подозрению в односторонности. На фоне указанных полемических партийных позиций выделяется изучение положительной значимости теологических топосов, тропов, мифологем в науке, когда его ведут светски, а тем более подчеркнуто атеистически. Один из ярких примеров подобного мы встречаем в размышлениях двух французских философов русского происхождения, Александра Койре и Александра Кожева. Исследуя генезис науки, Койре обнаруживает, что для современной математической физики необходим однородный мир, и он стал таковым впервые в христианской Европе XVI–XVII вв. Кожев продолжает размышления Койре – согласно ему, применение небесной науки математики к земной физике стало возможно благодаря привычке европейских мыслителей к скандальной мысли о воплощении бога, возможности бесконечности и совершенству родиться во плоти и тем самым ее «исцелить». Позиции обоих имеют свой исток в мысли Гегеля, но в ряде положений с ним не совпадают. Исследование состоит из трех частей, публикуемых отдельными статьями: об основании науки Нового времени согласно Койре, Кожеву и Гегелю. Представляемая вниманию читателей вторая часть посвящена Александру Кожеву.

Ключевые слова: теология, религиозные основания науки, научная революция, философия науки, онтологический аргумент, онтологическое доказательство, неогегельянство, Кожев

Для цитирования: Курилович И.С. Бог распятый в основании новоевропейской науки и источники интерналистского антипозитивизма. Статья вторая: Кожев // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 41–56. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-41-56

Начало см.: Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 3. С. 24–35.

© Курилович И.С., 2020

The Crucified God at the basis of modern European science and sources of the internalist antipositivism.

Article two: Kojève

Ivan S. Kurilovich

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kurilovich.i@rggu.ru*

Abstract. The Religion-Science relationship is often understood as problematic, and they themselves as sides in the confrontation between clericalism and scientism. Against the background of those polemic party positions stands out the study of the positive significance of theological toposes and mythology in science when it is secular and atheistic. One of the vivid examples of that one meets in the reflections of two French philosophers of Russian origin, Alexandre Koyré and Alexandre Kojève. By studying the genesis of science, Koyré discovers that modern mathematical physics requires a homogeneous world, and it became so for the first time in Christian Europe in the 16th–17th centuries. Kojève continues Koyré's reflections – according to him, the application of the celestial science of mathematics to terrestrial physics became possible through the habit of European thinkers to the scandalous thought about the Incarnation of God, about the possibility for the infinity and for the perfection to be born in the flesh and thus “heal” it. The positions of both have their origin in Hegel's thoughts, but in some points do not agree with him. The research consists of three parts published in three separate articles: on the foundation of Modern science at Koyré, Kojève and Hegel. The second part is about Alexandre Kojève.

Keywords: theology, religious foundations of science, scientific revolution, philosophy of science, ontological argument, ontological proof, neo-hegelianism, Kojève

For citation: Kurilovich, I.S. (2020), “The Crucified God at the basis of modern European science and sources of the internalist antipositivism. Article two: Kojève”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 41–56, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-41-56

Введение

Данная статья продолжает первую часть исследования [Курилович 2020], в которой было проанализировано понимание Александром Койре радикальности отличий средневекового и античного объяснений природы, восходящих к Аристотелю, от новоевропейского, идущего от Коперника, Галилея и Ньютона.

Основным отличием новой физики Койре считал принципиальную незамкнутость космоса, его однородности или неиерархичности, бесконечности и геометричности, что значит – точной исчислимости параметров физических объектов математически как умозрительных геометрических фигур. Переход от мира при близительности к бесконечной вселенной прецизионности Койре объяснял соединением небесной и земной физики, по отдельности существовавших у Аристотеля, которое стало возможно благодаря появлению воплощенной теории, материализации мысли – измерительного инструмента – того, что, в отличие от орудий труда, органы чувств увидеть не ждуют, что предсказывает именно ум, что было предметом умозрения.

Воплощение бесконечности и совершенства – интуиция по привычке

Вопроса уникальности ситуации Европы Нового времени, исходя из предпосылки, что эллинская наука и языческое богословие взаимосвязаны так же, как и европейская наука и христианство¹, специально касался друг и младший коллега Койре – Александр Владимирович Кожевников, или Кожев². Он продолжил курс Койре в секции наук о религии, посвятив шесть с половиной лет одному тексту Гегеля – «Феноменологии духа». Имея иное, русско-немецкое происхождение, Кожев был похож на Койре вниманием к религии, однако его интерес изначально был шире. Прежде всего сами тексты открывают нам, что Кожева волновали восточные верования, прежде всего буддизм, к которому он обращался с ранних черновигов, но диссертацию он написал о русском религиозном

¹Предполагать отсутствие связи между античной наукой и языческой теологией, говорит Кожев в работе «Христианское происхождение современной науки», помещенной в сборнике, посвященном Койре, «неуместно в контексте настоящего тома» [Кожев 2007, с. 418].

²При этом, как думал сам Кожев и в этом находил причину разлада их дружбы, Койре был недоволен тем, что Кожев позаимствовал у него идею религиозных корней современной науки [Rosen 2000, р. 208]. Однако сама эта идея не только восходит к Гегелю, о чем будет следующий параграф, но также имеет более поздних сторонников, непосредственных предшественников и старших коллег Койре и Кожева, работы которых обоим не могли не быть знакомы: Эмиль Дюркгейм, Пьер Дюэм (Дюгем, Duhem), Морис Блондель, Альфред Норт Уайтхед, Фернан Бродель, не говоря о последующих философах и историках науки.

философе Владимире Соловьеве. Местами провокативно, Кожев именовал себя одновременно и атеистом, и «смертным Богом» [Кожев 2003, с. 610; Rosen 2000, p. 214, 219], что не мешало ему дружить с иезуитом Гастоном Фессаром³. Другой же слушатель семинаров о Гегеле, Жорж Батай, карикатурно изобразил самого Кожева в качестве «иезуита отца А.» в «Крысиной истории (Дневник Диануса)», где философ, как можно судить по иллюстрациям Джакометти, служит прототипом герою, в котором «нет ничего сатанинского», это «монах-атеист, служащий делу, как он говорит, враждебному Церкви»⁴. Можно сказать, что, как и Койре, Кожева теология привлекала тематически, но он также не разделял «мировоззренческую» позицию верующих⁵. Как и Койре, Кожев связывал развитие науки с набором идей глубоко метафизических, философских и отказывал профессиональным философам в привилегированном доступе к этим идеям: развитие философских принципов может идти не только благодаря философам, но и через религиозных деятелей, через ученых. Уникальность же философии в том, что эти принципы получают в ней свое адекватное выражение, пригодное для их аргументирования, развития и преодоления. О развитии науки Кожев писал еще до своего гегелевского семинара в «Идее детерминизма в физике классической и физике современной» (*L'idée du déterminisme dans la physique classique et dans la physique moderne*, 1932), значимом тексте для понимания позиции Кожева по поводу квантовой механики, и позже, в трехтомном «Очерке об обоснованной (разумной, толковой) истории языческой философии» (*l'Essai d'une histoire raisonnée de la philosophie païenne*, 1953–1955), где во втором и третьем томе можно узнать взгляды Кожева на предпосылки и противоречия эллинистической науки. Однако мы сосредоточимся на тексте, прямо касающемся

³Фессар, как и другие постоянные слушатели семинаров о Гегеле, говорил о признательности Кожеву, отправляя ему свои произведения, среди которых «Диалектика духовных упражнений Святого Игнатия Лойолы» (*La dialectique des exercices spirituels de Saint Ignace de Loyola*), «Образ, символ и историчность» (*Image, symbole et historicité*), но в отличие от произведений Лакана, Кено или Батая, произведения Фессара в личном архиве Кожева, хранящемся в Национальной библиотеке Франции, разрезаны, а нередко и содержат множественные маргиналии Кожева – в отличие от книг и статей более знаменитых слушателей семинара, произведения Фессара у Кожева интерес вызвали.

⁴Батай Ж. Ненависть к поэзии. М.: Ладомир, 1999. С. 231.

⁵Согласно Кожеву, религиозность есть ошибка в мировоззрении [Кожев 1993, p. 42].

нашей темы, статье «Христианское происхождение современной науки» (*L'origine chretienne de la science moderne*, 1964), написанной для сборника памяти Койре, и на важных метафизических и историко-философских замечаниях «Заметки о Гегеле и Хайдеггере» (*Note sur Hegel et Heidegger*, 1936).

Под наукой в современном смысле слова Кожев понимал физику, основанную на математических расчетах, но новой была не математика, а именно ее применение к природе подлунного мира на основании представления об однородности устройства неба и земли. Эта наука появилась в определенном месте, в Центральной, Южной и Западной Европе в XVI–XVII вв. Кожев сравнивает Европу с Китаем, утонченность, изысканность и разнообразие культуры которого самому Кожеву были хорошо известны и в целом являются общепризнанным фактом. Однако, вопреки возможным ожиданиям, все величие китайской культуры и относительный покой на протяжении долгих веков не дали аналогов Ньютона и Галилея. То же и с Индией, которая в дополнение к собственным интеллектуальным традициям получила эллинистическую науку напрямую, но только эксплуатировала ее результаты две тысячи лет. Многие еврейские мыслители также превосходно разбирались в эллинистической науке, но не внесли в нее значимый вклад. И даже арабская наука, которую за усвоение эллинистической мысли и за углубление этих знаний принято считать значительным шагом для Средневековья, оказывается для Кожева примером отсутствия математизации химии, хотя и химия, и математика мусульманского мира внесли однозначно положительный вклад. Ни греки, создавшие основания эллинистической науки задолго до крушения их цивилизации, ни римляне, ни романизированные кельты и германцы не развили рано собранные плоды эллинизма до науки в современном понимании.

Сама уверенность современной науки, что математические формулы и расчеты соответствуют наблюдаемой реальности и наоборот, не может следовать с необходимостью из данности глазу, вооруженному или нет, тем более что математизированная физика не претендует на какой-то ограниченный фрагмент мира или на отдельный аспект, но предлагает с необходимостью универсальную применимость – и так с самого своего появления в XVI–XVII вв. Если предположить, что уровень благосостояния и теоретической готовности к появлению науки Нового времени у европейцев не был уникален, но, насколько можно строить подобные аналогии в истории, был характерен и для ближне- и дальневосточных цивилизаций, то при отсутствии расовых предрассудков остается предположение, что сама мысль о математизированной физике либо

появилась случайно, либо пришла в естествознание откуда-то еще, например из доминирующего комплекса идей, использовавшегося для объяснения мира, из доминирующей религии и основанной на ней цивилизации, в недрах которой трудились интеллектуалы, постоянно производились новые идеи, эдакие мутации догмы, ереси, большинство из них уходило в небытие, но совпадение обстоятельств и появление новой идеи дали свои плоды. Кожев интересуется: что в комплексе мировоззрений, мифологем, искусстве, религии и культуре было такого там и тогда, чего не имели при прочих равных условиях народы, культуры, не создавшие науку, преобразившую мир за три века⁶? Ни идея единого бога, ни данность бога в лицах, ни творение из ничего, ни непорочное зачатие, ни схождение сына Бога к людям – ничего из перечисленного не уникально для христианства. Единственное отличие, которое есть в Европе к концу Средневековья, – это повсеместная привычка к мысли о боговоплощении, воплощении бесконечной совершенной истины в конечном временном текучем мире без умаления бесконечности: «если христианство ответственно за современную науку, то именно догмат о Воплощении один несет эту ответственность» [Кожев 2007, с. 424]. Скандальная и кощунственная повсюду, кроме христианства, став привычной, эта мысль дала прообраз математизированной физике:

...что такое Воплощение, как не возможность для вечного Бога реально, без утери своего абсолютного совершенства, присутствовать во временном мире, где мы сами живем? Но если присутствие в воспринимаемом мире не разрушает этого совершенства, то и сам мир совершенен (либо был, либо будет), во всяком случае, в какой-то мере (которую, впрочем, никто не мешает с точностью установить). Если, как это утверждают верующие христиане, земное (человеческое) тело

⁶Кожев связывает свое рассуждение о появлении науки из привычности догмата Боговоплощения с идеей конца истории, он считает научно-технический прогресс спутником наступления умиротворения и всеобщего признания: «...какой, собственно, догмат христианской теологии в конечном счете ответственен за (относительное) господство, которое христианские народы (и только они) осуществляют сегодня над атомной энергией; иначе говоря, какое господство, возникающее в период конца истории, только и может способствовать быстрому восстановлению рая на земле без какого-либо причинения зла – по крайней мере физического, – кому бы то ни было?» [Кожев 2007, с. 423–424]. Неожиданно, что об исключительно мирном атоме Кожев пишет в 1964 г., после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. и через два года после Карибского кризиса.

может «в то же самое время» быть телом Бога, следовательно, божественным телом и если, как это мыслили ученые греки, божественные (небесные) тела правильно отражают вечные связи между математическими сущностями, ничто не препятствует более отысканию этих связей на этом свете, как и на небе [Кожев 2007, с. 425].

Хотя многие ученые до Коперника и были христианами, они не были христианскими учеными, т. е., будучи христианами, они развивали нехристианскую науку. Для них даже Луна была трансцендентна и жила по небесным, «надлунным», законам. Но к XVI в. в Европе, и только там, освоение античного естествознания и математики значительное время сочеталось с достаточным усвоением догмата воплощения, понимаемого как метафора неразрывной связи идеи конечного и идеи бесконечного и в итоге конечной природной материализации универсальных и совершенных законов математики, что сделало саму природу, пространство и время бесконечными и безупречно исчисляемыми. Определяет достаточность привычности догмата воплощения, согласно Кожеву, проникновение христианских идей в сознание людей настолько, что они от христианизации правового устройства или частной жизни переходят к христианизации высших форм человеческой деятельности (неотличимых, добавим мы, от форм абсолютного духа у Гегеля, среди которых непосредственно первым является искусство). Христианской теологии на проникновение во все области культуры, а не только в обрядово-культурную, праздничную и моральную жизнь, понадобились долгие века. Христианской философии до конца Средневековья не существовало: хотя были философы-христиане, их мысль обращалась вокруг принципов Платона и Аристотеля. Озабоченные чистотой веры, церковные лица и невнимательно, и зачастую некомпетентно могли оценивать философию, в которой античные образцы (а они, утверждал Кожев, принципиально языческие) брали верх на протяжении всех Средних веков вплоть до Ренессанса. Кожев вспоминает об архитектуре, а именно о появлении первой христианской работы с объемами и выразительностью, о готике. Она засвидетельствовала, что на уровне искусства Европа прониклась идеей соединения неба и земли настолько, что заставила каменные своды парить. Если архитектуре нужна была дюжина веков, чтобы стать христианской, то науке понадобилось еще больше. Личная смелость и гениальность [Кожев 2007, с. 426] Коперника довершили дело для науки, выступающей последней, – теперь материя может воспринять совершенство, как Бог воспринял человеческую плоть и исцелил ее. Помещение земли на небо Коперником – своего рода телесное

воскресение Земли вслед за Иисусом. Математические законы, в языческой науке использовавшиеся только для описания небесной механики, в христианской науке – как воплощенный и телесно воскресший Бог по отношению к телесному миру, не подчиняют физические объекты, не управляют ими, но воплощены в них, полновесно живут их жизнью, и сами физические объекты более не чужды математике, но уже являются математизированными, оставаясь физическими. Ученый, следовательно, может их изучать, не боясь трансцендентального разрыва неприменимости качественно различных законов одной природы к другой. Бесконечность и точность математики с конечностью и ускользающей нечеткостью соединена теперь неизменно, нераздельно и неразлучно – достаточно, чтобы объяснить природу количественно.

Новизна догмата Воплощения следует из того, что понимает Кожев под язычеством и прочими нехристианскими религиями, из культуры которых не возникло мыслителей с новой физикой, а точнее из того, как Кожев обобщил все многообразие античной гражданской и мистической религии до некоторой «классической» языческой теологии, служащей, согласно ему, фоном для греческой философии от Парменида до Прокла и для всей эллинистической науки. Согласно Кожеву, дохристианская теология предполагала «двойную трансцендентность Бога», недоступность человеку Божества даже после смерти человека:

Даже полностью освободясь от своего тела (что, впрочем, христианину совсем не нужно), язычник будет остановлен на полпути своего вознесения к Богу не то чтобы непроницаемым, но, во всяком случае, непреодолимым заслоном, который, если угодно, «божественен» в над-мирском или сверх-земном смысле: Бог по отношению к язычнику, строго говоря, есть и навсегда останется трансцендентным. Теос в «классическом» язычестве существует не только по ту сторону мира, в котором живет язычник. Этот Теос существует еще и безнадежно по ту сторону Потустороннего, которого язычник после своей смерти может, при случае, достигать. Покидая землю, язычник никогда не встанет на путь, который мог бы его привести к его Богу [Кожев 2007, с. 418–419].

«Заслон» или «барьер», «экран» (Écran) может пониматься по-разному: у Платона, согласно Кожеву⁷, как утопический иде-

⁷ И отчасти вопреки тексту «Менона», где Сократ говорит: «А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить

альный Космос, у Аристотеля – как эфирное планетарно-звездное небо, – но будь этот заслон идеальным или пространственным, он для язычника преодолим лишь богом. Как бы указанный непреодолимый даже после смерти заслон ни понимался, он оказывается и пределом возможных проявлений и воплощений языческого бога. Согласно таким образом понятию трансцендентальной языческой теологии, профанный мир, в котором заперт человек, не математизируется, не представляет собой упорядоченное исчисляемое единство, его элементы непостоянны, беспредельно дробятся и преобразуются в собственные противоположности. Вечным и точным математическим законам нет места в материи, если она не чистый эфир, недоступный органам чувств. Математизировать, что значит идеализировать, профанный мир для язычника кощунственно. Кожев полагал, что убежденные язычники, такие как Платон и Аристотель, не просто посчитали бы современную математическую физику чистой глупостью, так поступили бы ученые греки, но философы восприняли бы ее как большой скандал. Однако мало не быть язычником, считал Кожев, – буддисты, иудеи, мусульмане были не более успешны в науке, чем древние греки или римляне. Для прорыва в науке принципиальна теология христиан с ее догматом Воплощения.

Можно было бы возразить, что прообраз Воплощения есть даже в олимпийской мифологии, не говоря о языческих мистических культах. Общеизвестны приключения олимпийских богов в обликах людей и животных, что можно принять за раннюю форму христианского Воплощения. Также общеизвестен индуистский термин «аватара» («нисхождение»). Однако, как и греческие боги среди людей, аватара понимается скорее как явление, чем как воплощение, так как аватара – форма самопрезентации или манифестации божества в материальном мире, при том что сама эта форма является одной из возможных ролевых адаптаций божественной сущности, доступной восприятию смертных, что не значит, что бог становится существом низшего мира, он лишь принимает его облик. Подобная позиция сравнима с христи-

то, что прежде ей было известно. И раз *все в природе друг другу родственно*, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать» – (Платон. Менон [81d]; [курсив наш. – И. К.]. См. также: Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 589). Вероятно, Кожев имел в виду недоступность Демиурга, притом делал это, смешивая платонизм с неоплатонизмом.

анской ересью докетизма. В «Бхагавад-гите» Кришна называет функцию аватар: восстановление порядка во вселенной на том или ином ее уровне. То есть роль аватар подобна *Deus ex machina*. Христиане же утверждают, что «Слово плоть бысть», «Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Евг. от Иоанна. I, 14), «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» (Афанасий Великий), – не притворился, не явился человеком, не вселился или соединился посредством благодати в рожденного человека (как верили несториане), но стал. Одна из трех ипостасей (ликов) единого живого Бога, Слово Божие (Логос) или Сын Божий, стала телесной. Так, как родился, жил, был казнен и умер Иисус, не делал до него никто из богов. Именно Христос, распятый всерьез, со страданием, позорно, и так умерший – безумие для язычника. Согласно необходимой для появления современной науки, как стремился доказать Кожев, догматике большинства христианских направлений, Иисус жил полноценным человеком в обыкновенном человеческом теле, воспринимал себя как человеком рожденная и живущая во плоти человеческая личность, человеческое тело, дух и душа, сущая в равной мере Второй Ипостасью Единого Бога, что значит восприятие двух природ как по форме, так и по содержанию, при том, что личность у двух природ одна. Будь Христос богом в телесной оболочке, не совершилось бы обожение человеческой природы и, по аналогии, не появилась бы и математическая физика. Но чтобы событие на Голгофе было совершено всерьез, а не в качестве представления, чтобы это была действительная жертва, необходимо было, чтобы единственный бог сам принял человеческую природу. Третьей природы это не породило, но человеческая природа преобразилась. Тем самым это двуединство оказалось не временным приобретением плоти, но, как определил IV Вселенский Собор, две природы, божественная и человеческая (сразу всех людей), соединились в одной из ипостасей бога неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно – свершилось неотменяемое онтологическое и антропологическое преобразование. Кожев, ссылаясь на трактат Августина «О Троице», писал: «То, чем является Воплощение для христиан, не имеет ничего общего с так называемыми “воплощениями”, которые встречаются в языческих мирах и библейских историях: становиться и быть Человеком совсем не то, что принимать человеческую (или иную) форму (или вид)» [Кожев 2007, с. 508]. Сколь бы эта мысль ни была общим местом, важно отметить: и Гегель также утверждал, что идея воплощения бога является исключительно христианским нововведением, тогда как языческие аналоги воплощения скорее приписывают бо-

гам человеческие пороки, а, принимая облики людей, оставляют это лишь образом⁸.

Кожев не остановился на прошлом, на происхождении математической физики благодаря христианизации науки и задался вопросом своего века: означает ли принятие европейской науки нехристианскими цивилизациями их христианизацию и следует ли из атеизации научного сообщества необходимость появления новой постхристианской науки? С одной стороны, победа новоевропейской науки по всей планете означает повсеместное внедрение ее философских оснований, которые составляют нерелигиозную философскую суть христианства, а значит, делают всех ученых любых культур христианскими учеными, даже если они как индивиды исповедуют другие религии. С другой стороны, если представители нехристианских культур не смогли совершить интеллектуальный скачок к математизации физики в силу того, что не были подготовлены своими религиями, то уже совершенный и давший плоды данный ход принять можно, независимо от религиозной веры, она перестала доминировать в качестве ведущей формы духа и не имеет существенного значения. Как для ученых-христиан долгое время Воплощение не означало точности, четкости и математизируемости физики, так и физики-нехристиане вполне могут при использовании математических моделей не нуждаться в обращении к предметам физического мира как к совершенным; им необязательно считать, что математика действует в физике, реально получая физическую плоть, достаточно находить математические закономерности, чтобы упорядочить феноменальный опыт⁹. Что же касается вопроса о последствиях атеизации научного сообщества, то первое, на чем настаивает Кожев, – это необходимость помнить, что новоевропейские ученые не только не были язычниками или носителями какой-либо нехристианской веры, они не были и атеистами, они даже не выступали против католицизма, они видели врагом не христианство, а аристотелизм схоластики. Больше того, именно мыслители Нового времени принялись за первую христианизацию философии. Среди них одним из первых христианских философов для Кожева был Декарт, а последний христианизатор – Кант, после него философия, наконец, стала христианской, чтобы закончиться как лишь любовь к мудрости и стать подлинной наукой благодаря

⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. СПб.: Наука, 1994. С. 153–154.

⁹ Но также могли делать и ученые Нового времени, а если так, то положения Кожева содержат излишние предпосылки – см. критику Кожева у Стивена Льюиса Голдмана [Goldman 1975].

Гегелю¹⁰. Вместе с тем в христианизированном наукой мире научное сообщество все более и более атеизировалось. Согласно Кожеву, последовавшая за светскостью атеизация науки не осталась для нее бесследной. Христианство не до конца разрушило интуитивную невозможность бесконечному быть в конечном, и вслед за утратой лидирующих интеллектуальных позиций христианства допустимо возвращение к языческому трансцендентализму – оно и произошло, по Кожеву, в квантовой физике, в которой законы микромира иные, отличающиеся от законов макромира, – это трансцендентный утопический интеллигибельный мир неоплатоников. И то, что микромир может определять мир человеческого существования «случайным» образом (как случайность представленности суперпозиции микромира в макромире), есть языческий реванш, впрочем, лишь частичный, так как математика остается языком описания обоих миров [Кожев 2007, с. 437–438]. В «Идее детерминизма» Кожева мы узнаем, что не Эйнштейн преодолел классическую физику, а Планк [Kojève 1990, p. 39]. Положения квантовой механики поколебали идеал универсальности и экспериментальной верифицируемости классической причинности, ведущей к тому, что отдельные физические явления и ситуации реальности можно предсказать из общих положений. Квантовая механика утвердила неснимаемую дуальность систем наблюдателя и наблюдаемого, а за каждым из них обнаружила бесконечное раздваивание вновь на наблюдателя и наблюдаемое¹¹, чем разрушила наивный реализм, с одной стороны, и сквозную почти оптическую проницаемость реальности познанием по единым правилам, ясно и отчетливо. Произведенные квантовой механикой изменения в умах ведут к отказу от детерминированности в пользу статистических корреляций, не имеющих всевозрастающей предсказательной силы, как это было в классической физике. Классическая математизированная (христианская) физика предполагала абсолют, точку зрения вечности, в которой полнота проникновения в бесконечность вселенной и детерминизм позволяли обзирать без препятствий стрелу времени в оба направления. Наиболее ярко это было выражено образом Демона Лапласа. Принцип неопределенности Гейзенберга в квантовой физике разрушил эти надежды. Но разрушив его, он разрушил и концепцию христианского бога. Современная дехристианизиро-

¹⁰ Вопрос, на ком должна закончиться философия, для Кожева проблемный. См.: [Курилович 2019б].

¹¹ Такое положение вещей напоминает гегелевское описание феноменального опыта, где мы имеем многоступенчатое раздвоение предмета на его данности в себе и для нас.

ванная физика воспринимает теперь детерминизм мира не как его онтологическую (и космологическую) характеристику, но лишь как регулятивную идею при работе в значительной мере «контингентном» мире [Kojève 1990, p. 54]. Иначе та же проблема для современной и будущей науки понята Кожевом как немислимость «актуальной бесконечности». В современной науке, в частности в канторовской теории множеств, а также во всякой уверенности в неслучайности совпадения теоретических математически точных ожиданий и практических наблюдений лежит идея «актуальной бесконечности», но Кожев считал ее немислимой, а только представимой по аналогии с воплощенным божеством, определение которого восходит к онтологическому аргументу Ансельма Кентеберийского в «Прослогионе» и Декарта в 3-м «Метафизическом размышлении» как действительно существующее то, больше чего ничего нельзя помыслить. Проблема здесь в том, что само изъятие идеи «абсолютной бесконечности», согласно Кожеву, равносильно утрате уверенности, что научные выводы имеют необходимый характер, т. е. утверждению случайности корреляции физических законов и данных опыта [Kojève 1993; Курилович 2019a].

Заклучение

Как можно судить из сказанного, Кожев развил идею Койре о значимости воплощения теории, но обратился для этого не к появлению инструмента (его скорее стоит считать следствием, чем причиной соединения метафизических неба и земли), а к тому, откуда могла появиться сама по себе скандальная идея воплощения теории. Ответ Кожева: из догмата Воплощения Сына Божьего, Второй Ипостаси Троицы, Логоса, Иисуса Христа. Доводом в пользу христианского происхождения новой науки является то, что она возникает в христианской Европе, что единственное отличие христианства от прочих религий состоит в догмате воплощения, а отличие новой науки от старой, античной и средневековой – математическая физика – кажется подобной этому догмату. Иначе говоря, привычка считать возможным воплощение совершенства в конечном несовершенном мире без умаления бесконечности и совершенства, что, по мнению вероучителей большинства христианских конфессий, сделал Иисус, со временем привела к мысли о математической физике. Математические законы, в языческой науке использовавшиеся для описания небесной механики, в христианской науке (как воплощенный и телесно воскресший бог по отношению к телесному миру) не подчиняют физические

объекты, не управляют ими, но воплощены в них, полностью живут их жизнью, и сами физические объекты более не чужды математике, но уже являются математизированными, оставаясь физическими. Следовательно, ученый может их изучать, не боясь трансцендентального разрыва неприменимости качественно различных законов одной природы к другой. Бесконечность и точность математики с конечностью и ускользающей нечеткостью физического мира соединена теперь неизменно, нераздельно и неразлучно – достаточно, чтобы объяснить природу количественно, математически. Возможный контраргумент о разнице, по меньшей мере, в тысячу лет между победой христианства на большей части Европы и появлением новой физики Кожев объяснил постепенностью христианизации: сначала оно преобразовало индивидуальную жизнь, затем общественную, включая право, позже искусство (готическая архитектура), и лишь став привычными везде и всюду, христианские идеи наконец были восприняты высшими формами интеллектуальной деятельности европейского человечества, философскими и естественнонаучными. Последовавшая за развитием науки популярность светскости среди образованных людей, однако, поставила под вопрос само существование христианства как религии и создало предпосылки для постхристианской науки, первые шаги которой Кожев нашел в принципе неопределенности Гейзенберга. В заключительной, третьей, части статьи будет показано, насколько концепции Койре и Кожева зависимы от гегелевской философии науки и почему, в отличие от них, Гегель не принимал математику за образец научности.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00948 «Культурный трансфер между Россией и Францией в контексте феномена русского зарубежья: новые архивные материалы».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Cultural Transfer between Russia and France in the Context of the Russian Abroad Phenomenon: New Archival Materials”, no. 20-011-00948.

Литература

- Кожев 2003 – *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 791 с.
- Кожев 2007 – *Кожев А.* Атеизм и другие работы. М.: Практикс, 2007. 512 с.
- Курилович 2019а – *Курилович И.С.* Мышление бесконечного как эпистемологическая проблема философской системы А. Кожева // *Философский журнал*. 2019. Т. 12. № 3. С. 33–47.
- Курилович 2019б – *Курилович И.С.* Проблема философских оснований политической ангажированности А. Кожева // *Ежегодник по феноменологической философии*. Вып. 5. М.: РГГУ, 2019. С. 226–240.
- Курилович 2020 – *Курилович И.С.* Бог распятый в основании новоевропейской науки и источники интерналистского антипозитивизма. Статья первая: Койре // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2020. № 3. С. 24–35.
- Goldman 1975 – *Goldman S.L.* Alexander Kojève on the origin of modern science: Sociological modelling gone awry // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. 1975. Vol. 6. No. 2. P. 113–124.
- Kojève 1990 – *Kojève A.* L'idée du déterminisme dans la physique classique et dans la physique moderne. Paris: Librairie Générale Française, 1990. 349 p.
- Kojève 1993 – *Kojève A.* Note sur Hegel et Heidegger // *Rue Descartes*. 1993. No. 7: Logiques de l'éthique. P. 35–46.
- Rosen 2000 – *Rosen S.* Kojève à Paris. Chronique // *Cités. Le corps humain sous influence: la bioéthique entre pouvoir et droit*. 2000. No. 3. P. 197–220.

References

- Goldman, S.L. (1975), "Alexander Kojève on the origin of modern science: Sociological modelling gone awry", *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*, vol. 6, no. 2, pp. 113–124.
- Kojève, A. (1990), *L'idée du déterminisme dans la physique classique et dans la physique moderne*, Librairie Générale Française, Paris, France.
- Kojève, A. (1993), "Note sur Hegel et Heidegger", *Rue Descartes*, no. 7: Logiques de l'éthique, pp. 35–46.
- Kozhev, A. (2003), *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to the Reading of Hegel], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Kozhev, A. (2007), *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and other works], Praktis, Moscow, Russia.
- Kozhev, A. (2010), "Gegel', Marks i hristianstvo", *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 128–143.
- Kurilovich, I.S. (2019), "Thinking of the Infinite as an Epistemological Problem of A. Kojève's Philosophical System" *Filosofskii zhurnal*, vol. 12, no. 3, pp. 33–47.

- Kurilovich, I.S. (2019), “The problem of the philosophical foundations of A. Kojève's political engagement”, in *Ezhegodnik po fenomenologicheskoj filosofii* [Yearbook on Phenomenological Philosophy]. Iss. 5, RGGU, Moscow, Russia, pp. 226–240.
- Kurilovich, I.S. (2020), “The Crucified God at the basis of modern European science and sources of the internalist antipositivism. Article one: Koyré”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 24–35.
- Rosen, S. (2000), “Kojève à Paris. Chronique”, *Cités. Le corps humain sous influence: la bioéthique entre pouvoir et droit*, no. 3, pp. 197–220.

Информация об авторе

Иван С. Курилович, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; kurilovich.i@rggu.ru

Information about the author

Ivan S. Kurilovich, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; kurilovich.i@rggu.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.77

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-57-71

Есть ли место личным данным в цифровом будущем?

Виктор К. Левашов

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия, levachov@mail.ru*

Оксана В. Гребняк

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия, oksanapov@yandex.ru*

Аннотация. Авторы рассматривают зарубежный практический опыт (в первую очередь на примере КНР) в вопросах применения цифровых технологий и искусственного интеллекта для решения практических задач, продиктованных, в числе прочего, необходимостью контроля за распространением COVID-19. Сравнение методов борьбы с коронавирусом Китая и европейских стран демонстрирует акцент на разнополярных возможностях цифрового развития и их разницу с точки зрения эффективности борьбы с заболеванием и с точки зрения прав и свобод личности. Внимание уделено также особенностям сбора информации для bigdata, реальности и перспективам внедрения инновационных цифровых технологий и искусственного интеллекта на территории Российской Федерации. Ввод новейших цифровых технологий и систем искусственного интеллекта требует равновесия со стороны адаптированного под новинки законодательства и усилий, направленных на обеспечение безопасности частной жизни граждан в результате усиливающейся цифровизации всех систем государства. Подчеркивается важность ликвидации цифровой неграмотности как императива цифровых практик во всех сферах: как практического пользования приложениями, так и безопасности и функционирования технологий с целью создания комфортной цифровой среды для граждан всех поколений.

Ключевые слова: цифровизация, сбор данных, bigdata, безопасность личных данных, COVID-19, борьба с пандемией

© Левашов В.К., Гребняк О.В., 2020

Для цитирования: Левашов В.К., Гребняк О.В. Есть ли место личным данным в цифровом будущем? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 57–71. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-57-71

Is there a place for personal data in the digital future?

Viktor K. Levashov

*Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Moscow, Russia, levachov@mail.ru*

Oksana V. Grebnyak

*Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Moscow, Russia, oksananov@yandex.ru*

Abstract. The authors consider foreign practical experience (primarily on the example of the PRC) in the application of digital technologies and artificial intelligence to solve practical tasks dictated, among other things, by the need to control the spread of COVID-19. A comparison of the methods used to combat the coronavirus in China and European countries demonstrates an emphasis on the heteropolar possibilities for digital development and their difference in the effectiveness of the fight against the disease and in terms of individual rights and freedoms. Attention is also paid to the specifics of collecting the information for Big Data, as well as the reality and prospects of implementing innovative digital technologies and artificial intelligence in the Russian Federation. The introduction of the latest digital technologies and artificial intelligence systems requires a balance between legislation adapted to new developments, and efforts aimed at ensuring the security of citizens' private lives as a result of the increasing digitalization in all state systems. It emphasizes the importance of digital illiteracy in all areas: both the practical use of applications, and the security and functioning of technologies in order to create a comfortable digital environment for citizens of all generations.

Keywords: digitalization, data collection, Big Data, personal data security, COVID-19, fighting the pandemic

For citation: Levashov, V.K. and Grebnyak, O.V. (2020), "Is there a place for personal data in the digital future?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 57–71, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-57-71

Цифровизация и технологии искусственного интеллекта (ИИ) становятся стратегическим транснациональным трендом в рамках шестого технологического уклада. Их стремительное развитие и внедрение в повседневную жизнь обусловлено естественным развитием науки, техники, цивилизации и протимулировано мировым кризисом пандемии COVID-19. Являясь новым двигателем экономического роста, цифровизация и ИИ становятся основным предметом соперничества между крупнейшими мировыми державами. Не в меньшей степени, чем уровень технического развития, важно разумное встраивание новейших технологий в функционирование государства и обыденную жизнь. Меняются не только устройства и предметы, но и уклад жизнедеятельности общества, его культура, коммуникационная структура, уровень воздействия на окружающую среду. От соразмерной и бесконфликтной трансформации государства и общества под влиянием технологий зависит, насколько устойчивой будет дальнейшая коэволюция человека, общества и природы. На сегодняшний день говорить о соразмерности сложно, учитывая растущее цифровое неравенство. Равновесие имеет спорный формат: «цифра» и искусственный интеллект в равной степени подразумевают полярные понятия свободы слова в Интернете и жестких штрафов за обширный перечень тем; возможности использования анонимайзеров и сбор данных с возможностью их дешифрации и т. д. Иными словами, это в равной степени свобода и тотальный контроль, вопрос в том, готовы ли мы к такому равенству.

Актуальные цифровые практики

Способность оперативно применять новейшие технологии в соответствии с требованиями момента не менее важна, чем сам по себе уровень технологического развития. Эта способность, наравне с готовностью жертвовать личным пространством и личными удобствами для достижения общей цели стали необходимостью в 2020 г. в связи с распространением вируса COVID-19. Наилучшим образцом здесь может послужить пример Китайской народной республики.

В период коронавирусной пандемии на контроль за передвижением и контактами населения в Китае были брошены все системы видеонаблюдения и сбора гео- и идентификационных данных. Это немалая сеть: в 2020 г. общее число видеокамер с системой автоматического распознавания лиц в КНР должно было достигнуть 626 млн. Контроль за перемещениями осуществлялся и мобильными

операторами. Оперативно была внедрена система «Код здоровья»: на основе базовых сведений о здоровье, перемещении, контактах каждому человеку присваивался QR-код определенного уровня (зеленый – свободное передвижение, желтый – самоизоляция на 7 дней, красный – самоизоляция на 14 дней). Коды считывались при посадке в такси, входах в крупные здания, вокзалы. Благодаря этому при обнаружении заболевших круг возможных зараженных оперативно выявлялся. Строжайшее выполнение всех карантинных требований, ношение масок в общественных местах и прочие санитарно-гигиенические меры привели к быстрому сокращению числа болеющих в период «первой волны». Устойчивое положение сохраняется и осенью 2020 г.: по данным Национальной комиссии здравоохранения КНР, 21 ноября было выявлено всего 17 новых случаев заболевания: из них 14 считаются «привозными» и лишь 3 случая «внутреннего» заражения¹. Для сравнения: в России по данным на 22 ноября за сутки был выявлен 24 581 новый случай заболевания²; во Франции за тот же период – свыше 13 тысяч³.

Справедливости ради отметим, что и государственное устройство, и менталитет населения Китая способствуют развертыванию более полной и быстрой системы цифрового контроля по сравнению с европейскими странами. В чрезвычайных ситуациях необходимость в централизованном регулировании и соблюдении жесткой дисциплины вырастает в разы. Успех Китая на первых же этапах борьбы с COVID-19 легко объясняется тем, что строгость выполнения предписаний и навык постоянного контроля является для местного социума нормой как элемент политической культуры, и для получения доступа к личным данным не нужны внештатные ситуации. В то же время правительства ряда европейских стран (в частности, Италии, Франции, Германии и др.), внедряя контроль за передвижениями зараженных граждан, вынуждены были экстренно принимать дополнительные законы и делать специальные заявления о возможности передачи личных данных без согласия лица, которому эти данные принадлежат. Действия эти были впоследствии раскритикованы судом Европейского союза, считающим незаконным массовый сбор и хранение данных через мобильных

¹Daily briefing on novel coronavirus cases in China // National Health Commission of the PRC. 22.11.2020. URL: http://en.nhc.gov.cn/2020-11/22/c_82218.htm (дата обращения 22.11.2020).

²Сайт «Стопкоронавирус». URL: <https://стопкоронавирус.рф>

³Во Франции за сутки выявили свыше 13 тыс. носителей SARS-CoV-2 // ИА REGNUM: [сайт]. 22.11.2020. URL: <https://regnum.ru/news/society/3121920.html> (дата обращения 22.11.2020).

и интернет-провайдеров под предлогом обеспечения национальной безопасности. Подобные меры, согласно резолюции суда ЕС, должны быть жестко ограничены во времени и проводиться исключительно под надзором судов или независимых административных органов⁴.

Подчеркнем оперативность Китая, ставшего очагом распространения нового заболевания. Китай первым ввел жесткие карантинные меры: часть населенных пунктов была заблокирована, в ряде городов было приостановлено движение общественного транспорта, проводилось массовое тестирование на наличие вируса, миллионам граждан было запрещено покидать дома. США и Европа начали подключать ограничительные меры значительно позднее, до последнего стремясь минимизировать потери для экономик из-за закрытия границ (для туристов, мигрантов, товаров), промышленных и культурно-развлекательных предприятий и пр.

Важно отметить, что меры по борьбе с коронавирусом – не единственный пример внедрения Китаем в обыденную реальность цифровых технологий. Так, с 2014 г. запущен пилотный проект системы социального кредита (social credit system), выстраивающего рейтинг индивида исходя из соблюдения им законов и правовых норм. За отсутствие противоправных действий, за общественную деятельность, своевременную оплату счетов и кредитов начисляются баллы, за нарушения и проступки – вычитаются. Зачисление/ списание происходит автоматически на основе данных систем контроля, наблюдений, сведений о графике выплаты налогов, штрафов и прочих баз цифровых данных, то есть благодаря тотальной цифровизации деятельности социальных, коммунальных, полицейских служб. Высокий социальный рейтинг гарантирует доступ к скидкам и льготам (например, снижение стоимости коммунальных услуг или процента по кредиту). Нежелание придерживаться правил понижает социальный рейтинг и, соответственно, закрывает доступ к социальным благам: неблагонадежным гражданам могут запретить занимать должности на госслужбе, отказать в продаже комфортных мест на поезд/самолет и, в некоторых случаях, вообще запретить пользоваться поездами и самолетами⁵. Согласно

⁴Пресс-релиз Суда ЕС от 06.10.2020. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2020-10/cp200123en.pdf> (дата обращения 01.10.2020).

⁵China to bar people with bad “social credit” from planes, trains // REUTERS. 16.03.2018. URL: [/https://www.reuters.com/article/us-china-credit/china-to-bar-people-with-bad-social-credit-from-planes-trains-idUSKCN1GS10S](https://www.reuters.com/article/us-china-credit/china-to-bar-people-with-bad-social-credit-from-planes-trains-idUSKCN1GS10S) (дата обращения 01.10.2020).

программе, к 2020 г. каждый гражданин Китая будет оцениваться в режиме реального времени [Самусева 2019]. По оценке всемирной правозащитной организации Human Rights Watch, Китай выстроил «сеть тотальной государственной электронной слежки и изощренную систему интернет-цензуры»⁶. Даже работа местного Интернета построена в рамках «Великого китайского файрвола», позволяющего властям ограничивать доступ к зарубежным ресурсам и фильтровать результаты запросов в поисковых сетях.

Близкие по функциям цифровые технологии, вводимые на территории РФ, как правило, вызывают отторжение в социуме [Белова, Великая 2020]. Камеры с функцией распознавания лиц, социальный мониторинг передвижений для больных коронавирусом, цифровые пропуска и т. д. – в первую очередь воспринимаются и обозначаются как первые шаги к цифровому концлагерю и тотальной слежке.

Цифровой след

Реакция российских граждан на установку камер с функцией распознавания личности и создание облачных баз данных для госучреждений создает впечатление, что это первые и уникальные для нашей страны технологии по сбору и хранению личной информации. Это ошибочное впечатление. Интернет давно перестал быть информационно-коммуникационной технологией, он превратился в полноценное социальное пространство, в котором каждый индивид уже оставил цифровой след (его называют также отпечатком и даже цифровой тенью), растущий с каждым днем – уникальный набор прослеживаемых действий в интернете. «Следы» оставляют смартфоны, ноутбуки, фитнес-трекер, проездные билеты, банковские карты. Информация о пользователе и его действиях сохраняется в глобальном массиве больших данных (bigdata). Рост объемов циркулирующей информации колоссальный: по прогнозам, глобальная инфосфера к 2025 г. может вырасти до 175 зетабайт⁷ (для справки 1 Зетабайт = 1 триллион Гигабайт). Очевидна

⁶ *Пот К.* Китай как источник глобальной угрозы правам человека: Всемирный доклад 2020 / HumanRightsWatch: [сайт]. URL: <https://www.hrw.org/ru/world-report/2020/country-chapters/337324> (дата обращения 30.09.2020).

⁷ *The Digitization of the World – From Edge to Core.* Исследование International Data Corporation при поддержке Seagate Technology. URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-dataage-whitepaper.pdf> (дата обращения 30.09.2020).

ее коммерческая ценность, что приводит к постоянному совершенствованию технологии обработки больших данных и извлечения из них прибыли.

В Интернете источниками сведений становятся запросы поисковых систем, переписка и контакты социальных сетей, данные от «умных» вещей и многое другое. Подавляющее большинство маркетинговых стратегий и избирательных программ строится на изучении информации о потребителе/избирателе и подборе максимально эффективных методик влияния на него. Свою выгоду находят злоумышленники: из размещенных фотографий, комментариев, по результатам банковских транзакций и проставляемых «лайков» можно составить общую картину о месте жительства и работы, уровне дохода, политических и религиозных взглядах, совершаемых покупках и использовать их в мошеннических схемах. Как отмечает израильский ученый Юваль Ной Харари (Yuval Noah Harari), личные данные сместили землю и технологии, возглавив рейтинг ценных ресурсов: «Сегодня информация является самым ценным активом в мире, потому что с её помощью можно завладеть и манипулировать людьми. ...Ваши данные – самый важный актив, который у вас есть»⁸.

Совокупность следов можно условно разделить на две категории. *Идентификационные данные* – паспорт, адрес, телефон, место работы, личные фотографии, номер банковской карты и пр., что позволяет установить личность гражданина. Получение таких сведений открывает мошенникам широчайшие возможности для афер как в киберпространстве, так и оффлайн. *Пассивные данные* – совокупность сведений, собираемых из поисковых систем, мобильными операторами, технические файлы от посещенных ресурсов и др. Это отпечаток личности человека: в нем явно видны интенции человека, его интересы, потребности, социальный и интеллектуальный уровень. Это именно тот набор информации, который можно анализировать в обезличенном (то есть без использования идентификационных данных о гражданине) виде для статистики, бизнеса, маркетинга и пр.

Подчеркнем, что разделение совокупностей данных именно условное. Это важно учитывать, так как в действительности обязательства операторов по конфиденциальности, обезличиванию и прочие меры не являются гарантией анонимности персональных данных.

⁸Программа «Познер»: гость Юваль Ной Харари // 1TV. Выпуск от 24.06.2019. URL: <https://youtu.be/cr2o6EWdq9A?t=2327> (дата обращения 30.09.2020).

На сегодняшний день основной правовой преградой от злоупотреблений при обработке bigdata является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Однако, как отмечают специалисты по информационному праву, технологии bigdata несовместимы с рядом базовых принципов, лежащих в основе законодательства о персональных данных [Савельев 2015]. К примеру, 152-ФЗ ограничивает использование собранных данных конкретными, заранее сформулированными целями (ст. 5, пункт 2), в то время как суть и смысл bigdata в многократном использовании. Также ст. 5, пункт 3 запрещает объединение баз данных, что выносит за рамки правового поля ряд аналитических преимуществ технологии работы с bigdata.

Что же касается обезличивания анализируемых данных, приказ Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных» формулирует однозначные требования. В частности, должны использоваться обратимые методики, то есть должна оставаться «возможность преобразования, обратного обезличиванию (деобезличивание), которое позволит привести обезличенные данные к исходному виду, позволяющему определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту, устранить анонимность», а также «возможность косвенного деобезличивания (возможность проведения деобезличивания с использованием информации других операторов)»⁹.

Итак, понятно, что обезличивание не сможет обеспечить защиту и неприкосновенность личных данных и частной жизни граждан. Тем временем внедряются все новые технологии, направленные на сбор и анализ новых объемов информации, в том числе носящих изначально идентификационный характер.

Цифровизация в России и отношение к ней граждан

В настоящее время практические разработки в сфере ИИ и нейросетей идут полным ходом и постепенно включаются в различные отрасли экономики и общественных отношений. Пока сохраняется выраженная неравномерность цифровой оснащенности центра-

⁹Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 5 сентября 2013 г. № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных». URL: <https://base.garant.ru/70451476/> (дата обращения 11.11.2020).

ной области страны и отдаленных регионов, столичный регион используется как «песочница» для отработки цифровых систем, планируемых к распространению по мере сокращения цифрового неравенства.

Так, московский метрополитен с 2018 г. тестирует систему распознавания лиц. Современные камеры способны «узнать» человека, чье фото есть в базе, даже в маске, очках и головном уборе, что повышает шанс поимки преступников, находящихся в федеральном розыске. При наличии базы данных, сопряженной с медицинскими сведениями, в чрезвычайных ситуациях наподобие пандемии COVID-19 камеры могли бы предупреждать о входе в метро граждан с подтвержденным диагнозом, нарушивших карантин. В перспективах обыденного использования таких камер – подключение возможности оплаты «лицом».

Есть еще множество интересных наработок отечественного производства. К примеру, российский разработчик средств информационной безопасности «Сёрч Информ» выпустил систему Profile Center с уникальным алгоритмом анализа текста по общей тональности, длине предложений, преобладанию тех или иных слов. По результатам составляется психологический портрет пользователя на основе более чем трех десятков личностных качеств: базовые эмоции, психотип, уровень самооценки и амбиций, возможное взаимодействие с коллективом, риски правонарушений. Помимо статичного психологического портрета модуль способен выполнять прогностические функции.

В ходе совместной работы специалистов Научного центра психологического здоровья, Психологического института РАО и Института русского языка им. В.В. Виноградова разрабатывается сервис, позволяющий диагностировать склонность к депрессии, обнаружить признаки агрессии или иного пограничного состояния по активности человека в социальных сетях. В ходе конференции Open Talks AI-2020 о сервисе рассказал заведомом «Интеллектуальный анализ информации» Института проблем искусственного интеллекта ФИЦ ИУ РАН Иван Смирнов: «Мы получаем информацию из профиля, информацию о социальных связях: друзья, подписчики, сообщества. И анализируем изображения, которые публикует пользователь. Например, невротизм и экстраверсия очень хорошо определяются только на основе информации из профиля и матрицы репостов»¹⁰.

¹⁰ *Ядуха В.* Искусственный интеллект ставит диагнозы пользователям соцсетей // Журнал «Компания». 05.03.2020. URL: <https://ko.ru/articles/iskusstvennyu-intellekt-stavit-diagnozy-polzovatelyam-sotssetey/> (дата обращения 11.11.2020).

В 2020 г. в России активизировался и прямой сбор личных данных: 8 июня 2020 г. подписан ФЗ-№ 168 «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». В документе будут зафиксированы все идентификационные номера, сведения об образовании, работе, родителях, супругах и детях, долгах, состоянии здоровья. Запущенный несколько ранее перевод медицинских карт и трудовых книжек в цифровой формат отлично вписывается в процесс пополнения ЕФИР (единый федеральный информационный регистр), как и запущенный 1 июля 2020 г. эксперимент по созданию и (в дальнейшем) использованию приложения «Мобильный идентификатор» вместо гражданского паспорта. По совокупности фактов, граждане сразу провели параллели между созданием единого регистра, активизации проекта цифрового паспорта, вспомнили QR-коды для цифровых пропусков в период самоизоляции и сравнили всю эту совокупность с китайскими QR-кодами. За опасение перспектив тотальной цифровой диктатуры легко зацепились и длительное время муссировались в обществе конспирологические теории о чипировании через вакцинацию, включающие в себя возможность прямой манипуляции носителями.

Еще одним крупнейшим и одним из самых неоднозначно воспринятых пилотным проектом текущего года можно назвать закон об искусственном интеллекте, принятый для скорейшего усовершенствования комплекса технологических решений, имитирующего когнитивные функции человека. Эксперимент, начавшийся в июне 2020 г., расширит правительственные базы данных новыми объемами изображений, голосов и т. д. «Можно сказать, что новый закон подразумевает официальное оформление тотального контроля над гражданами, что чревато нарушением их права на неприкосновенность частной жизни, а также, имея в виду слабую защиту персональных данных, усиление мошеннических схем», – отмечает М. Игнатъев (руководитель адвокатского бюро «Михаил Игнатъев и партнеры»¹¹. Не осталось в стороне от критики электронное голосование, проводимое в период пандемии COVID-19 и обнаружившее целый ряд недоработок и технических накладок, связанных как с процессом выборов, так и затруднениями доступа к нему.

В целом, что касается экстренного введения цифровых практик в период самоизоляции, основная заслуга – на взгляд рядовых

¹¹ Изменения в закон «О персональных данных» – контроль над гражданами // ИА REGNUM. 04.05.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2938192.html> (дата обращения 30.09.2020).

граждан – лежит на представителях бизнеса (торговые сети, зарубежные платформы видеоконференций), а неудачные инициативы и тревожные ожидания ассоциируются с действиями правительства, что, на взгляд автора, выстраивает негативное совокупное отношение граждан к цифровизации [Новоженина, Гребняк 2020]. Общую тенденцию можно наблюдать по итогам проведенного в декабре 2018 г. Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН 48-го этапа мониторинга «Как живешь, Россия?». Резкий рост пользователей цифровых технологий, вызванный пандемией, еще не начался, что объясняет большое количество граждан, затруднившихся с оценкой влияния цифровых технологий на нашу жизнь (см. табл. 1). Но вектор становления отношения к эффектам «цифры» уже можно проследить.

Таблица 1

Мнение респондентов о том, к каким результатам приводит внедрение цифровых технологий в нашу жизнь (РФ, декабрь 2018. N = 1605)

<i>Вопрос: «Прочитайте суждения о том, к каким результатам приводит внедрение цифровых технологий в нашу жизнь, и в каждой из пяти пар отметьте то суждение, с которым Вы согласны»</i>	%
К повышению уровня и качества жизни всех граждан страны	37
К снижению уровня и качества жизни, увеличению количества бедных граждан	21
Затруднились ответить	42
К участию граждан в управлении обществом и государством	26
К снижению уровня прав, свобод и безопасности граждан	24
Затруднились ответить	50
К укреплению суверенитета и безопасности страны	21
К ослаблению суверенитета и к росту зависимости извне	26
Затруднились ответить	53
К расширению свободного доступа к мировому культурному наследию, научному знанию и сохранению природы	34
К навязыванию стандартов и ценностей массового потребления товаров и услуг, к деградации природы	34

Окончание табл. 1

<i>Вопрос: «Прочитайте суждения о том, к каким результатам приводит внедрение цифровых технологий в нашу жизнь, и в каждой из пяти пар отметьте то суждение, с которым Вы согласны»</i>	%
Затруднились ответить	32
К здоровому образу жизни и укреплению нравственности	17
<i>К разрушению нравственности и моральной деградации</i>	33
Затруднились ответить	50

Источник: Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушанова И.С. Экспресс-информация: Как живешь, Россия? XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь–декабрь 2018 г. / Под общ. ред. В.К. Левашова [Электронное издание]. М.: Перспектива, 2019. 59 с. URL: <https://goo.gl/2ZAze1>

Респондентам предлагалось выбрать ответы в пяти парах альтернативных суждений¹². Этот индикатор позволяет получить информацию о том, как оценивается гражданами реализация цифровых технологий с пяти разных сторон нашей жизни. Как видно из таблицы, лишь в отношении последствий для уровня и качества жизни граждан респонденты настроены оптимистично. По двум индикаторам из пяти («Ослабление суверенитета и безопасности страны» и «Разрушение нравственности и моральная деградация») негативные ожидания преобладают. В отношении прав и свобод граждан, а также доступа к мировому культурному наследию и культуре потребления мнение респондентов почти в равной степени разделилось на оптимистичное и пессимистичное.

Заключение

РФ обладает технологическими и интеллектуальными возможностями для дальнейшей разработки собственных и внедрения зарубежных технологий. Сложность состоит в преодолении кри-

¹² *Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушанова И.С. Экспресс-информация: Как живешь, Россия? XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь–декабрь 2018 г. / Под общ. ред. В.К. Левашова [Электронный ресурс]. М.: Перспектива, 2019. 59 с. URL: <https://goo.gl/2ZAze1>*

тического отношения со стороны граждан и повышении цифровой грамотности. Ключевым фактором успешного функционирования систем искусственного интеллекта, технологий отслеживания контактов заболевших граждан, маркетинговых и новостных алгоритмов и пр. является сбор и анализ личной информации. Исторически это имеет отрицательную социально-политическую коннотацию в восприятии россиян и воспринимается как слежка, вездесущий глаз условного «большого брата», создавая ощущение поднадзорности и вызывая чувство протеста. На наш взгляд, для реализации программы Цифровой экономики РФ в целом и внедрения технологий, способных сыграть роль в борьбе с ситуациями, аналогичными тем, что сложились в период пандемии COVID-19 в частности, необходимо усилить работу по двум направлениям.

Первое – это обеспечение безопасности хранения, передачи и доступа к полученным от граждан идентификационным сведениям. На сегодняшний день слишком часты утечки из баз данных, содержащих паспортные данные, финансовую информацию, номера телефонов и пр. Согласно аналитике Info Watch, за 2019 г. объем утечки персональных данных в России вырос более чем на 40% по сравнению с 2018 г. В итоге количество скомпрометированных персональных составило более 170 млн¹³. Безопасность хранения должна предоставляться по умолчанию, а не являться дополнительной платной функцией. Чувство защищенности остается одной из базовых потребностей человека, без которой невозможно стабильное, устойчивое гражданское общество [Немировский, Немировская 2012]. Потеря контроля над приватностью делает невозможным ощущение социальной защищенности. Дополнительным подтверждением вышесказанному служит тот факт, что, несмотря на невысокую общую оценку важности нацпроекта «Цифровая экономика» (8-е место из 13 проектов для респондента лично и 11-е место из 13 для всего общества), 16% опрошенных в августе–сентябре 2020 г. респондентов считают «защиту цифровой информации и персональных данных» самой необходимой из внесенных в Конституцию РФ поправок¹⁴.

Второе направление – комплексное – касается повышения доверия к действиям властей. Из вышеизложенного видно, что

¹³ Урманцева А. Переход на личное: в 2019 г. утекло вдвое больше персональных данных // Известия. 2019. 27 дек. № 247 (30477). С. 1.

¹⁴ Экспресс-информация: Как живешь, Россия? 50-й этап социологического мониторинга, август–сентябрь 2020 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2020/12/экспресс-информация-как-живёшь-россия.pdf>

большинство пессимистичных ожиданий напрямую связано с опасениями граждан, что полученные данные будут использоваться для манипуляций, контроля, дополнительных финансовых сборов, пропаганды. Для принуждения, дополнительных ограничений или в иных, не раскрываемых заранее, целях. Без минимизации этих факторов в общественном сознании высока вероятность отторжения массового внедрения «умных» технологий. Целью и фундаментом цифрового всеобуча должно стать всеобщее повышение цифровой грамотности граждан не только в сфере практического владения конкретными приложениям, но и в усвоении научно-популярных представлений о принципах функционирования новейших технологий, что позволит повысить научно-критическое восприятие конспирологических теорий.

Литература

- Белова, Великая, Фадеева 2020 – *Белова Н.И., Великая Н.М., Фадеева Е.В.* Социальные страхи россиян в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // I Российско-Иранский социологический форум: Сборник тезисов докладов участников форума / Отв. ред. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М.: Перспектива, 2020. С. 186–196.
- Немировский, Немировская 2012 – *Немировский В.Г., Немировская А.В.* Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107). С. 113–127.
- Новоженина, Гребняк 2020 – *Новоженина О.П., Гребняк О.В.* Особенности реализации проекта «Цифровая экономика» в условиях пандемической реальности // X Международная социологическая Грушинская конференция «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности»: Материалы конференции / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 139–144.
- Савельев 2015 – *Савельев А.И.* Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (BigData) // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
- Самусева 2019 – *Самусева О.А.* Социальный рейтинг как системная характеристика политической надежности в китайском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 349–361.

References

- Belova, N.I., Velikaya, N.M. and Fadeeva, E.V. (2020), “Socialnuyе strahi v usloviyah pandemii koronavirusnoi infekcii COVID-19” [Social fears of Russians in the context of the Covid-19 pandemic], in Ryazantsev, S.V. and Rostovskaya, T.K. (eds.),

- I Rossijsko-Iranskiy sociologicheskiiy forum, sbornik tezisev dokladov uchastnikov foruma* [Proceedings of the 4th International Conference on I Russian Iranian sociological Forum], Perspektiva, Moscow, Russia, pp. 186–196.
- Nemirovsky, V.G. and Nemirovskaya, A.V. (2012), “*Chuvstvo nezashchishchemosti ot sotsial'nykh hopasnostey kak osnova tipologizatsii regionov*” [Sense of unprotectedness against social dangers as a basis of the regions typology], The public opinion monitoring, no. 1 (107), Russia, pp. 113–127.
- Novozhenina, O.P. and Grebnyak, O.V. (2020), “Features of the Digital Economy project implementation in the context of pandemic reality”, in Kuleshova, A.V. (ed.), *Proceedings of the X international sociological Grushin conference “Living in Russia. Living in peace. Sociology of everyday life”*, Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya, Moscow, Russia, pp. 139–144.
- Savelyev, A.I. (2015), “The Issues of Implementing Legislation on Personal Data in the Era of Big Data”, *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 43–66.
- Samuseva, O. (2019), “Social rating as a system mark of political reliability in the Chinese society”, *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 6, pp. 349–361.

Информация об авторах

Виктор К. Левашов, доктор социологических наук, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; levachov@mail.ru

Оксана В. Гребняк, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; oksananov@yandex.ru

Information about the authors

Viktor K. Levashov, Dr. of Sci. (Sociology), Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Str., Moscow, Russia, 119333; levachov@mail.ru

Oksana V. Grebnyak, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Str., Moscow, Russia, 119333; oksananov@yandex.ru

УДК 316.628

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-72-81

Пандемия и поведение россиян: социологический срез

Галина А. Цветкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Qaltsvet@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены особенности поведения современных россиян во время коронавируса, ставшего социально злободневной проблемой, мгновенно охватившего территории различных субъектов России. Основой публикации являются социологические исследования различного уровня, а также публикации средств массовой информации, позволившие сформулировать основные закономерности, регулярно проявлявшиеся во время эпидемии, рассмотреть ее типичные воздействия на социальную организацию людей. Приведены данные сравнительного анализа влияния эпидемии на поведение людей сегодня и сто лет назад. С этой целью использованы итоги изысканий, проведенные в этой области П. Сорокиным.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, россияне, общественное сознание, поведение, взаимодействие, социальные проблемы

Для цитирования: Цветкова Г.А. Пандемия и поведение россиян: социологический срез // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 72–81. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-72-81

Pandemic and Russian behavior. Sociological cross-section

Galina A. Tsvetkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Qaltsvet@yandex.ru*

Abstract. The article presents the specifics in the behavior of modern Russians during the coronavirus, which has become a socially topical issue, instantly covering the territories of various subjects of Russia. The publication is based on sociological studies of various levels, as well as publications

© Цветкова Г.А., 2020

of the mass media, which allowed for formulating the main patterns that were regularly manifested during the epidemic and considering its typical effects on the social organization of people. The results of a comparative analysis of the impact of the epidemic on human behavior today and a hundred years ago are presented. To that end the results of research conducted in the area by P. Sorokin are used.

Keywords: pandemic, coronavirus, Russians, public consciousness, behavior, interaction, social issues

For citation: Tsvetkova, G.A. (2020), "Pandemic and Russian behavior. Sociological cross-section", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 72–81, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-72-81

Постановка проблемы

Актуальность заявленной проблемы не вызывает сомнений, поскольку «мы живем и действуем в эпоху великого бедствия, когда эпидемия бесчинствует на планете. Опять она собирает свою кровавую дань со страдающего человечества», – это заявление П. Сорокина [Сорокин 2012, с. 13] злободневно и сегодня, ибо COVID-19 стал главной социально острой проблемой настоящего времени, нанесшей россиянам самую серьезную травму со времени разрушения Советского Союза. Она появилась внезапно и стремительно. Если в Китае первые больные были выявлены в декабре 2019 г., то в России этот диагноз был поставлен уже в январе 2020 г., а в середине апреля – на территории всех субъектов страны. В начале августа заболеваемость стала сокращаться в 80 российских регионах, но в конце сентября зарегистрирован новый всплеск заболеваний на всей территории страны, длившийся уже несколько месяцев. Были выявлены многочисленные заболевания и умершие от COVID-19¹.

Следовательно, коронавирус, характерным признаком распространения которого является мутация, легкость передачи и высокий уровень его восприимчивости населением, снова разносится по социальному пространству отечественных городов (районов, сел). Более того, многочисленность случаев заболевания COVID-19 и неизвестность от его последствий, а также ограничение доступности медицинской помощи осложнили социально-психологическую ситуацию.

¹ Статистика случаев заражения коронавирусом в России: Мониторинг Coronavirus (Covid-19) [Электронный ресурс]. URL: <https://coronavirus-monitor.info/> (дата обращения 24.09.2020).

Острота проблемы предопределяется и тем, что россияне впервые столкнулись и живут в экстраординарных и социально экстремальных условиях пандемии (закрытие предприятий, уход на удаленную работу, социальная изоляция, масочно-перчаточный режим и пр.). С конца марта количество людей, работающих в компаниях, полностью перешедших на удаленный режим труда, выросло почти в пять раз. В августе удаленная работа была выявлена на 44% предприятий. Наиболее сложное положение у предпринимателей и самозанятых: 27% из них прекратили работу (среди россиян – 13%). Учитывая отмеченное, об ухудшении материального положения семьи заявили 59% (по населению – 43%)². А если учесть, что только в период первой волны пандемии обанкротились 4,5 млн индивидуальных предпринимателей (ИП) и предприятий малого и среднего бизнеса, то социальное самочувствие работников, безусловно, очень напряженное. Хотя их роль в социально-экономической сфере высока: они в основном обеспечивают работу учреждений инфраструктуры, ими создано почти две пятых рабочих мест. Но как же россияне ведут себя в условиях пандемии? Каковы действия органов власти и доверяют ли им россияне? Попытка ответить на эти актуальные вопросы и является целью данной статьи. В то же время нами поставлена и другая не менее важная цель, имеющая более широкий контекст — проанализировать влияние эпидемии на общественное сознание и поведение людей, живущих сегодня и сто лет назад.

Эмпирическая база

С учетом целей публикации в научный оборот введены результаты исследований П. Сорокина, которым был собран, обобщен и проанализирован большой массив теоретических и эмпирических данных по заявленной проблеме; например, в монографии «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» им сделано почти двести сносков на изыскания зарубежных и отечественных ученых разных наук (психологии, биологии, права, социологии, экономики и др.). Итоги его практически 25-летних исследований им прописаны в книге «Человек и общество в условиях бедствий», содержащей базовые выводы ученого об эпидемии как социальной катастрофе.

² Данные всероссийского опроса «Пандемия и малый бизнес», проведенного Фондом Общественного мнения (ФОМ) в мае 2020 г. Официальный сайт ФОМа [Электронный ресурс]. URL: <https://covid19.fom.ru/> (дата обращения 24.09.2020).

Современная «социология бедствий» (так ее назвал П. Сорокин, а я назвала бы это направление шире – «экстремальная социология») пока изучена слабо. Но первые шаги уже сделаны: широко и повсеместно проводятся исследования различного уровня (ВЦИОМом, ФОМом, Левада-Центром и др.), в которых массовые опросы являются приоритетными, но в ином формате: интернет-опросы, телефонные опросы и интервью, онлайн-фокус-группы и пр. Учеными осуществляются спецпроекты: коронаФОМ (к-ФОМ), Экономика и пандемия (ЭИП), Новый образ жизни (НОЖ-1) и пр., отражающие социальный контекст, вскрывающие особенности работы россиян в режиме самоизоляции, выявляющие экономические последствия пандемии и пр.

Однако пока исследователи еще очень мало знают об общественной жизни людей в период коронавируса. Недостаточно полно проведен и анализ поведения разных социальных групп в современных санитарно-эпидемиологических условиях, поэтому, не претендуя на полное осмысление заявленной проблемы, попробуем восполнить указанный пробел на основе следующих социальных составляющих: восприятие, отношение и действия россиян во время вируса сегодня и сто лет назад. Учитывая отмеченное, а также ограниченность объема статьи, остановимся на положениях П. Сорокина, прописанных им в книге «Человек и общество в условиях бедствий», сопоставляя их с материалами современных исследований.

Восприятие пандемии

От восприятия и реакции людей, как биологической, так и социальной, а не только от наличия медицинских препаратов и профессионализма медработников зависят причины, уровень распространения и способы завершения пандемии. В этом контексте актуально и мнение Ж. Тощенко: «...спасителем может быть и должна стать только наука. Именно ей принадлежит решающее слово в окончательной победе над ранее неизвестным врагом»³.

К указанным выше выводам пришел и П. Сорокин, заявив, что «пока люди таковы, каковы они есть, эпидемии как вид катастрофы будут являться великими воспитателями человечества» [Сорокин 2012, с. 14]. К ее основным причинам он относил условия: обязательные (распространение инфекции) и дополнитель-

³Тощенко Ж.Т. У власти от народа удаленка: Потери от вирусных атак в социальном измерении // Независимая газета. 2020. 22 сент.

ные (сочетание космических, биологических и социокультурных условий). Если их сопоставить, то получается, что приоритетной причиной является небрежное и невнимательное поведение людей (несоблюдение санитарной безопасности, личной и общественной гигиены, недостаточное развитие науки и медицины и пр.). Безответственность бумерангом возвращается в социальный мир в виде несчастий, распространившихся в той или иной мере на всех без исключения. Коронавирусом заболели не только работники предприятий, но и руководители министерств, ведомств и даже первые лица России (Председатель Правительства России М. Мишустин, министр культуры России О. Любимова и др.); не только бедные, но и состоятельные люди (сенатор А. Кутепов, губернатор Нижегородской обл. Г. Никитин, народные артисты РСФСР Л. Лещенко, Н. Бабкина и др.).

Эта особенность эпидемии, проявляющаяся в массовом охвате людей, была обоснована П. Сорокиным: «...во время эпидемии смерть вслепую забирает людей, не выбирая лучших или худших. Смерть машет своей косой словно бы вслепую» [Сорокин 2012, с. 9]. Данное положение, как уже было отмечено, злободневно и сегодня.

При этом ученым был сформулирован принцип разнообразия и поляризации воздействий эпидемии, означавший, что влияния на самом деле неодинаковы, а зачастую и противоположны [Сорокин 2012, с. 18]. С учетом этого П. Сорокин обратил внимание на селективную роль эпидемий в целом. Так, человек, обладающий иммунитетом к заболеванию, воспринимает и переносит его иначе, чем тот, кто таким иммунитетом не обладает. Шанс выжить имеет тот, кто здоров и обеспечен антителами. Более слабые физически боятся и становятся жертвами в большей степени, чем более сильные. Более образованные воспринимают эпидемию более обстоятельно, продумывают и принимают меры большей осторожности, чем менее образованные. Более обеспеченные экономически люди также осмысленно используют более широкий круг возможностей для профилактики заболеваний. Иными словами, восприятие и отношение людей к эпидемии во многом зависят от их ресурсов: физической энергии, уровня образования, финансовых средств и пр. Эта тенденция сохраняется и сегодня. Хотя может иметь и ряд исключений. Высокий уровень сознания (интеллекта, нравственности) еще не означает, что их носители обеспечены средствами и имеют необходимые ресурсы для выживания. Наоборот, во время пандемии именно порядочные люди, осознавая опасность, имеют склонность помогать другим, подвергая себя риску заболеть. И, как следствие, основные тенденции восприятия коронавируса, пред-

ставленные выше, отменяются и даже порой изменяются в противоположном направлении.

Противоречивость и несоответствие осознания россиянами сложной обстановки, связанной с COVID-19, спровоцировали параллельно идущую эпидемию страха, тревоги и депрессии. Уже в марте месяце долго не могли уснуть 42% опрошенных, часто просыпались 46%, 43% пробуждались тяжело и долго не могли приступить к домашним и профессиональным работам⁴.

Как показывает наше наблюдение, наивысший уровень страха в отношении коронавируса у тех, кто «встретился» с болезнью, и у тех, кто «столкнулся» со смертью (у прямых и косвенных жертв). Это касается не только медиков, но и простых людей, что предопределяется спецификой условий, в частности, обращение в ритуальные услуги вызывает страх даже в обычное время, а тем более в период пандемии. Понимая это, П. Сорокин в свое время утверждал: «...чуму можно идеализировать, только находясь на грани отчаяния или даже безумия. Эпидемии делают своих жертв недееспособными в физическом, умственном и социальном отношении» [Сорокин 2012, с. 41].

Для чистоты изучения чувственных процессов, к которым относятся страхи, обратимся к обсуждению проблем COVID-19 пользователями на форумах в разных социальных сетях. Их обобщения позволили выявить следующую иерархию видов страхов – отключение интернета и коммунальных услуг (воды, электричества, газа), отсутствие пищевых продуктов, медикаментов и пр. Следовательно, все страхи россиян во время пандемии связаны с нуждами первичного уровня, т. е. с физиологическими потребностями и финансовым обеспечением. Это указывает на следующее: во-первых, обеспокоенность человека в экстремальных условиях направлена на сохранение жизненно важных основ бытия; во-вторых, современная пандемия в форме коронавируса вышла за пределы медицины, вирусологии, эпидемиологии и стала всеобщим социально злободневным явлением. Ослабляя тело и нервную систему чувством опасности, пандемия нарушает сознание человека, монополизируя его. С повышением уровня территориальной заболеваемости люди не в состоянии думать ни о чем, кроме обстановки и характера бедствия (риска заболеть),

⁴ Данные всероссийского опроса «Как спят россияне?», проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в марте 2020 г. Официальный сайт ВЦИОМа [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spim-i-vidim-kak-spyat-v-rossii> (дата обращения 24.09.2020).

поэтому восприятие и отношение россиян к COVID-19 в разные периоды неоднозначны. Чем больше масштаб бедствия – тем более глубокие изменения.

Действия россиян

Поскольку пандемия заметно влияет на процесс мышления человека и его физиологические процессы, то, соответственно, воздействует и даже деформирует внешнее поведение людей. «Эпидемия как падший демон отбрасывает свою тень на каждую нашу мысль, на каждое действие, которое мы совершаем, влияет на каждый момент нашего существования» [Сорокин 2012, с. 45], – с горечью констатировал в свое время П. Сорокин. Учитывая разнообразие изменений, сосредоточимся на характерных, однообразно повторяющихся действиях, основательное осмысление которых позволит объяснить многочисленные варианты изменений поведения россиян.

Одно из типичных изменений связано с тем, что, с одной стороны, эпидемия ослабляет или устраняет положительные и отрицательные действия – акты делания или неделания, т. е. то, что не способствует освобождению от страданий; с другой – во время пандемии обычно вырабатываются и увеличиваются все те действия, которые ведут прямо или опосредованно к самосохранению человека. «Во время чумы, – как отмечал П. Сорокин, – одни так боялись заразиться, что рвали все связи с самыми близкими людьми и бежали куда подальше, другие же самоотверженно, с риском для собственной жизни, помогали совершенно чужим для них людям» [Сорокин 2012, с. 36].

Изменилось ли в этом плане поведение россиян? В целом нет. Среди людей также выделились две основные группы: одни остались и стали бороться, организовывая волонтеров и помогая нуждающимся, другие, например москвичи, имеющие возможность выехать из города, немедленно выехали на дачи. Срочно уехали из Москвы и трудовые мигранты. Так, по данным Московского центра организации дорожного движения, с 27 по 29 марта из столицы на 567 тыс. автомобилей уехали более 850 тыс. человек. Пик пандемической миграции в Подмоскowie пришелся на 28 марта⁵. Массовое перемещение москвичей зарегистрировано и операторами компании Tele2. Количество их столичных абонентов с 10 марта по 30 апреля в Тверской, Калужской и в других регионах выросло

⁵ Жуков С. ЦОДД рассказал, сколько человек уехало из Москвы в конце марта // Российская газета. 2020. 3 апр.

в 2,2 раза. Следовательно, многие горожане, как и сто лет назад, боясь заражения, уезжали за пределы опасной территории.

Конечно, сегодня экстраординарная миграция и мобильность не привели к полному разрыву социальных связей и разрушению социальных институтов, как было выявлено сто лет назад П. Сорокиным [Сорокин 2012, с. 95]. Из-за коронавируса никто не рвал родственных связей, даже когда один из членов семьи заболел коронавирусом, но межпоколенческие взаимоотношения, на наш взгляд, могут измениться. Предпосылки к этому есть. Во время карантина органами власти запрещалось посещение старшего поколения, объясняя это заботой о здоровье последних. Но уникальность в том, что абсолютным большинством социальное дистанцирование родных было воспринято в качестве нормы. И, по сути, старшее поколение осталось в своих квартирах один на один со своими проблемами в течение длительного времени (в Москве – более трех весенних месяцев), т. е. в определенной мере произошло то, что выявил и П. Сорокин – подавление автономии социальных групп ограниченными мерами органов власти.

При этом молодежи и людям среднего возраста разрешалось работать, ездить в общественном транспорте, ходить в продовольственные магазины, выгуливать собак, но было запрещено видаться, доставлять продукты их пожилым родным, живущим отдельно от них. И лишь в конце эпидемической вспышки весной в отдельных регионах были сняты жесткие меры; например, в Красноярском крае было разрешено посещать и сопровождать в больницу пожилых родных. Но только тех, которым требуется постоянная помощь, и если они сами этого без посторонней помощи сделать не могут⁶. Следовательно, задача, поставленная органами власти перед россиянами о соблюдении мер самоизоляции, в целом успешно выполнялась, даже несмотря на явные издержки. Кстати, на строгость приказов в условиях эпидемии не роптал и в древности никто – даже купцы, которые лишались основных доходов.

Какова же общая структура модификации поведения россиян? По многочисленным данным, значительное количество людей «перенастроилось» с учетом обстоятельств. Наглядным объяснением может служить изменение рефлексов, приобретенных и прививаемых человеку его социальной средой; например, при встрече

⁶Указ губернатора Красноярского края от 3 июня 2020 г. № 140-уг «О внесении изменений в указ губернатора Красноярского края от 31.03.2020 № 73-уг “Об ограничении посещения общественных мест гражданами (самоизоляции) на территории Красноярского края”» // Рос­сийская газета. 2020. 3 июня.

с родными и близкими обниматься и целоваться или пожимать руку. Именно здесь преимущественно возникло поведенческое торможение и самодисциплина в условиях пандемии. Хотя это не означает, что все без исключения изменили свое поведение. У части людей оно осталось неизменным. Сверхбогатые люди на COVID-19 заработали \$185 млрд. Так, бизнесмен Е. Евтушенков только с марта по конец июля получил прибыль в общей сумме \$0,8 млрд от сети клиник «Медси». Медучреждения стали более чем востребованными в коронавирусный период⁷.

Результаты современных исследований доказывают, что все типичные закономерности, регулярно проявлявшиеся во время прошлых эпидемий и воздействующие на социальную организацию людей, проявились и сегодня. Тактика, издревле применяемая на Руси от вирусов, повсеместно используется на территории современной России – карантин, строгие санитарные нормы, изоляция, включая пограничные заслоны, а также массовый уход населения из зараженных мест.

И сегодня, с появлением и распространением COVID-19, россияне уезжали из неблагоприятных мест. При введении карантина они не выходили из дома без острой необходимости. При этом, несмотря на разный региональный уровень зараженности и высокую тревожность, ими сохранялся социальный оптимизм. Одним словом, это бедствие не стало, как и сто лет назад, исключительным злом: наряду с негативными функциями, оно играло и конструктивную роль (строгое применение санитарных норм, проявление соучастия, терпимости и пр.).

Группы, заявившие ковидный нигилизм, были дифференцированными с учетом зараженности населенных пунктов. Коронакризис обострил недоверие между властью и обществом, вскрыл патологию взаимоотношений профессиональных сообществ, трансформировал общественный контроль за ситуацией, что негативно отразилось на физическом и психологическом состоянии россиян.

Заключение

COVID-19, безусловно, трансформировал мир людей: поменял привычки и образ жизни, преобразовал повседневное пространство, смещая рабочие места в домашние условия и пр. При этом отно-

⁷ Греков М., Баязитова А. Вы держитесь: Кто и как уже заработал на ковиде \$185 млрд [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1349603> (дата обращения 24.09.2020).

шения и действия людей не всегда были сбалансированы, а иногда противоречивы и даже парадоксальны. Несмотря на неоднозначное восприятие ситуации, россияне разных социальных групп и возрастов пересмотрели свои планы, изменили или стали стремиться к преобразованию условий собственной жизни.

Социологический срез, представленный нами, выявил главное: несмотря на производственный прогресс, рост образовательного уровня, повышения качества жизни за последние сто лет, воздействие эпидемии на поведение россиян осталось типичным. Бедствия по-прежнему сохраняют статус великих воспитателей людей, хотя и на более гуманном уровне.

Литература

Сорокин 2012 – *Сорокин П.А.* Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. СПб.: Мир, 2012. 334 с.

References

Sorokin, P.A. (2012), *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh bedstviy: Vliyaniye voyny, revolyutsii, goloda, epidemii na intellekt i povedeniye cheloveka, sotsial'nuyu organizatsiyu i kul'turnuyu zhizn'* [Man and society in the conditions of disasters. An impact of the war, revolution, famine, epidemic on human intelligence and behavior as well as on social organization and cultural life], Saint Petersburg, Mir, Russia.

Информация об авторе

Галина А. Цветкова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Qaltsvet@yandex.ru

Information about the author

Galina A. Tsvetkova, Dr. of Sci (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; Qaltsvet@yandex.ru

УДК 316.628

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-82-91

Рефлексия европейцев в отношении поведения
США и КНР в условиях пандемии COVID-19:
на примере Великобритании, Германии,
Франции и Италии

Наталья Б. Помозова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, protozova@mail.ru*

Аннотация. Комплексное развитие Китая и превращение его в сверхдержаву вызывают опасения США, что выливается в торгово-экономические войны двух стран, а также дискурсивное противостояние. По мере эскалации конфликта между США и КНР будет обостряться борьба не только за рынки, но и за умы и сердца европейцев (в данной статье, в частности, рассматриваются Великобритания, Германия, Франция и Италия). Одним из важных социологических факторов, который повлияет на отношение граждан Европы к Китаю, станет рефлексия на тему поведения Пекина в условиях пандемии COVID-19, что, в свою очередь, окажет значительное влияние на реализацию внешнеполитической стратегии КНР.

Ключевые слова: Китай, Европа, США, рефлексия, социология, COVID-19, рефлексивная дипломатия

Для цитирования: Помозова Н.Б. Рефлексия европейцев в отношении поведения США и КНР в условиях пандемии COVID-19: на примере Великобритании, Германии, Франции и Италии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 82–91. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-82-91

Reflection of Europeans on the behavior
of the United States and China in the context
of the COVID-19 pandemic.
On the example of Great Britain, Germany,
France and Italy

Natalia B. Pomozova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
npomozova@mail.ru*

Abstract. The complex development of China and its transformation into a superpower arouses the US fears, what results in the trade and economic wars between the two countries, as well as in a discursive confrontation. As the conflict between the United States and China escalates, the struggle will intensify not only for markets, but also for the hearts and minds of Europeans (in this article, in particular, Great Britain, Germany, France and Italy are considered). Reflection on Beijing's behavior in the context of the COVID-19 pandemic will become one of the important sociological factors that will affect the attitude of European citizens towards China, what, in turn, will have a significant impact on the implementation of the PRC's foreign policy strategy.

Keywords: China, Europe, USA, reflection, sociology, COVID-19, reflexive diplomacy

For citation: Pomozova, N.B. (2020), "Reflection of Europeans on the behavior of the United States and China in the context of the COVID-19 pandemic. On the example of Great Britain, Germany, France and Italy", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 82–91, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-82-91

Введение

Обострившиеся противоречия между США и КНР задают главный тренд новой эпохе международных отношений. Пандемия явилась катализатором противостояния, и сегодня высказывания официальных представителей двух стран носят беспрецедентно резкий характер. Американская наступательная риторика объясняется как спецификой личных взглядов Д. Трампа на внешнюю политику в целом и на Китай в частности, так и более системными причинами. Это, не в последнюю очередь, осознание американскими элитами преимуществ китайской модели управления в борьбе с пандемией COVID-19, ее эффективности в сравнении с демократическими странами. Вслед за американскими коллегами представители МИДа

КНР начали использовать не свойственный ранее китайской дипломатической традиции рефлексивный стиль риторики¹.

Кризис, вызванный распространением COVID-19, стал очередным вызовом целостности Евросоюза. Хотя говорить о тенденциях к распаду объединения преждевременно, показательная динамика изменения общественного мнения в Италии относительно перспективы выхода страны из Евросоюза. В 2017 г. на вопрос «Как бы Вы проголосовали, если бы завтра состоялся референдум о выходе Италии из Европейского союза?» 31% поддержал бы такое решение, а 61% – нет. В 2020 г. социологический опрос зафиксировал, что доля тех, кто проголосовал бы за выход из ЕС, увеличилась на 17% и составила 48%, а тех, кто проголосовал бы против, уменьшилась до 44%². Вопрос целостности объединения – один из ключевых в контексте интересов США и Китая на европейском континенте. Если Вашингтону выгодно единство стран ЕС, то Китай, напротив, старается выстраивать двусторонние отношения с его участниками [Pomozova 2020].

В условиях противостояния двух тяжеловесов страны Европы оказываются в непростой ситуации: США является важнейшим торговым партнером, военным союзником, разделяющим общие либеральные ценности. В то же время Китай – это огромный рынок, источник технологий и прямых инвестиций, пропагандирующий мирный характер своей внешней политики. По мере эскалации конфликта стороны будут стараться помешать друг другу в отстаивании интересов на территории Европы, при этом его странам будет сложно отказаться от сотрудничества с одной из них.

Методика исследования

В статье представлены результаты анализа социологических опросов. Предметом анализа является изменение отношения граждан некоторых стран Европы к Китаю и США в результате действий руководства двух стран в период COVID-19. Цель исследова-

¹ *Zhiqun Zh.* Interpreting China's Wolf-Warrior Diplomacy, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/interpreting-chinas-wolf-warrior-diplomacy/> (дата обращения 04.08.2020).

² Отчет об исследовании на тему «Итальянцы и внешняя политика 2020». Rapporto di ricerca a cura di DISPOC/LAPS (Universita' di Siena) e IAI. Gli italiani e la politica estera 2020. P. 26. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/laps-iai_2020.pdf (дата обращения 04.08.2020).

ния заключалась в выявлении динамики рефлексии общественного мнения в странах Западной Европы на фоне объективных политических сложностей в отношениях с КНР и США и пандемии.

Основные сложности Германии, Франции, Италии и Великобритании в отношениях с США и КНР

С приходом к власти Д. Трампа у многих европейских государств возникли дополнительные трудности в отношениях с Вашингтоном. Угроза введения пошлин на немецкие (и другие европейские) автомобили, критика позиции Берлина по Северному потоку–2, выход США из ДРСМД, отношения с Ираном и Парижское климатическое соглашение – все это стало почвой существенных разногласий с Берлином. Попытки американских дипломатов настаивать на немедленном прекращении ведения любого бизнеса с Ираном³, а также взаимодействия с компанией Huawei были восприняты в экспертных и политических кругах Германии как вмешательство в суверенные дела ФРГ и даже как угроза ее безопасности. Такая ситуация, казалось бы, отвечает интересам КНР, однако в двусторонних отношениях с Германией у Китая не меньше проблем, чем у США. В риторике немецких политиков Китай все чаще фигурирует как «системный соперник». Пекин использует в качестве инструмента давления преференции для крупных немецких компаний – немецкий бизнес, с точки зрения продвижения политических интересов, для КНР представляет собой целевую аудиторию: крупные предприниматели Германии, в отличие от бизнесменов из США, лояльны к китайским партнерам и не сильно стараются уменьшить свою зависимость от них.

Причины натянутости в отношениях Франции с США практически те же, что и в случае с Германией. Итогом разногласий стала резонансная речь Э. Макрона, который в октябре 2020 г. объявил о «смерти мозга НАТО»⁴. Однако Франция явно обеспо-

³Scharfe Kritik an neuem US-Botschafter in Berlin / Spiegel Wirtschaft [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/iran-tweet-von-richard-grenell-wolfgang-ischinger-mahnt-us-botschafter-a-1206982.html> (дата обращения 4.08.2020).

⁴Erlanger S. Macron Says NATO is Experiencing 'Brain Death' Because of Trump. 2019 [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/07/world/europe/macron-nato-brain-death.html> (дата обращения 04.08.2020).

коена и геополитическими амбициями Пекина, видя в Инициативе «Пояса и пути» не только взаимные экономические выгоды, но и ревизионистские намерения, стремление КНР стать во главе процессов глобализации. Претензии Франции к Китаю как к партнеру совпадают с позицией большинства европейских стран. Основная задача администрации Э. Макрона заключается в отстаивании технологической, инфраструктурной независимости Франции, а также в распространении этого подхода на весь Европейский союз.

В контексте Инициативы «Пояса и пути» интерес к Итальянской Республике со стороны КНР возрос. В свою очередь, Вашингтон усилил давление на Рим с тем, чтобы Италия отказалась от сотрудничества с компанией Huawei, что было бы крайне затруднительно в условиях большой зависимости мобильных сетей Республики от китайского гиганта. Внутренняя политика Италии давно отличается динамичными, а порой хаотичными процессами, и в ней находят место противоположные взгляды на отношения с США и Китаем. Председатель «Лиги» М. Сальвини всегда тяготел к Д. Трампу, и теперь он выступает с крайне негативными, близкими к американским, оценками поведения Пекина в связи с COVID-19⁵. Л. Ди Майо, напротив, делает ставку как раз на экономику Китая (именно он активно настаивал на том, чтобы Италия стала первой из стран-основательниц Евросоюза, единственным членом «Большой семерки», подписавшим Меморандум о поддержке Инициативы «Пояса и пути»). Его риторика значительно более дружественная и подчеркивает особый характер отношений между Китаем и Италией. Такая разрозненность политических позиций по отношению к Пекину подтверждается и данными социологических опросов, которые показывают, что 63% сторонников «5 звезд» видят в отношениях с Китаем дополнительные возможности, а 37% – угрозу. Среди электората «Лиги» преобладают, пускай незначительно, те, кто видит угрозу, а не возможности (51 и 48% соответственно)⁶.

⁵ *Spezzaferro A. Salvini: Italia pretenda dalla Cina la vrità sulla pandemia. Da Conte silenzio imperdonabile. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ilprimatonazionale.it/primo-piano/salvini-italia-verita-cina-pandemia-conte-silenzio-imperdonabile-159657/> (дата обращения 04.08.2020).*

⁶ Отчет об исследовании на тему «Итальянцы и внешняя политика 2020» см.: *Rapporto di ricerca a cura di DISPOC/LAPS (Universita' di Siena) e IAI. Gli italiani e la politica estera 2020. P. 33 [Электронный ресурс]. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/laps-iai_2020.pdf (дата обращения 04.08.2020).*

После выхода Великобритании из Евросоюза перед страной открылись новые перспективы более автономного, не связанного коллективными обязательствами перед Брюсселем, курса международной политики. От британских официальных лиц неоднократно звучали заявления о том, что Лондон намерен продолжать активное взаимодействие с США, в том числе и в вопросах, касающихся последствий все более наступательной политики Китая, при этом администрация Трампа весьма сдержанно воспринимается значительной частью британского общества⁷. У Великобритании, помимо традиционных «западных» претензий к Китаю, есть особая статья – ситуация в Гонконге. Попытки ратифицировать закон об экстрадиции, последовавшие за ними протесты 2019 г. и, наконец, закон об учреждении органов по контролю, о котором было объявлено 22 марта 2020 г. во время открытия «двух сессий»⁸ – существенный раздражитель в двусторонних отношениях. По факту же, Великобритания представляется бенефициаром сложившейся ситуации. От санкций, наложенных на Гонконг, не выиграет ни США, ни КНР. Объявленная Б. Джонсоном кампания⁹, стимулирующая жителей Гонконга приезжать жить и работать в Великобританию, спровоцирует приток как человеческого, так и финансового капитала.

Таким образом, основные сложности во взаимодействии с Китаем фактически у всех стран Евросоюза сводятся к торговой и технологической зависимости, специфической культуре сотрудничества китайцев, усилению роли Компартии в экономике, идеологии и общественных процессах, страхом перед инвестициями в стратегические объекты, противоречиям в ценностном поле.

⁷ Социологический опрос «Восприятие британцами Д. Трампа» см.: British perceptions on Donald Trump [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/879835/british-perceptions-on-donald-trump/> (дата обращения 04.08.2020).

⁸ *Li Keqian*. Premier Li's Speech at the third Session of the 13-th NPC. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-05-22/Full-text-Premier-Li-s-speech-at-the-third-session-of-the-13th-NPC-QHaP1FpB8k/index.html> (дата обращения 03.08.2020).

⁹ *Landler M.* Boris Johnson Pledges to Admit 3 Million from Hong Kong to UK. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/03/world/europe/boris-johnson-uk-hong-kong-china.html> (дата обращения 04.08.2020).

*Рефлексия граждан Германии, Франции,
Италии и Великобритании
по отношению к Китаю
на фоне пандемии COVID-19*

После вспышки COVID-19 Пекин на информационном европейском поле оказался в уязвимом положении: ему пришлось оправдываться, гасить вспышки синофобии на бытовом уровне и отражать официальную антикитайскую риторику.

Социологический опрос, проведенный в марте 2020 г., показал некоторые изменения в отношении немцев к США и Китаю. Если в 2019 г., до пандемии, почти в два раза больше респондентов отдавали приоритет значимости США для Германии по сравнению с КНР (50% против 24%), то пандемия практически сравняла эти показатели. 37% опрошенных немцев считают, что для Германии важнее отношения с США, а 36% отдают предпочтение Китаю¹⁰.

Согласно данным социологических опросов, отношение французов к Китаю с 2012 г. ухудшилось. Если в 2012 г., когда Си Цзиньпин пришел к власти, доля симпатизирующих политике Китая составляла 40%, то в 2019 г. она оказалась на уровне 33% (62% опрошенных воспринимали Китай негативно)¹¹. Дипломатия рефлексивного типа, которую стало активно использовать Посольство КНР [Литвак 2018], не добавила доверительности межгосударственному диалогу и, возможно, спровоцировала Э. Макрона усомниться в достоверности данных о вирусе, поступивших из Китая¹².

В самом начале пандемии в Италии случались многочисленные вспышки ксенофобии в отношении людей с азиатской внешностью. Тема о том, как Китай помог Италии, когда «братья по

¹⁰ Социологический опрос «Немцы более критично настроены по отношению к США в связи с коронавирусом» см.: Coronavirus turns Germans more critical towards US: survey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/coronavirus-turns-germans-more-critical-of-us-survey/a-53490316> (дата обращения 04.08.2020).

¹¹ Социологический опрос «У людей в мире разное отношение к Китаю» см.: Pew Research Center. People around the Globe are divided in their opinions of China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/12/05/people-around-the-globe-are-divided-in-their-opinions-of-china/> (дата обращения 04.08.2020).

¹² Специальный доклад: «COVID-19 и отношения Европы и Китая» см.: ETNC Special Report. COVID-19 and Europe-China Relations. A country-level analysis // Policy paper. 2020. Apr. 29. P. 22–23.

Евросоюзу» от нее отвернулись, получила широкое освещение в международной китайской прессе. Несмотря на неоднозначную трактовку истинных мотивов действий Китая в СМИ, недавние социологические исследования показывают, что доля итальянцев, воспринимающих Китай как дружественную страну, увеличилась по сравнению с 2019 г. на 42% и составила 52%, при этом США в качестве друга видят только 17% (меньше на 12% по сравнению с 2019 г.), а 16% называют Вашингтон врагом. 36% опрошенных полагают, что в будущем Италия должна выстраивать союзнические отношения с Китаем, 30% – с США¹³.

Во время пандемии посол Китая в Великобритании Лю Сяомин развернул информационную кампанию, в том числе в социальных сетях. Ее главными темами стали: единство двух стран в борьбе с эпидемией в контексте Сообщества единой судьбы человечества¹⁴ и твердое отрицание попыток назвать эпидемию «китайской». Тем не менее 64% респондентов считают именно правительство Китая виновным в распространении эпидемии из-за того, что оно не приняло достаточно мер, чтобы купировать вирус или потому, что скрывало правдивую информацию о нем. Социологическое исследование демонстрирует, что 31% респондентов не снимают вину за распространение вируса с США¹⁵.

Заключение

Хотя эффективность политики Китая и рефлексивной дипломатии Послов КНР на европейском направлении еще предстоит оценить, на данный момент можно констатировать некоторые из-

¹³ Социологический опрос «Итальянцы предпочитают Китай США и ЕС» см.: Se gli italiani preferiscono la Cina agli USA e alla UE [Электронный ресурс]. URL: <https://formiche.net/2020/04/italiani-preferiscono-cina-usa-ue/> (дата обращения 03.08.2020).

¹⁴ Двигаться в одинаковом направлении и строить сообщество единой судьбы всего человечества. Официальный сайт КНР в Великобритании. Pull in the same direction and build a community with a shared future for mankind. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/t1751449.shtml (дата обращения 04.08.2020).

¹⁵ Liu Xiaoming. British people blame Chinese government more than their own for the spread of coronavirus. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/british-people-blame-chinese-government-more-than-their-own-for-the-spread-of-coronavirus-137642> (дата обращения 04.08.2020).

менения в отношении к КНР и США. Так, на фоне борьбы с социально-экономическими последствиями кризиса, вызванного пандемией COVID-19, общество Германии разделилось практически поровну на тех, кто считает приоритетным отношения ФРГ с США и с Китаем. Дипломатия рефлексивного типа, которую активно использовало Посольство КНР во Франции, не смогла нивелировать тенденцию к негативному восприятию Китая французским обществом. По данным социологического опроса, в Италии количество тех, кто воспринимает Китай в качестве дружественной страны, увеличилось по сравнению с 2019 г. с 10 до 52%.

В докладе премьер-министра Госсовета Ли Кэцзяна на открытии «двух сессий»¹⁶ европейскому направлению не было уделено должного внимания. Однако, учитывая традиции внешней политики Китая, концепции которой носят не только глобальный, но и долгосрочный характер, было бы ошибкой предполагать, что руководство КНР забудет про Европу. По мере эскалации противостояния США и Китая соперничество не только за европейские рынки, но и за лояльность обществ стран, в первую очередь Западной Европы, будет усиливаться. Учитывая, что образ прошлого представляет собой социокультурный конструкт [Васильев 2014, с. 60], одним из этапов этого противостояния станет рефлексия европейцев на тему поведения Китая в условиях кризиса, вызванного COVID-19, от которой во многом будут зависеть возможности политических и экономических маневров США и Китая на европейском пространстве.

Литература

- Pomozova 2020 – *Pomozova N.B.* European Values and the Chinese Factor // Russia in Global Affairs. 26.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/european-values-chinese-factor/> (дата обращения 04.08.2020).
- Васильев 2014 – *Васильев А.Г.* Политика памяти: российский опыт в свете теоретико-методологической рефлексии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 14 (136). С. 59–68.
- Литвак 2018 – *Литвак Н.В.* Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт // Полис: Политические исследования. 2018. № 2. С. 163–172.

¹⁶ *Li Keqian.* Premier Li's Speech at the third Session of the 13-th NPC. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-05-22/> (дата обращения 03.08.2020).

References

- Pomozova, N.B. (2020), "European Values and the Chinese Factor", in *Russia in Global Affairs*. 26.03.2020. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/european-values-chinese-factor/> (Accessed 04.08.2020).
- Vasil'ev, A.G. (2014), "The politics of memory: Russian experience in the light of theoretical and methodological reflection", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art History" Series*, vol. 136, no. 14, pp. 59–68.
- Litvak, N.V. (2018), "Modern diplomatic service as a reflexive institution", *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 163–172.

Информация об авторе

Наталья Б. Помозова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; npomozova@mail.ru

Information about the author

Natalia B. Pomozova, Cand. of Sci (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; npomozova@mail.ru

УДК 316.728

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101

Измерение субъективного благополучия на основе текстов социальных медиа: обзор современных практик

Анна В. Кученкова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Москва, Россия,
a.v.kuchenkova@gmail.com*

Аннотация. Наряду с многочисленными исследованиями субъективного благополучия посредством традиционных социологических методов (в первую очередь, опросов) предпринимаются попытки привлечь в качестве дополнительного источника информации Большие данные, «цифровые следы» (тексты социальных медиа, информацию профилей социальных сетей, статистику поисковых запросов, данные персональных электронных устройств).

На основе обзора зарубежной литературы раскрываются основные практики анализа текстов социальных медиа для измерения субъективного благополучия. В том числе охарактеризован опыт конструирования индекса «Валового национального счастья» для Фейсбука и «Гедонометра» для Твиттера на основе анализа объемов эмотивной лексики и тональности публикаций пользователей сетей. Раскрываются возможности поиска «цифровых следов» удовлетворенности жизнью в текстах социальных медиа.

Выделяются методологические трудности и ограничения в этой области исследований, которые пока не удалось преодолеть: проблема генерализации полученных выводов и валидности конструируемых индексов «счастья» (их соотношения с «реальным» субъективным благополучием, измеряемым посредством опросов). Трудности по измерению субъективного благополучия сопряжены с эффектами самопрезентации в социальных медиа, разной степенью и стратегиями публикационной активности пользователей, несовершенством используемых алгоритмов анализа, пока существенно уступающим «ручному кодированию».

Ключевые слова: субъективное благополучие, цифровые следы, цифровые данные, Большие данные

Для цитирования: Кученкова А.В. Измерение субъективного благополучия на основе текстов социальных медиа: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 92–101. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101

© Кученкова А.В., 2020

Measuring subjective well-being based on social media texts. Overview of modern practices

Anna V. Kuchenkova

Institute of Sociology of Federal Center

*of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, a.v.kuchenkova@gmail.com*

Abstract. Along with numerous studies of subjective well-being through sociological methods (first of all, surveys), attempts are being made to use Big Data, “digital footprints” (social media texts, social network profile information, search query statistics, personal electronic device data) as an additional source of information.

Based on a review of foreign literature, the author reveals major practices of the social media texts analysis to measure subjective well-being. Including the experience of constructing the Gross National Happiness index for Facebook and the Hedonometer for Twitter based on the analysis of emotive vocabulary and the tone of publications of network users. Possibilities of searching for “digital traces” of life satisfaction in the social media texts are revealed.

Methodological difficulties and limitations in that area of research, which have not yet been overcome, are highlighted: the issue of the obtained conclusions generalization and the validity of the constructed indices of “happiness” in their correlation with the “real” subjective well-being measured through surveys. Difficulties in measuring subjective well-being are associated with the effects of self-presentation in social media, varying degrees and strategies of users’ publication activity, imperfection of the analysis algorithms that are still inferior to “manual coding”.

Keywords: subjective well-being, digital footprints, digital data, big data

For citation: Kuchenkova, A.V. (2020), “Measuring subjective well-being based on social media texts. Overview of modern practices”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 92–101, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101

Субъективное благополучие – один из ключевых показателей качества жизни, отражающий интегральную оценку человеком собственной жизни, восприятие условий повседневной жизнедеятельности, достаточности/нехватки тех или иных благ, текущего положения в обществе и перспектив. Обращение исследователей именно к субъективным оценкам благополучия было обусловлено не только трудностями по формированию универсального набора его объек-

тивных характеристик, но и их разной значимостью на групповом уровне (в контексте культурных особенностей) и индивидуальном (в зависимости от этапа жизненного цикла, социально-демографического статуса). Традиционным методом изучения субъективного благополучия является анкетный опрос, разработаны разнообразные инструменты измерения (обзор см. [Кученкова 2016]).

Развитие современных информационных технологий, расширяющих методический инструментарий исследователей, являются одним из основных трендов, определяющих вектор развития исследовательской индустрии [Цыбикова 2019]. Примерами таких изменений являются онлайн-исследования, обращение к Большим данным как источнику социальной информации, привлечение «нереактивных» методов сбора данных, поиск «цифровых следов» социальных аспектов жизнедеятельности. Подобные методические новации апробируются на разнообразных предметных полях.

В исследованиях субъективного благополучия (СБ) с привлечением Больших данных можно выделить несколько направлений [Luhmann 2017; Кученкова 2019]: анализ текстов социальных медиа для реконструирования и измерения уровня СБ пользователей; изучение активности и действий в социальных сетях как предикторов СБ; измерение уровня СБ в обществе на основе статистики поисковых запросов в веб-браузерах; поиск детерминант СБ среди практик использования смартфонов; мониторинг уровня СБ индивида на регулярной основе посредством «трекеров счастья» (приложений для смартфонов, позволяющих проводить многократные замеры СБ по стандартным методикам).

Наиболее активно из всего вышперечисленного развивается анализ постов и статусов в социальных сетях для измерения уровня СБ пользователей сетей безопросными, неактивными способами. Данная работа посвящена обзору основных практик использования подобного рода «цифровых следов» в исследованиях СБ.

Тексты социальных медиа как источник информации о субъективном благополучии

В рамках данного направления исследуются тексты, продуцируемые пользователями социальных сетей (в первую очередь, статусы и посты в Фейсбуке, посты в Твиттере) с точки зрения эмоциональной окраски, тональности используемой лексики, реже – содержания и затрагиваемых тем.

На основе текстовой информации конструируются индексы, отражающие доминирование слов, характеризующих положитель-

ное или отрицательное эмоциональное состояние (эмоциональная, эмотивная лексика). С технической точки зрения подобный анализ реализуется, как правило, двумя способами. Первый связан с использованием составленных лингвистами, «закрытых» словарей эмоциональной лексики. В одном из широко используемых корпусов LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count) 407 слов для положительных эмоций (счастье, хороший, легкий, доверие, надежда и др.) и 506 – для отрицательных (ненависть, враг, бояться, плач, горе, несчастье и др.). В постах (и/или статусах) социальных сетей за определенный период времени отыскиваются эти слова и подсчитывается количество их упоминаний. В исследовании на основе данных Фейсбука [Kramer 2010] использовались обновления статусов примерно 100 млн англоязычных пользователей за 2007–2009 гг., для каждого нового статуса вычислялось соотношение слов, выражающих «положительные» и «отрицательные» эмоции. На основе усреднения полученных значений по дням вычислялся индекс «Валового национального счастья» (Gross National Happiness Index). В динамике его значения повышались в праздничные дни (Рождество, День благодарения, Хэллоуин и др.) и выходные, что расценивалось авторами как свидетельство «очевидной» валидности индекса как показателя «всеобщего эмоционального здоровья/благополучия» пользователей социальной сети.

Другой вариант анализа тональности текстов социальных медиа связан с оценкой эмоционального заряда наиболее распространенных и часто встречающихся слов. На этом принципе основан «Гедонометр» Твиттера [Dodds et al. 2011]. Для его конструирования был составлен список из 10 222 наиболее часто используемых в последние десятилетия слов (в англоязычной литературе, песнях, крупнейших газетах). Для каждого из этих слов был оценен его эмоциональный заряд по 9-балльной шкале (усредненная оценка ответов 50 человек на вопрос «Какие эмоции, чувства вызывает у Вас слово?», для этой части исследования на платной основе привлекались пользователи интернет-платформы Amazon's Mechanical Turk). Для постов в Твиттере за определенный период времени (день, час, месяц) вычислялся «средний» уровень эмоционального заряда лексики. На основе анализа твиттов 63 млн пользователей за 2008–2011 гг. (46 млрд слов) были обнаружены циклические закономерности в течение дня и недели (повышение уровня «счастья» в выходные и резкое снижение в понедельник, ежедневное повышение к 20–24 часам и снижение в 5–7 час. утра).

Кроме исследований, основанных на измерении тональности текстов социальных медиа и отражающих в большей степени *аффективную* составляющую субъективного благополучия, предпринимаются

попытки отыскать «цифровые следы» его *когнитивной компоненты* – удовлетворенности жизнью. Например, посредством онлайн-опроса измеряют уровень СБ и анализируют тексты постов и статусов опрашиваемых пользователей за предшествующие полгода. С помощью тематического моделирования (методом Латентного размещения Дирихле – Latent Dirichlet Allocation) в этих текстах ищутся тематические кластеры слов («темы»), употребление которых коррелирует с уровнем удовлетворенности жизнью, измеренном посредством опроса. На индивидуальном уровне [Schwartz et al. 2016] удовлетворенность жизнью чаще сопровождается употреблением слов, характеризующих эмоциональную вовлеченность в повседневную жизнь (потрясающе, супер, завтра и др.), близкие и теплые отношения (семья, друзья, любовь и др.), профессиональное развитие (навыки, обучение, управление и др.), социальные взаимодействия (встреча, конференция, посещать, группа и др.); а неудовлетворенность – ненормативной лексикой, отчуждением (скука, зевать, неинтересный и др.).

В другом исследовании [Yang, Srinivasan 2016] был сформирован перечень выражений, фраз о (не)удовлетворенности жизнью (синонимичных суждениям, входящим в состав Шкалы удовлетворенности жизнью SWLSЭ. Динера¹), которые отыскивались в текстах 3 млрд твиттов за 2012–2014 гг. Затем были выделены две группы пользователей, в чьих публикациях содержались фразы об удовлетворенности и неудовлетворенности жизнью. Сравнение этих групп показало, что они различаются по активности, тематике публикаций, употребляемой лексике. В содержательном плане последние из упомянутых исследований представляют особый интерес, поскольку реализуют попытку поиска показателей и индикаторов именно когнитивного аспекта СБ в отличие от исследований на основе анализа тональности текстов.

Методические ограничения использования текстов социальных медиа для измерения субъективного благополучия

В онлайн-исследованиях на основе «цифровых следов» помимо угроз валидности статистического вывода (проблема генерализации полученных выводов, отсутствие четких представлений о гене-

¹Одна из самых распространенных англоязычных методик для измерения субъективного благополучия, предложена Э. Динером, представляет собой шкалу суммарных оценок, включает пять суждений об удовлетворенности жизнью.

ральной совокупности, разный уровень проникновения интернета и др. [Девятко 2016]) существуют специфические угрозы валидности и надежности измерения. В том числе эффекты самопрезентации в социальных медиа, разная степень и стратегии публикационной активности участников (большая часть которых выступает в роли «наблюдателей» и продуцирует недостаточные для анализа объемы текстов), несовершенство используемых алгоритмов анализа, пока существенно уступающих «ручному кодированию».

В случае с субъективным благополучием подбор индикаторов («цифровых следов») для когнитивной составляющей (удовлетворенности жизнью) является нетривиальной задачей. Преобладают исследования эмоциональных проявлений в текстах социальных медиа (адаптирующие технологии и методы корпусной лингвистики к конкретному предметному полю). Дискуссионным остается вопрос: как соотносятся данные самоотчетов о субъективном благополучии и «цифровых следов» с точки зрения получаемых результатов и качества измерения, в какой мере «реальное» субъективное благополучие людей отражается в тональности постов и объемах эмотивной лексики?

Для проверки и обоснования валидности «индексов счастья», конструируемых на основе текстов социальных медиа, неоднократно предпринимались попытки оценить корреляцию их значений на индивидуальном уровне с данными, полученными посредством реактивных методов (опроса) и традиционных методик (в частности, Шкалы субъективного благополучия (SWLS Э. Динера)). Процедурно это реализовывалось двумя способами: либо рекрутировались добровольцы, проходившие онлайн-опрос и предоставляющие доступ к своим постам за год-два, предшествовавших опросу; либо использовались данные приложения Фейсбук “my Personality” (функционировавшего с 2007 по 2012 г. и содержащего ответы пользователей на вопросы различных психологических тестов, среди прочего по Шкале субъективного благополучия Э. Динера) для тех, чей доступ к персональной странице и постам был открыт.

Установлено, что объемы эмотивной лексики слабо коррелируют с индивидуальными баллами по Шкале субъективного благополучия Э. Динера. Коэффициент корреляции составляет 0,17 для интенсивности выражения положительных эмоций [Kramer 2010], $-0,105-0,145$ – для отрицательных [Liu 2015]. Чуть более тесная взаимосвязь обнаруживается в случае, если кроме тональности текстов учитывается их тематика, частота упоминания тех или иных тем (коэффициент корреляции со шкалой SWLS 0,36 [Chen et al. 2017]), либо если данные рассматриваются в динамике на агреги-

рованном, групповом уровне в разрезе недель (корреляция достигает 0,37 [Wang et al. 2014]). Однако при оценке корреляции между объемами эмотивной лексики и баллами по шкале удовлетворенности жизнью с содержательной точки зрения сопоставляются *эмоциональная* и *когнитивная* компоненты субъективного благополучия, что представляется не вполне корректным.

Для предсказания удовлетворенности жизнью на индивидуальном уровне лучшего результата удастся добиться при использовании методов тематического моделирования. Если в модели учитывается и тематика текстов, и отдельная лексика, то корреляция между предсказываемым уровнем СБ и полученным в ходе опроса может достигать 0,566 [Schwartz et al. 2016].

В целом невысокие корреляции между индикаторами СБ в текстах социальных сетей и данными самоотчетов респондентов могут быть связаны с *временным лагом* между ответами на вопросы анкеты и постами / обновлением статуса (который может доходить до одного [Liu 2015] или даже трех лет [Kramer 2010; Chen et al. 2017]). Субъективное благополучие может изменяться в течение этого периода времени. Кроме того, сам факт использования и продолжительность нахождения в социальных сетях могут существенным образом снижать СБ человека.

Проведенный обзор исследований свидетельствует, что выражение эмоций в текстах социальных сетей не позволяет надежно, хорошо измерять и предсказывать «реальное» субъективное благополучие человека (замеряемое посредством анкетных вопросов). Вместе с тем поиск «цифровых следов» его когнитивной составляющей представляется перспективным с точки зрения развития «нереактивных» подходов к изучению субъективного благополучия.

Литература

- Девятко 2016 – *Девятко И.Ф.* От «виртуальной лаборатории» до «социального телескопа»: метафоры тематических и методологических инноваций в онлайн-исследованиях // *Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы* / Под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: Изд-во МИК, 2016. С. 19–34.
- Кученкова 2016 – *Кученкова А.В.* Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2016. № 2 (4). С. 118–127.
- Кученкова 2019 – *Кученкова А.В.* BigData как источник информации для изучения субъективного благополучия: возможности и ограничения // *Будущее социо-*

- логического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова): Сборник материалов. М., 2019. С. 332–336.
- Цыбикова 2019 – *Цыбикова Д.Г.* Глобальные тренды исследовательской индустрии и требования к специалистам // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 130–140. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-130-140
- Chen et al. 2017 – *Chen L., Gong T., Kosinski M., Stillwell D., Davidson R.L.* Building a profile of subjective well-being for social media users // PLoS ONE. 2017. No 12 (11): e0187278 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0187278> (дата обращения 14.08.2020).
- Dodds et al. 2011 – *Dodds P.S., Harris K.D., Kloumann I.M., Bliss C.A., Danforth C.M.* Temporal Patterns of Happiness and Information in a Global Social Network: Hedonometrics and Twitter // PLoS ONE. 2011. No. 6 (12): e26752 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0026752> (дата обращения 14.08.2020).
- Kramer 2010 – *Kramer A.D.I.* An unobtrusive behavioral model of gross national happiness // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. April, 2010. Atlanta, Georgia: ACM, 2010. P. 287–290.
- Liu et al. 2015 – *Liu P., Tov W., Kosinski M., Stillwell D.J., Qui L.* Do Facebook status updates reflect subjective well-being? // Cyberpsychological Behavior Social Network – 2015. 2015. Vol. 18. No. 7. P. 373–379.
- Luhmann 2017 – *Luhmann M.* Using big data to study subjective well-being // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2017. No. 18. P. 28–33. DOI: 10.1016/j.cobeha.2017.07.006
- Yang, Srinivasan 2016 – *Yang C., Srinivasan P.* Life Satisfaction and the Pursuit of Happiness on Twitter // PLoS ONE. 2016.11(3): e0150881 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0150881> (дата обращения 14.08.2020).
- Wang et al. 2014 – *Wang N., Kosinski M., Stillwell D.J., Rust J.* Can well-being be measured using Facebook status updates? Validation of Facebook's gross national happiness index // Social Indicator Research. 2014. No. 115. P. 483–491.
- Schwartz et al. 2016 – *Schwartz H.A., Sap M., Kern M. L., Eichstaedt J.C., Kapelner A., Agrawal M., Blanco E., Dziurzynski L., Park G., Stillwell D., Kosinski M., Seligman M.E., Ungar L.H.* Predicting Individual Well-Being Through the Language of Social Media // Pacific Symposium on Biocomputing / Ed. by R.B. Altman, A.K. Dunker, L. Hunter, M.D. Ritchie, T.A. Murray, T.E. Klein. 2016. P. 516–527 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1142/9789814749411_0047 (дата обращения 14.08.2020).

References

- Chen, L., Gong, T., Kosinski, M., Stillwell, D. and Davidson, R.L. (2017) “Building a profile of subjective well-being for social media users”, *PLoS ONE*, no. 12 (11): e0187278, available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0187278> (Accessed 14 Aug. 2020).

- Devyatko, I.F. (2016), “From “virtual laboratory” to “social telescope”. Metaphors of thematic and methodological innovations in online research”, in Shashkin, A.V., Devyatko, I.F. and Davydov, S.G. (eds.), *Onlain issledovanija v Rossii: tendentsii i perspektivy* [Online Research in Russia: Trends and Prospects], Izdatel'stvo MIK, Moscow, Russia, pp. 19–34.
- Dodds, P.S., Harris, K.D., Kloumann, I.M., Bliss, C.A. and Danforth, C.M. (2011), “Temporal Patterns of Happiness and Information in a Global Social Network: Hedonometrics and Twitter”, *PLoS ONE*, no. 6 (12): e26752, available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0026752> (Accessed 14 Aug. 2020).
- Kramer, A.D.I. (2010), “An unobtrusive behavioral model of gross national happiness”, *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. Atlanta, Georgia: ACM, pp. 287–290.
- Kuchenkova, A.V. (2016), “Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and the measurement models”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, vol. 4, no. 2, pp. 118–140.
- Kuchenkova, A.V. (2019), “Big Data as a Source of Information for Studying Subjective Well-Being: Opportunities and Limitations”, *“Budushcheye sotsiologicheskogo znaniya I vyzovy sotsial'nykh transformatsiy (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Yadova)”* [The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (Towards the 90th Anniversary of V.A. Yadov). Collection of papers], Moscow, Russia, pp. 332–336.
- Liu, P., Tov, W., Kosinski, M., Stillwell, D.J. and Qui, L. (2015), “Do Facebook status updates reflect subjective well-being?”, *Cyberpsychological Behavior Social Network – 2015*, vol. 18, no. 7, pp. 373–379.
- Luhmann, M. (2017) “Using big data to study subjective well-being”, *Current Opinion in Behavioral Sciences*, no. 18, pp. 28–33, DOI: 10.1016/j.cobeha.2017.07.006
- Tsybikova, D.G. (2019), “The research industry global trends and the requirements for specialists”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 130–140, DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-130-140
- Wang, N., Kosinski, M., Stillwell, D.J. and Rust, J. (2014), “Can well-being be measured using Facebook status updates? Validation of Facebook’s gross national happiness index”, *Social Indicator Research*, vol. 115, pp. 483–491.
- Yang, C. and Srinivasan, P. (2016), “Life Satisfaction and the Pursuit of Happiness on Twitter”, *PLoS ONE*, no. 11 (3): e0150881, available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0150881> (Accessed 14 Aug. 2020).
- Schwartz, H.A., Sap, M., Kern, M.L., Eichstaedt, J.C., Kapelner, A., Agrawal, M., Blanco, E., Dziurzynski, L., Park, G., Stillwell, D., Kosinski, M., Seligman, M.E. and Ungar, L.H. (2016), “Predicting Individual Well-Being Through the Language of Social Media”, in Altman, R.B., Dunker, A.K., Hunter, L., Ritchie, M.D., Murray, T.A. and Klein, T.E. (eds.), *“Pacific Symposium on Biocomputing”*, pp. 516–527, available at: https://doi.org/10.1142/9789814749411_0047 (Accessed 14.08.2020).

Информация об авторе

Анна В. Кученкова, кандидат социологических наук, доцент, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Институт социологии, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 25/35, корп. 5; a.v.kuchenkova@gmail.com

Information about the author

Anna V. Kuchenkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Institute of Sociology, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskii Str., Moscow, Russia, 117218; a.v.kuchenkova@gmail.com

УДК 316.35

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-102-111

Территориальные сообщества
в пространстве мегаполиса:
к вопросу о терминах

Евгения И. Громова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gromova@workline.ru*

Александра О. Лазукина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lexara@yandex.ru*

Валерия И. Терентьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, terentieva1006@gmail.com*

Аннотация. Проводится анализ научных источников по теме значимости трансформации территориальных сообществ в пространстве мегаполиса. Показано, что существуют сложности системного характера при анализе ряда социальных явлений из-за отсутствия общепринятых формулировок таких понятий, как «территориальные сообщества», «пространство мегаполиса», и различий между понятиями «территория» и «пространство». Делается вывод о том, что обозначенные дефиниции должны соответствовать социальным процессам, которые происходят в современном обществе. Сегодня они приобретают особое значение как самостоятельные научные категории при оценке как отдельных событий, вызванных недалёковидными решениями власти, так и нарастающих негативных социальных явлений в виде протестного поведения, которые являются их результатом.

Ключевые слова: территория, территориальные сообщества, пространство территорий, пространство мегаполиса

Для цитирования: Громова Е.И., Лазукина А.О., Терентьева В.И. Территориальные сообщества в пространстве мегаполиса: к вопросу о терминах // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 102–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-102-111

© Громова Е.И., Лазукина А.О., Терентьева В.И., 2020

Territorial communities in a space of a metropolis. On the question of terms

Evgenia I. Gromova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gromova@workline.ru*

Alexandra O. Lazukina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lexara@yandex.ru*

Valeria I. Terentieva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
terentieva1006@gmail.com*

Abstract. The article analyzes scientific literature on the topic of the significance of the transformation of territorial communities in the space of a metropolis. It is shown that there are systemic difficulties in the analysis of a number of social phenomena due to the lack of generally accepted formulations of such concepts as “territorial communities”, “megapolis space” and the differences between the concepts of “territory” and “space”.

It is concluded that the aforementioned definitions should be determined by the social processes that occur in modern society, since today they acquire special significance as independent scientific categories in assessing both individual events caused by short-sighted decisions of the authorities and growing negative social phenomena in the form of protest behaviors that result from them.

Keywords: territory, territorial communities, territory space, megapolis space, social phenomena, protest behavior

For citation: Gromova, E.I., Lazukina, A.O. and Terentieva, V.I. (2020), “Territorial communities in a space of a metropolis. On the question of terms”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 102–111, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-102-111

Статья является попыткой представить сущности, идеи и события, которые стоят за понятиями «территориальное сообщество» и «пространство мегаполиса» с их взаимозависимыми свойствами и отношениями, в соответствии с системой категорий, отделив каждое из них от близких по значению, но иных по смыслу понятий, которые стали часто употребляться в научной литературе вместо них или вместе с ними в одном понятийном поле (например,

в качестве синонимов). Такого рода подмена понятий происходит повсеместно в силу небрежного перевода с одного языка на другой или невнимательного отношения к историческому контексту возникновения самих понятий. По мнению Момджяна К.Х. [Момджян 2012, с. 39–48] и Василенко Н.Я. [Василенко 2015, с. 38–42], это порождает неразбериху в системном анализе ряда социальных явлений. Рассмотрим эти понятия последовательно и во взаимосвязи через социально-исторические и культурные контексты.

В рамках рассматриваемых понятий особое значение приобретают термины: «пространство» и «территория», поскольку они фактически стали сегодня самостоятельными научными категориями. Как правило, в современных научных контекстах понятие «пространство» используют, описывая явления и события в интенсивно меняющейся современной картине мира, а не как синоним понятия «территория» [Прохоренко 2010]. В современном научном дискурсе значение пространства городской территории – это совсем не то, что пространство сельской территории. Тем не менее и то и другое будет относиться к территориальному пространству, или пространству территории. Это понятие верхнего уровня, которое включает в себя целый ряд системообразующих пространств, среди которых можно выделить четыре ключевых.

Физическое пространство – это один из основных факторов влияния на экономическую деятельность, социальные аспекты жизни и политические установки. Однако не стоит ставить во главу угла чрезмерный географический детерминизм. Как отметил М. Китинг, физическое пространство может обуславливать социальное взаимодействие, успешность экономических моделей или силу политического влияния, но не определять их [Китинг 2003].

Социальное пространство неизбежно возникает там, где обитают люди, так как любой житель нашей планеты, где бы он ни проживал, обитает одновременно и в пространстве, и на территории. По мнению Н.А. Косолапова, «социальное пространство» – это та часть организационной «надстройки» над территорией, где пространственные формы и отношения утвердились и осуществляются на постоянной/повседневной основе, а не возникают время от времени [Косолапов 2005, с. 8]. Именно пространственные структуры социума обеспечивают выполнение тех или иных функций, которые необходимы для жизнедеятельности человека на конкретной территории [Косолапов 1994, с. 29].

Политическое пространство – это пространство политических смыслов, представляющих из себя рефлексивный синтез отношения всех жителей к территориальным институциям, которые представляют, отражают и выстраивают общие цели человеческой

деятельности в его рамках. Это пространство формирует сферу деятельности политического субъекта, проявляет связи между людьми и политическими институтами, инициирует системы самоуправления и создание территориальных сообществ. Как пишет М.В. Стрежнева, «в каждом реально существующем политическом пространстве где-то непременно содержится власть, которую оно ограничивает, формирует и локализует» [Стрежнева 2009, с. 38].

Экономическое пространство определяется существованием различных векторов социально-экономического развития на той или иной территории в определенных исторических условиях и неразрывно связано с эффективностью экономики при использовании тех или иных организационных моделей [Sorokin 1947].

Н.А. Косолапов пишет о том, что пространством может стать только та организованная территория, которая приспособлена для жизни и деятельности человека. Он делает вывод, что *«только в пространстве становится возможно формирование, долговременное поддержание, институциональное закрепление социальных отношений любого рода»* [Косолапов 1994, с. 7]. Более того, по его мнению, территория социума способна вмещать множество пространств. Таким образом, пространство – это организованная территория, приспособленная для деятельности человека и характеризующаяся определенным укладом жизни.

Итак, говоря о пространстве территории, мы имеем в виду символическую и институциональную конфигурацию социальной жизни людей на конкретной территории, которая обладает своими неповторимыми характеристиками и влиянием на формирование всех видов пространств жизнедеятельности человека. В данном случае речь идет не только об институциональном и коммуникативном подходах к анализу пространства территорий, но и о контекстуальном подходе, который предложил российский политолог Р.Ф. Туровский [Туровский 2007, с. 12–17]. В своих работах он говорил прежде всего о политическом контексте анализа пространства территорий. Однако мы считаем, что такой подход к анализу пространства территорий может быть применен в разных контекстах: в историческом, культурном, информационном или в контексте устойчивого развития.

Вслед за И.Л. Прохоренко, который пишет о том, что понятие «пространство» – это «весьма полезная абстракция при изучении изменений в политической жизни» тех или иных государств и регионов [Прохоренко 2010], мы считаем, что оно также чрезвычайно важно при изучении изменений в социально-политической жизни населенных пунктов. Анализ пространства мегаполиса как социально-территориальной (термин Н.А. Косолапова), или тер-

риториально-политической, или пространственно-политической, системы (термин Р.Ф. Туровского), а также его отдельных, присоединенных частей как его подсистемы или самостоятельной социально-территориальной системы позволяет нам исследовать функционирование и трансформацию организованного определенным образом социума в течение относительно короткого промежутка времени, где речь не может идти об эволюционном/естественном развитии городской среды.

Более развернуто о связи территории и пространства как двух разных категорий, влияющих друг на друга в социально-политическом контексте, говорит М. Китинг. Он «упрекает» социологов в недостаточном внимании к этим двум важнейшим категориям, формирующим среду обитания человека. Рассматривая пространство как социальную сущность, автор пишет о том, что оно возникает как основа устройства гражданского общества в результате социальных моделей взаимодействия: обмена и солидарности. Ключевым результирующим фактором этих процессов, по его мнению, является чувство идентичности жителей, которое усиливает прочность их территориальной «привязки»/принадлежности [Китинг 2003].

Территориальное сообщество в качестве объекта социологических исследований неоднократно рассматривалось в современной научной литературе. Однако мы столкнулись с тем, что такое понятие, как «территориальное сообщество», имеет разночтения у тех или иных авторов, то есть на настоящий момент нельзя считать, что его определение четко сформулировано. Этот вывод подтверждает и тот факт, что вокруг этой темы постоянно возникают новые дискуссии, которые носят терминологический характер.

Для того, чтобы соотнести категории «территория» и «пространство» с понятием «сообщество» в рамках дефиниции «территориальное сообщество», необходимо определиться с этим термином. На первый взгляд оно представляется простым. В этом и заключается основная проблема, так как многие исследователи воспринимают это понятие как не вызывающее существенных разногласий в трактовках. Но это не совсем так.

Интересным в данном контексте представляется сравнение таких понятий, как «сообщество» и «общество». Н.Я. Василенко [Василенко 2015, с. 38–42] отмечает, что, по устоявшемуся в социально-политической литературе мнению, у истоков понятий «сообщество» и «общество» стоял Ф. Теннис (1855–1936)¹, который

¹См.: *Tönnies F. Community and Society* / Transl. by C.P. Loomis. East Lansing: Michigan State University Press, 1957.

в 1887 г. определил две формы социальной структуры – “Gemeinschaft” и “Gesellschaft”². Понятие “Gesellschaft” было переведено на английский язык как “society”³, а затем на русский как «общество». Понятие “Gemeinschaft” по-английски звучит как “community”, а по-русски – «сообщество». По мнению Н.Я. Василенко, можно провести определенные параллели с идеями Ф. Тенниса в работах Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера и их последователей.

Соотнесем понятия «общность» и «община» с точки зрения их генезиса. Общность возникает спонтанно. В случае с территориальным сообществом – как стихийный результат взаимодействия жителей. Община возникает целенаправленно, как организация, и диктует своим членам условия, при которых они могут стать ее членами. Цели создания общин детерминируют правила совместной деятельности и могут включать в себя: совместное использование ресурсов, выстраивание добрососедских отношений, идеи, убеждения, веру и т. п. [Синицына 2014]. Общность характерна для сообществ, для общин характерен порядок и четкие правила, подчиненные какой-либо идее: политической, религиозной, экологической, экономической, хозяйственной и т. п. На английском языке слово «общность» звучит как *communality*, для слова «община» больше всего подходит термин *communa*. Отсюда коммунальное хозяйство, коммунальные услуги. Общность не подразумевает совместного ведения хозяйства, община предполагает именно это (совместное владение землей, совместное хозяйство). Когда мы говорим о понятии «община», то речь идет об особом укладе жизни, за которым стоят институциональные отношения. Таким образом, в общине может спонтанно проявляться общность интересов, но общность интересов совсем не обязательно влечет за собой общинный характер взаимоотношений на территории.

Если вернуться к осмыслению понятия «территориальное сообщество», то здесь может возникнуть обманчивое ощущение простоты определения. Например, это сообщество, которое спонтанно сформировалось из жителей конкретной территории. Но сразу же возникает целый ряд вопросов. Что собирает людей воедино? Как? Почему? Зачем? Попробуем ответить на эти вопросы.

Спонтанность возникновения территориальных сообществ вызвана объединяющими мотивами совместной социальной деятельности на одной территории. Такого рода мотивы основаны на общности интересов. Нельзя не отметить, что ключевая характери-

²Ibid. P. 464.

³*Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Leipzig: Fues's Verlag, 1887. P. 294.*

стика территориального сообщества – «общность» – роднит его с обществом. Разница между ними состоит в отсутствии у территориального сообщества такого качества, как самодостаточность, а ведь именно эта характеристика является необходимым признаком общества. Это означает, по мнению Н.Я. Василенко, что обществом могут считаться только те социальные группы, которые могут совершенно самостоятельно, без внешней помощи, без участия других групп постоянно воссоздавать все необходимые условия своего существования [Василенко 2015].

30 лет назад можно было уверенно говорить о совершенно независимых, по крайней мере двух обществах: социалистическое и капиталистическое. В связи с этим К. Момджян говорит о том, что глобализация накладывает свой отпечаток на развитие обществ. Однако он считает, что общества сохраняются в современной истории до тех пор, пока социальные группы сохраняют потенциальную самодостаточность, т. е. теоретическую возможность выжить в условиях самоизоляции государств и/или отдельных территорий по принципу автаркии [Момджян 2012, с. 47]. По сути, пандемия 2020 г. – это в том числе социальный эксперимент планетарного масштаба относительно жизнеспособности автаркии, т. е. возможности существования отдельных обществ.

Следует отметить, что, когда говорят о целях как об истоках формирования территориальных сообществ, имеется в виду прежде всего наличие у членов сообщества (жителей территории) общего видения результата территориальной деятельности, который мотивирует к формированию внутри сообщества взаимодействия на основе самоуправления [Великая, Глосеева, Белова, Хохлов 2016]. На основе такого рода объединяющих мотивов и возникает общность интересов между людьми, живущими на одной территории, а уже на этой основе формируется сообщество. В современной научной литературе есть два основных подхода к рассмотрению территориальных сообществ как социологического термина. Во-первых, это ценностно детерминированные деятельностные группы людей, наделенные целеполаганием и единым видением желаемого будущего. Во-вторых, это квазигруппы (в терминологии П. Сорокина) [Sorokin 1947, Буланова 2017]. Этой точки зрения придерживаются достаточно много специалистов, например С.А. Давыдов, Б.А. Исаев, А.Е. Сериков. Мы считаем, что нет оснований или предмета спора, поскольку речь идет о разных социальных группах, что становится очевидным при обращении к работам П. Сорокина [Sorokin 1947]. В качестве примера часто приводятся квазигруппы, которые состоят из врачей, учителей, предпринимателей и т. п. Можно возразить и сказать, что может быть территориальное сообщество

врачей. Однако это не совсем так, потому что это будет не сообщество, а профессиональное объединение, которое в значительной мере отличается от территориальных сообществ. Профессиональные объединения или другие группы подобного рода не возникают спонтанно и не могут включать в себя любого жителя территории. В свою очередь, в профессиональные объединения могут входить специалисты, которые не являются жителями территории, но работают в организациях, которые находятся на ней. Квазигруппы могут являться частью территориальных сообществ, ведь они осуществляют свою деятельность на конкретной территории и во благо ее жителей.

Таким образом, конкретизация объективных различий между самодостаточными и несамодостаточными общностями диктует необходимость их корректного теоретического терминологического разграничения в социальных науках, как и разграничения таких понятий, как «общность», «организация», «община». Важно, что территориальные сообщества существенно отличаются от вышеозначенных понятий. При этом очевидна их необходимость для развития социального пространства населенного пункта любого размера вплоть до мегаполиса. Именно они формируют его сущность во взаимодействии и взаимовлиянии с территорией через ценностную детерминированность. Только при наличии сформированных территориальных сообществ разные территории мегаполиса будут развиваться естественным и эволюционным путем, формируя адекватную среду для жизнедеятельности человека, не вызывая внутренних протестных настроений со стороны горожан. Таким образом, можно сказать, что территориальные сообщества в пространстве мегаполиса играют одну из системообразующих ролей для их развития.

Литература

- Буланова 2017 – Буланова М.Б. П. Сорокин: уроки революции как «социального бедствия человечества» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4. С. 50–56.
- Василенко 2015 – Василенко Н.Я. Территориальное сообщество как объект социального управления // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2. С. 38–42.
- Великая, Голосеева, Белова, Хохлов 2016 – Великая Н.М., Голосеева А.А., Белова Н.И., Хохлов А.А. Местное самоуправление: качество власти и качество жизни в малых и средних городах России. М.: Ключ-С, 2016. 223 с.
- Китинг 2003 – Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6 (40). С. 67–116.

- Косолапов 2005 – *Косолапов Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // *Мировая экономика и международные отношения.* 2005. № 6. С. 3–13.
- Косолапов 1994 – *Косолапов Н.А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем: Основы теории и методологии (на примере России). М.: Аспект Пресс, 1994. 240 с.
- Момджян 2012 – *Момджян К.Х.* К вопросу о типологии социальных групп // *Вопросы философии.* 2012. № 1. С. 39–48.
- Прохоренко 2010 – *Прохоренко И.Л.* Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 100 с.
- Синицына 2014 – *Синицына Е.В.* В поисках Утопии: эксперименты по созданию идейных сообществ в США [Электронный ресурс] // *Лаборатория социальных инноваций.* URL: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/74/> (дата обращения 22.06.2020).
- Стрежнева 2009 – *Стрежнева М.В.* Структурирование политического пространства в Европейском союзе (Многоуровневое управление) // *Мировая экономика и международные отношения.* 2009. № 12. С. 38–49.
- Туровский 2007 – *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 400 с.
- Sorokin 1947 – *Sorokin P.A.* Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. New York: Harpers&Brothers, 1947. 742 p.

References

- Bulanova, M.B. (2017), “Sorokin: Lessons of the Revolution as a ‘Social Disaster of the Humanity’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 50–56.
- Vasilenko, N.J. (2015), “Territorial Community as an Object of Social Management”, *Nauchnaja mysl Kavkaza*, no. 2, pp. 38–42.
- Velikaja, N.M., Golosejeva, A.A., Belova, N.I. and Hohlov, A.A. (2016), *Mestnoe samoupravlenije: kachestvo vlasti i kachestvo jizni v malyh i srednih gorodah Rossii* [Local Governance. A Quality of Power and a Quality of Life in small and middle towns of Russia], Kluch-C, Moscow, Russia.
- Kitting, M. (2003), “New Regionalism in Western Europe”, *Logos*, vol. 40, no. 6, pp. 67–116.
- Kosolapov, N.A. (2005), “Globalisation as a Territorial and Space aspect”, *World Economy and International Relations*, no. 6, pp. 3–13.
- Kosolapov, N.A. (1994), *Politiko-psihologičestij analiz socialno-territorialnih sistem: Osnovi teoriji i metodologiji (na primere Rossiji)* [Politically-Psychological Analysis of Socially-Territorial Systems. The Basis of the Theory and Methodology (by the example of Russia)], Moscow, Russia.
- Momdjan, K.H. (2012), “On the Question of the Social Groups Typology of social groups”, *Voprosy Filosofii*, no. 1, pp. 39–48.

- Prokhorenko, I.L. (2010), *Territorialnije soobschestva v politicheskom prostranstve sovremennoj Ispaniji* [Territorial Communities in Political Space of Modern Spain], IMEMO RAN, Moscow, Russia.
- Sinitsina, E.B. (2014), "Looking for Utopiya: Experiments Creating the Idea's Communities in USA", *Laboratory of Social Innovations* [Online], available at: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/74/> (Accessed 22 June 2020).
- Strezhneva, M.V. (2009), "Structuring of Political Space in European Union (Multilevel Management)", *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 38–49.
- Turovskii, R.F. (2007), *Centr i regioni: problem politicheskikh otnoshenij* [Center and Regions. Issues of Political Relationships], Moscow, Russia.
- Sorokin, P.A. (1947), *"Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics"*, Harpers&Brothers, New York, USA.

Информация об авторах

Евгения И. Громова, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gromova@workline.ru,

Александра О. Лазукина, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lexara@yandex.ru

Валерия И. Терентьева, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; terentieva1006@gmail.com

Information about the authors

Evgenia I. Gromova, doctoral student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; gromova@workline.ru

Alexandra O. Lazukina, doctoral student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; lexara@yandex.ru

Valeria I. Terentieva, doctoral student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; terentieva1006@gmail.com

Искусствоведение

УДК 75.041.5

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-112-127

Типологические характеристики парадного и камерного изображения в русской портретной живописи XVIII в.

Иван А. Абрамкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ivanabramkin@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отличительных особенностей парадного и камерного вариантов изображения в русском искусстве XVIII в. Данный вопрос ранее привлекал внимание исследователей, однако выявление конкретных характеристик, свойственных каждому типу портрета, на данный момент отсутствует в научной литературе по теме. Потребность в определении совокупности черт представляется наиболее актуальной для исследования портретной живописи на рубеже XVIII–XIX вв., которая отличается совмещением особенностей, относящихся к разным вариантам изображения, в одном произведении. Именно выявление конкретных типологических характеристик парадного и камерного портрета позволяет более успешно изучать отдельные произведения указанного периода по сравнению со стилистическим анализом, применение которого испытывает объективные трудности при сосуществовании различных художественных направлений.

Ключевые слова: типология портретного жанра, XVIII век, русское искусство, парадный портрет, камерный портрет, костюмированный портрет, проблема стиля

Для цитирования: Абрамкин И.А. Типологические характеристики парадного и камерного изображения в русской портретной живописи XVIII в. // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 112–127. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-112-127

Typological characteristics of ceremonial and chamber image in the Russian portrait painting of 18th century

Ivan A. Abramkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ivanabramkin@list.ru*

Abstract. The article is devoted to the thorough research of distinctive features of ceremonial and chamber types of portrait in Russian art of 18th century. The matter drew attention of scientists earlier but the identification of specific characteristics, inherent to each type of portrait painting, is not available in academic literature on the subject at the moment. The need for defining a set of features appears relevant for studies into the portrait painting at the turn of 18th – 19th centuries, which is characterized by combination of particularities peculiar to different variants of image in one artwork. It is the identification of distinctive typological characteristics of ceremonial and chamber portrait that allows to explore certain artworks of the mentioned period more effectively in comparison with stylistic analysis the use of which is objectively difficult with coexistence of various artistic directions.

Keywords: typology of the portrait genre, 18th century, Russian art, ceremonial portrait, chamber portrait, costume portrait, chamber portrait, issue of style

For citation: Abramkin, I.A. (2020), "Typological characteristics of ceremonial and chamber image in the Russian portrait painting of 18th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 112–127, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-112-127

Отечественная культура XVIII столетия характеризуется совмещением этапов, пройденных в западноевропейских странах более равномерно и последовательно, поэтому стилистическая неопределенность становится характерной чертой развития искусства на протяжении всего периода. Наиболее сложным этот процесс оказывался в области портретной живописи, которая демонстрировала определенную независимость от стилистических категорий. Эта особенность была подробно рассмотрена автором применительно к портретному искусству В.Л. Боровиковского на рубеже XVIII–XIX вв. [Абрамкин 2016], которое допускает сочетание черт, относящихся к разным стилистическим направлениям, в одном произведении. Иными словами, рассмотрение проблемы «портрет и стиль» в русском искусстве конца XVIII столетия поз-

воляет сделать вывод о том, что прямое соотнесение конкретных произведений с общими стилистическими категориями оказывается недостаточно плодотворным для исследования портретного жанра.

Ситуация полистилизма, свойственная этому периоду и демонстрирующая невозможность отнесения произведений к тому или иному стилю, приводит ученых или к выводу о существовании «внестилевых» мастеров [Турчин 1989, с. 12], искусство которых (например, С.С. Щукин и Ф.И. Янченко) в данной логике свидетельствует о расщеплении их творческого метода, или к определению стилей как отражения разных сторон мироощущения людей: в начале XIX века русские военные победы воплощались средствами классицизма, а выражение самочувствия отдельного человека – средствами романтизма [Турчин 1981, с. 139]. Таким образом, различие стилистических оттенков в указанный период времени во многом обусловлено спецификой художественных задач, которые сводятся к возвеличиванию модели или к отражению ее внутреннего мира и тем самым соответствуют более этикетной или более доверительной форме общения [Даниэль 1990, с. 183]. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что искусство портрета определяется скорее порождением разнообразных человеческих отношений между моделью, художником и зрителем, чем воплощением той или иной концепции стиля.

Безусловно, это далеко не значит, что воздействие стиля на художественную практику является несущественным, но свидетельствует о большой роли его социальных предпосылок для развития портрета: например, в искусстве барокко и классицизма общественное положение модели играло значительную роль, тогда как в искусстве рококо и сентиментализма оно отступало на второй план [Лебедев 1994, с. 89], что способствовало большему вниманию портретистов к отражению внутреннего мира человека. Для культуры на рубеже XVIII–XIX вв. стиль оказывает опосредованное влияние на развитие жанра и проявляется не в художественном воплощении определенной концепции человека, а в регулировании характера взаимоотношений между личностью и окружающим миром, что обуславливает не только специфику типологических форм и изобразительных средств для создания портрета, но и перспективность исследования портретной живописи 1790-х гг. через категории парадности и камерности. Таким образом, разнообразие взаимоотношений, существующих как между человеком и окружающим миром, так и между моделью, художником и зрителем, не только определяет художественные особенности произведений, но и выступает в качестве исходной предпосылки для выявления

принципиально отличных друг от друга типов изображения – парадного и камерного портрета.

Классификация портретного жанра (парадный, полупарадный, камерный, интимный) является общеизвестной в истории русского искусства XVIII столетия и уже становилась предметом специализированного научного исследования [Яблонская 1978]. Тем не менее представление об особенностях разновидностей портретного жанра имеет порой довольно обобщенный вид и лишено конкретных и определенных черт, выявление которых крайне необходимо для более плодотворного изучения портретной живописи на рубеже XVIII–XIX вв., отличающейся свободным комбинированием приемов, которые относятся к разным типам изображения. Целью статьи является реконструкция принципов построения парадного и камерного образа для выявления типологических характеристик этих вариантов портрета в русском искусстве XVIII в.

Активное развитие парадного и камерного типа изображения в портретной живописи связано с фундаментальными основаниями самой эпохи Просвещения, которая отличалась сочетанием противоположных тенденций. Западноевропейская культура XVIII в. свидетельствует о кризисе художественной системы, в которой искусство выступало средством создания особой идеальной среды, позволяющей возвысить бытие человека: по этой причине возникают как ироническое отношение к образцам, так и превращение пышных и торжественных формул в театрализованную игру [Кантор 1977, с. 24]. Переосмысление важнейших явлений жизни неизбежно вызывает сомнение по отношению к вещам, символизирующим статус (деньги, мундиры, чины и репутации), и выдвигает на передний план фигуру человека, который «имеет самостоятельную ценность вне зависимости от того, кого он представляет» [Лотман 2002b, с. 176]. Стремление личности уйти от возвышенного к более простому выражалось в распространении сенсуализма и гедонизма, которые представляли собой форму протеста против официальных требований в общественной жизни [Зернов 1977, с. 36].

Тем не менее наличие протестных настроений не отменяет того факта, что сама постановка проблемы о месте человека в окружающем мире в XVIII в. не имела той глубины и масштабности, свойственной психологизму предыдущего, XVII, столетия [Сарабьянов 1980, с. 53]: утверждая независимость частной жизни, личность не «переставала мыслиться как часть общественного организма, ощущать свою связь с бытом, где при всем тяготении к гармонической простоте сохранялась потребность в публичности, а значит – некая представительность, парадность» [Алексеева 1975, с. 330]. Ощущение вовлеченности личности в общественный организм проявляет-

ся в большом внимании художников к созданию окружения для фигуры (природа, архитектура, кабинет или занавес), которое открывает частную жизнь модели и ее внутренний мир. Таким образом, развитие парадного и камерного типа изображения является существенной особенностью западноевропейской художественной культуры XVIII в. и демонстрирует сосуществование двух концепций реальности: в первом случае она понимается как ценностная вневременная иерархия, а во втором – как отражение сущности явления в выхваченном мгновении [Лотман 2002а, с. 367].

В контексте развития отечественной культуры Нового времени сосуществование двух концепций портретного изображения обусловлено многообразием художественных задач, стоявших перед художниками начиная с эпохи Петра I. Первым будет рассмотрен парадный портрет, который имел наиболее разработанную систему художественных приемов к началу XVIII в. и потому представляет собой «логический исходный пункт для понимания структуры портретного жанра, складывавшегося и развивавшегося в русской школе XVIII в.» [Яблонская 1978, с. 18]. На протяжении долгого времени этот термин использовался как общепризнанный и воспринимался не требующим расшифровки и лишенным специфики, поэтому рассмотрение парадных изображений сводилось к выявлению тех черт, которые нарушают канон. Тем не менее подобное единообразие портретов является необходимым качеством данного типа изображения в XVIII в. и не отменяет определенной интерпретации со стороны художника, что и должно быть предметом исследования в случае парадного портрета.

Парадный портрет характеризуется изображением модели в полный рост, созданием определенной обстановки и большим вниманием к написанию аксессуаров. Главным содержанием парадного портрета оказывается не изображение личности, а представление модели в роли, которая свидетельствует о незыблемости самого общества [Карев 2005, с. 129]: именно «роль» является обоснованием права на портретирование, имевшего в России престижный статус, и средством характеристики модели [Яблонская 1978, с. 59]. Следует отметить, что в России демонстрация социальной роли отличалась крайне серьезным отношением, которое было в меньшей степени свойственно другим странам: так, в английской школе отенок сословного превосходства сочетается с введением жанровых мотивов, снижающих репрезентативный характер произведений [Алексеева 1975, с. 163]. Подобное положение дел в европейской живописи было связано с зарождающимся кризисом парадного изображения, выражавшемся в процессе постепенного расхождения человека и его общественного амплуа и в его конкретизации до

отдельной социальной роли, что определило богатую дифференциацию парадных образов [Яблонская 1978, с. 19]. Это разнообразие вариантов парадного изображения было первоначально воспринято в России как устойчивая художественная система, лишенная неоднозначности европейских школ.

В условиях женских правлений, занимавших почти все столетие после Петра I, образцом для женской модели служил императорский портрет, а для мужской – образ дворянина, воплощавшегося в виде воина (в мундире с воспроизведением битвы) или мудрого мужа (в кабинете с атрибутами интеллектуальной деятельности). Безусловно, наиболее разработанной программой обладал императорский портрет, черты которого оказывали воздействие на другие разновидности парадного изображения. Главной функцией образа императрицы является выражение устойчивости государственной власти, определявшее неизменяемость его форм в течение XVIII века. Подобная монументальность достигалась разнообразными средствами, среди которых особенно значимы изображение фигуры во фронтальном развороте, уподобление лица лику [Турчин 2001, с. 441], построение пирамидальной композиции, символизирующей незыблемость правления [Карев 2003, с. 126], использование низкой линии горизонта и создание выразительной и торжественной позы [Яблонская 1978, с. 20], которая позволяет продемонстрировать достоинства модели в лучшем свете.

Все вышеназванные черты обуславливают эффект предстояния модели перед зрителем [Турчин 1969, с. 48], который состоит в отчетливой дистанции между сакральной персоной императрицы и зрителем. Важным средством для ее создания оказывается тщательная и пластически убедительная трактовка предметно-вещественной составляющей портрета: ордена, шитье, детали костюма, предметы обстановки. Самым представительным атрибутом парадного образа среди вышперечисленных, безусловно, является орден, который выступает в качестве символа социальной силы [Карев 2003, с. 175], отличается доскональным воспроизведением всех деталей, приближающих изображение к внешнему виду оригиналов, и расположен, как правило, строго фронтально, тем самым точно соответствуя позе модели.

Возвеличивание образа, проявляющееся в трактовке фигуры, поддерживается и созданием созвучного ей окружающего пространства, которое имеет сакрализованный характер и способствует «педестализации изображенной модели» [Карев 2003, с. 133]. К числу наиболее устойчивых элементов интерьера в императорском портрете относятся античные колонны, символизирующие устойчивость правления, активно развевающиеся драпировки,

отсылающие к театрализованному явлению правителя в искусстве барокко, и пышно украшенные ножки стола, на котором представлены царские регалии. Важной особенностью координации модели и окружающего пространства является четкое деление изображения на подробно разработанный передний план и условный фон, что имеет соответствия как с традицией живописного панегирика, так и с культурой эмблемы. Таким образом, многие выразительные приемы парадного портрета, придающие облику модели торжественность, монументальность и оживленность, восходят к живописной традиции барокко, но в рамках художественной системы классицизма приобретают более сдержанную трактовку, определяющую преимущественно статический характер репрезентации.

Итак, парадный портрет как тип изображения характеризуется наличием следующих особенностей:

- 1) представление модели в полный рост;
- 2) фронтальный разворот фигуры;
- 3) использование низкой линии горизонта;
- 4) выраженность позы и жеста;
- 5) отчетливая дистанция между моделью и зрителем;
- 6) внимательное отношение к написанию костюма и знаков отличия (ордена, медали, шитье);
- 7) тщательная разработка интерьера с включением предметов репрезентативного характера (античные колонны, развевающиеся драпировки и пышно украшенные предметы мебели);
- 8) деление изображения на разработанный передний план и условный фон.

Безусловно, начиная с эпохи классицизма портретный образ по сравнению с первой половиной XVIII столетия предполагает наличие некоторой подвижности, которая позволяет избежать чрезмерной искусственности композиции, но при этом отличается заметной театральностью, при которой «сценическая поза удостоверяет социальную роль модели» [Иваницкий 2000, с. 139] и тем самым соответствует задачам парадного типа изображения. Театральность представляет собой одно из важнейших явлений художественной культуры XVIII века, которое проявлялось не только в области искусств, но и в стиле мышления и поведения. В отличие от эпохи барокко, предпочитавшей пышные формы в противопоставлении человека и окружающего мира и имевшей колоссальный общественный масштаб, «изящная театральность XVIII века способствовала индивидуализации личности, культивированию эмоциональной сферы человека и форм его общения» [Свирида 2000, с. 11] и тем самым поощряла разнообразие ролей, которое не противоречило разделению на частную и общественную жизнь.

Тем не менее в русском художественном контексте проявление театральности обладало собственными специфическими особенностями, заметно отличающимися от западноевропейской ситуации. Культурная политика Петра I, направленная на радикальный переход от традиционного уклада жизни к иностранным порядкам в поведении человека и в общественной жизни, не только поставила в трудное положение русского дворянина, который «оказался у себя на родине в положении иностранца – человека, которому во взрослом состоянии искусственными методами следует обучаться тому, что обычно люди получают в раннем детстве непосредственным опытом» [Лотман 1992а, с. 249–250], но и придала бытовой жизни театрализованной характер. Это во многом объясняет отношение русских художников к творчеству Д.Г. Левицкого, которое, отличаясь картинностью, свободой композиционных решений, светским обращением с моделями и живой апелляцией к зрителям [Евангулова 2007, с. 128], значительно выделялось среди современников высоким уровнем освоения европейских норм.

Начало этому процессу в государственном масштабе было положено основанием Академии художеств в 1757 г., которая создала устойчивую систему художественного образования и позволила сопоставить достижения русской школы с европейскими странами. Общим условием для возможности такого сопоставления служило единство художественных установок, реализующих принципы классицизма, который отличался постановочностью композиций, свидетельствующей о театральности как о важном элементе творческого мышления: «...для того чтобы осознать факт жизни как сюжет для живописи, его надо предварительно смоделировать в формах театра» [Лотман 1992б, с. 292]. Главным жанром в академической иерархии, безусловно, являлась историческая живопись, имевшая наиболее тесную связь с театром: так, в творчестве А.П. Лосенко известны случаи замены «профессионального натурщика актером в соответствующем костюме» [Яблонская 1978, с. 181].

Таким образом, жанром портрета, объединяющим в себе задачи исторической живописи, изображения человека и проявления театральности, оказывается костюмированный портрет, который может быть назван сквозным явлением в русской культуре XVIII в.: широкий диапазон его вариантов, к которым современные исследователи относят «карусельный», маскарадный, мифологический, театральный и этнографический типы [Чежина 2006, с. 113], способствовал не только освоению проблематики других жанров, но и предоставлению свободы для разнообразных творческих экспериментов. Художником, в творчестве которого костюмированный портрет отмечен и наивысшим расцветом, и присутствием более

неоднозначных особенностей, является, безусловно, Д.Г. Левицкий: если в «Смолянках» мастер интерпретирует костюмизацию как прием утонченной портретной характеристики, то в «Портрете П.А. Демидова» – как средство снятия мотива «социальной роли» [Яблонская 1978, с. 175], что свидетельствует о кризисе парадного изображения и о переосмыслении природы портретного жанра в последней трети XVIII столетия. Показательно, что костюмированный портрет, представляющий наиболее демонстративную разновидность парадного изображения с акцентом на costume и выразительной позе, испытывает трудности в период формирования и распространения камерного портрета. Не менее любопытен тот факт, что оба способа представления модели отсутствовали в петровское время, так как предполагают высокий уровень развития культуры, связанный с длительной традицией портретирования [Евангулова 1987, с. 115]. Отсутствие камерного типа при Петре I обусловлено слабой дифференциацией портретного жанра, так как «разнь “парадного” и “приватного” едва только намечается» [Вдовин 2005, с. 30].

Возникновение камерного портрета в европейской живописи происходило в это самое время и было связано с переосмыслением задач парадного изображения, типичные особенности которого сформировались в XVII столетии и не соответствовали новым представлениям о человеке и способам выражения его внутреннего мира: так, образ монарха в XVIII в. сохраняет «типологическую форму выражения идеи власти» [Яблонская 1978, с. 23], но теряет масштабность в представлении самой модели. Таким образом, камерный портрет отражает характерные черты мировоззрения эпохи, проявляющиеся в стремлении «избавиться от всех официальных признаков сословности» [Яблонская 1978, с. 84–85], и тем самым может восприниматься как специфический тип изображения, свойственный именно XVIII столетию.

Начало кризиса парадных форм в отечественной культуре относится к концу 1760-х гг.: область словесности отмечена появлением журнальной сатиры, направленной в том числе и на императрицу, и скептического отношения к похвальным одам [Карев 2003, с. 143], тогда как портретная живопись демонстрирует поиски новых выразительных форм для парадного изображения (представление Екатерины II «без атрибутов власти, у стола с бумагами и письменным прибором, т. е. по схеме портрета “государственного деятеля”» [Яблонская 1978, с. 51]). В это же время возникает оппозиция манере придворного поведения (поскольку оно отличается повышенной театральностью и подчеркиванием социального статуса): постепенно формируется представление о том, что настоящее бла-

городство состоит не в богатстве, а в чести и славе, которые проявляются в заслугах перед отечеством.

В связи с этим главной отличительной чертой камерного портрета является устранение мотива конкретной «социальной роли», которая тем не менее незримо присутствует в новом общественном идеале и демонстрирует «не отказ от сословия, но лишь отказ от привилегий, с ним связанных» [Коваленская 1964, с. 168]. Соответственным образом видоизменяется и представление среди просвещенной части дворянства о благородстве, которое обаяно не только самим фактом принадлежности к высшему сословию, но и личным достоинствам. Появление подобного идеала человека и его отражение в портретной живописи предполагают высокий уровень развития художественного сознания как в обществе, так и среди мастеров: с одной стороны, требуется совпадение представлений о задачах портрета и специфике образной характеристики у всех участников творческого процесса (модель – художник – зритель), а с другой – способность художника к постижению внутреннего мира человека и к его творческому воплощению. Специфика русской художественной ситуации проявляется в том, что развитие индивидуализированного сознания идет параллельно с формированием идеального представления о человеке: иными словами, портретный образ в отечественной школе представляет собой сочетание субъективно-личной трактовки модели с ориентацией на определенный образный канон.

Объективная сложность освоения камерного портрета для русских художников заключалась в том, что данный тип изображения по сравнению с парадным требовал более высокого уровня живописного мастерства, которое проявлялось в перспективном построении фона, в сложных ракурсах, в приоритетном внимании к физиономической характеристике вместо фиксации внешних явлений. Преодоление этих трудностей во многом стало возможным благодаря творчеству П. Ротари, воплотившего в жанре «головок» удивительное разнообразие взглядов, мимических состояний, поворотов и наклонов головы и тем самым привнесшего в русскую портретную традицию широкий диапазон приемов для внешнего выражения эмоций [Яблонская 1978, с. 89], которые стали исходной практической основой для художественных поисков русских мастеров.

Камерный портрет обычно понимается как погрудное или поясное изображение с нейтральным фоном, который определяет отсутствие предметного окружения и, следовательно, большее внимание к самой модели. Если в парадном типе выявление его природы во многом зависит от достаточно ограниченной совокупности признаков, которые связаны со смысловыми элементами произведе-

дения и выражены в многозначных атрибутах, то в камерном типе повышается роль собственно живописных аспектов: построение композиции, объемно-пространственное решение, цвет, светотень. Неопределенный фон обуславливает изоляцию фигуры от окружающего пространства, которая акцентирована сдержанностью жестикуляции, придающей модели неподвижность, и выделяет ее лицо крупным планом, который «предопределил необходимость достоверного воспроизведения “физической субстанции” человека» [Карев 2003, с. 234]. Важной особенностью данного типа изображения является принципиальная естественность позирования, которая достигается отсутствием «изображения кистей рук, наиболее подвижных и активных элементов “действенной” характеристики» [Яблонская 1978, с. 79].

Иными словами, русский камерный портрет отличается внутренней статикой образа, тем самым отражая идеальные представления о человеке, связанные с нормативностью художественного сознания. Эта сдержанность проявлений особенно ощутима в отношении русских художников к мимике: если в европейских школах мимическая подвижность играет значительную роль в создании образа, порой доходя до гротеска, то в отечественной традиции сходство «достигается не столько мимическими, сколько физиономическими средствами: точностью передачи черт лица» [Яблонская 1978, с. 81]. Особое ощущение портретности в сочетании с идеальностью образа могут быть определены как отличительные свойства русского камерного портрета XVIII столетия.

Итак, камерный портрет как тип изображения представляет собой противопоставление парадному варианту и характеризуется следующими особенностями:

- 1) погрудный или поясной срез изображения;
- 2) нейтральный фон, лишенный предметов или аксессуаров;
- 3) естественность ситуации позирования и сдержанность жестикуляции;
- 4) незначительность дистанции между моделью и зрителем;
- 5) повышение роли живописных аспектов в создании образа (композиционное решение, цвет, светотень);
- 6) акцент на достоверном воспроизведении физиономических черт лица;
- 7) расположение модели в сложном ракурсе;
- 8) создание объемно-пространственной глубины для объединения фигуры с окружающей средой.

Таким образом, рассмотрение парадного и камерного портрета в России XVIII столетия позволило выявить типологические характеристики, свойственные каждому варианту изображения и де-

монстрирующие их принципиальное различие. Парадный портрет возник в России в начале столетия в соответствии с устойчивыми традициями представления модели в западноевропейских школах. Важным отличием отечественной художественной ситуации стало преобладание женской модели в качестве образца для парадного портрета, что обусловлено историко-политическими особенностями эпохи дворцовых переворотов в России, и определило пути развития жанра в целом. Расцвет костюмированного портрета в середине века демонстрировал не только усложнение концепции парадного образа, обладающего особой эффектностью замысла и виртуозностью исполнения, но и некоторый ее кризис, совпавший с активным развитием камерного портрета, который воплотил новое понимание личности и отличался последовательным противопоставлением парадному варианту.

Выявление конкретных черт парадного и камерного изображения представляет собой важный шаг для исследования портретной живописи на рубеже XVIII–XIX вв., которая отличается сочетанием характеристик, свойственных разным типам портрета. Более того, пристальное внимание к типологическим особенностям жанра может стать более важным средством для изучения портрета указанного периода по сравнению со стилистическим анализом конкретных произведений, который не всегда дает положительные результаты в условиях многообразия художественных направлений.

Литература

- Абрамкин 2016 – *Абрамкин И.А.* Портреты В.Л. Боровиковского первой половины 1800-х годов: к проблеме «портрет и стиль» на рубеже XVIII–XIX веков // *Артикульт.* 2016. № 2 (22). С. 46–54.
- Алексеева 1975 – *Алексеева Т.В.* Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX веков. М.: Искусство, 1975. 421 с.
- Вдовин 2005 – *Вдовин Г.В.* Персона. Индивидуальность. Личность: Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 244 с.
- Даниэль 1990 – *Даниэль С.М.* Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л.: Искусство, 1990. 221 с.
- Евангулова 1987 – *Евангулова О.С.* Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII века: Проблемы становления художественных принципов Нового времени. М.: Изд-во МГУ, 1987. 294 с.
- Евангулова 2007 – *Евангулова О.С.* Русское художественное сознание XVIII века и искусство западноевропейских школ. М.: Памятники ист. мысли, 2007. 285 с.

- Зернов 1977 – *Зернов Б.А.* Искусство XVIII века. II // Малая история искусств: Искусство XVIII века. М., 1977. С. 27–64.
- Иваницкий 2000 – *Иваницкий А.И.* Интимный портрет рококо: к вопросу об онтологической необходимости «большого стиля» // XVIII век: Ассамблея искусств: Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 132–142.
- Кантор 1977 – *Кантор А.М.* Искусство XVIII века. I // Малая история искусств: Искусство XVIII века. М., 1977. С. 6–26.
- Карев 2003 – *Карев А.А.* Классицизм в русской живописи. М.: Белый город, 2003. 319 с.
- Карев 2005 – *Карев А.А.* «Притворство» придворного и проблема жеста в портрете екатерининского времени // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы. М., 2005. С. 118–135.
- Коваленская 1964 – *Коваленская Н.Н.* Русский классицизм. Живопись. Скульптура. Графика. М.: Искусство, 1964. 703 с.
- Лебедев 1994 – *Лебедев А.В.* Русский портрет второй половины XVIII века и проблема стиля // Русский классицизм второй половины XVIII – начала XIX века: Сб. статей. М., 1994. С. 85–92.
- Лотман 1992a – *Лотман Ю.М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 248–268.
- Лотман 1992b – *Лотман Ю.М.* Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 287–295.
- Лотман 2002a – *Лотман Ю.М.* Портрет // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Акад. проект, 2002. С. 349–375.
- Лотман 2002b – *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры IX–XIX веков // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Акад. проект, 2002. С. 154–179.
- Сарабьянов 1980 – *Сарабьянов Д.В.* Русская живопись XIX века среди европейских школ. М.: Сов. художник, 1980. 261 с.
- Свирида 2000 – *Свирида И.И.* Театральность как синтезирующая форма культуры XVIII века // XVIII век: Ассамблея искусств: Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 5–18.
- Турчин 1969 – *Турчин В.С.* Русский портрет эпохи романтизма: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1969. 443 с.
- Турчин 1981 – *Турчин В.С.* Эпоха романтизма в России: К истории русского искусства первой трети XIX века. М.: Искусство, 1981. 549 с.
- Турчин 1989 – *Турчин В.С.* Основные проблемы западноевропейского и русского искусства конца XVIII – начала XIX века: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1989. 46 с.
- Турчин 2001 – *Турчин В.С.* Александр I и неоклассицизм в России. М.: Жираф, 2001. 511 с.

- Чежина 2006 – Чежина Ю.И. Костюмированный портрет в русском искусстве XVIII века как отражение духа эпохи: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. 280 с.
- Яблонская 1978 – Яблонская Т.В. Классификация портретного жанра в России XVIII века (к проблеме национальной специфики): Дис. канд. искусствоведения. М., 1978. 216 с.

References

- Abramkin, I.A. (2016), "Portraits by V. Borovikovsky in the first half of the 1800's. On the issue of "the portrait and style" at the turn of the 18th – 19th centuries", *Articul't*, vol. 22, no. 2, pp. 46–54.
- Alekseeva, T.V. (1975), *Vladimir Lukich Borovikovskij i russkaya kul'tura na rubezhe XVIII–XIX vekov* [Vladimir Lukich Borovikovsky and the Russian culture at the turn of 18th – 19th centuries], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Chezhina, Y.I. (2006), *Costume portrait in Russian art of 18th Century as a reflection of age's spirit*, Ph.D. Thesis, History of Art, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.
- Daniel, S.M. (1990), *Iskusstvo videt'. O tvorcheskih sposobnostyach vospriyatija, o yazyke linij i krasok i o vospitanii zritelja* [Art of vision. About creative ability of perception, language of lines and paints and on the spectator education of spectator], Iskusstvo, Leningrad, Russia.
- Evangulova, O.S. (1987), *Izobrazitel'noe iskusstvo v Rossii pervoj chetverti XVIII veka. Problemy stanovleniya hudozhestvennyh principov Novogo vremeni* [Visual arts in Russia of first quarter of 18th century. Issues of the New Time artistic principles], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Evangulova, O.S. (2007), *Russkoe hudozhestvennoe soznanie XVIII veka i iskusstvo zapadnoevropejskikh shkol* [Russian artistic mentality of 18th century and art of West-European schools], Pamyatniki istoricheskoy mysli, Moscow, Russia.
- Ivanickii, A.I. (2000), "Intimate portrait of rococo. On the question of ontological necessity of 'Big style' ", in Evsina, N.A. (ed.), *XVIII vek: Assambleya iskusstv. Vzaimodejstvie iskusstv v russkoj kul'ture XVIII veka* [18th century: Assembly of arts. Cooperation of arts in Russian culture of 18th century], Pinakoteka, Moscow, Russia, pp. 132–142.
- Kantor, A.M. (1977), "Art of 18th century. Part 1", in *Malaya istoriya iskusstv. Iskusstvo XVIII veka* [Small history of art. Art of 18th Century], Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 6–26.
- Karev, A.A. (2003), *Klassicizm v russkoj zhivopisi* [Classicism in Russian painting], Belyj gorod, Moscow, Russia.
- Karev, A.A. (2005), "The Pretence of a courtier and the gesture issue in the portrait of the age of Catherine the Great", in Ryazantsev, I.V. (ed.), *Russkoe iskusstvo Novogo vremeni. Issledovaniya i materialy* [Russian art of New age. Research and materials], Pamyatniki istoricheskoy mysli, Moscow, Russia, pp. 118–135.

- Kovalenskaya, N.N. (1964), *Russkii klassitsizm. Zhivopis'. Skul'ptura. Grafika* [Russian classicism. Painting. Sculpture. Graphics], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Lebedev, A.V. (1994), "Russian portrait of second half of 18th century and the issue of style", in Pospelov, G.G. (ed.), *Russkii klassitsizm vtoroj poloviny XVIII – nachala XIX veka* [Russian classicism of second half of 18th century – beginning of 19th century], Izobrazitel'noe iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 85–92.
- Lotman, Y.M. (1992), "The poetics of everyday behavior in Russian culture of 18th century", in Lotman, Y.I., *Izbrannye stat'i: v 3 tomah. Tom 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles in 3 volumes, vol. 1. Articles about the semiotics and typology of culture], Aleksandra, Tallinn, Estonia, pp. 248–268.
- Lotman, Y.M. (1992b), "Stage and painting as encoding devices of man's cultural behavior in the beginning of 19th century", in Lotman, Y.I., *Izbrannye stat'i: v 3 tomah. Tom 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles in 3 volumes, vol. 1. Articles about the semiotics and typology of culture], Aleksandra, Tallinn, Estonia, pp. 287–295.
- Lotman, Y.M. (2002), "Portrait", in Lotman, Y.I., *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles about the semiotics of the culture and art], Akademicheskij proekt, Saint-Petersburg, Russia, pp. 349–375.
- Lotman, Y.M. (2002), "A problem of sign and symbolic system and a typology of Russian culture in 9th – 19th centuries", in Lotman, Y.I., *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles about the semiotics of culture and art], Akademicheskij proekt, Saint-Petersburg, Russia, pp. 154–179.
- Sarab'yanov, D.V. (1980), *Russkaya zhivopis' XIX veka sredi evropejskikh shkol* [Russian painting of 19th century among European national schools], Sovetskii hudozhnik, Moscow, Russia.
- Svirida, I.I. (2000), "Theatrics as a synthesizing form of culture in 18th century", in Evsina, N.A. (ed.), *XVIII vek: Assambleya iskusstv. Vzaimodejstvie iskusstv v russoj kul'ture XVIII veka* [18th century: Assembly of arts. Cooperation of arts in Russian culture of 18th century], Pinakoteka, Moscow, Russia, pp. 5–18.
- Turchin, V.S. (1969), Russian portrait of Romantic Age, Ph.D. Thesis, History of Art, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Turchin, V.S. (1981), *Epoha romantizma v Rossii: K istorii russkogo iskusstva pervoj treti XIX veka* [Romantic Age in Russia. On history of Russian art in the first third of 19th century], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Turchin, V.S. (1989), Main issues of West-European and Russian art in the end of 18th – beginning 19th century, Abstract of D. Sc. dissertation, History of Art, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Turchin, V.S. (2001), *Aleksandr I i neoklassitsizm v Rossii* [Alexander I and the neoclassicism in Russia], Zhiraf, Moscow, Russia.
- Vdovin, G.V. (2005), *Persona. Individual'nost'. Lichnost'. Opyt samopoznaniya v iskusstve russkogo portreta XVIII veka* [Person. Individuality. Personality. Experience of self-cognition in art of Russian portrait in 18th century], Progress-Tradiciya, Moscow, Russia.

- Yablonskaya, T.V. (1978), Classification of the portrait genre in Russia in the 18th century, Ph.D. Thesis, History of Art, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Zernov, B.A. (1977), "Art of 18th century. Part 1", in *Malaya istoriya iskusstv. Iskusstvo XVIII veka* [Small history of art. Art of 18th century], Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 27–64.

Информация об авторе

Иван А. Абрамкин, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ivanabramkin@list.ru

Information about the author

Ivan A. Abramkin, Cand. of Sci. (Art Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ivanabramkin@list.ru

УДК 72.03

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-128-150

Раннее творчество И.В. Жолтовского
как частный случай конструирования классики
в эпоху модернизма

Илья Е. Печёнкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pech_archistory@mail.ru*

Аннотация. Раннее творчество И.В. Жолтовского (1867–1959) традиционно находится на периферии внимания исследователей, хотя разумно предположить, что именно в дореволюционный период он сформировался как архитектор. По мнению С.О. Хан-Магомедова, 1900–1910-е гг. Жолтовский занимался чем-то вроде лабораторных опытов, отбирая наиболее совершенные с художественной точки зрения формы и приемы. Однако этот процесс нужно рассматривать не столько в плоскости абстрактного художественного качества, сколько в контексте стилевых поисков начала XX в., направленных на преодоление эклектики. Эти поиски принято ассоциировать с модерном, но в России идея обретения подлинного *стиля* воплотилась в неоклассике. Новая классическая архитектура как феномен конструировалась на фоне неуклонной модернизации общества и культуры, так что разговоры о возрождении традиций прошлого имели весьма условное отношение к реальности. По-настоящему значимой в архитектуре становилась оригинальность эстетического выбора, и радикальное палладианство раннего Жолтовского, построенное не на робком подражании классике, а на прямом цитировании знаменитых вилл и палаццо, этой тенденции вполне соответствовало.

Ключевые слова: архитектура XX в., И.В. Жолтовский, источники стиля, итальянские влияния, Пантеон, Ренессанс, А. Палладио, Дж. Романо, М. Санмикели, архитектурные трактаты, неоклассицизм, палладианство

Для цитирования: Печёнкин И.Е. Раннее творчество И.В. Жолтовского как частный случай конструирования классики в эпоху модернизма // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 128–150. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-128-150

I.V. Zholtovsky's early works as a special case of constructing the classics during the modernist era

Ilya E. Pechenkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
pech_archistory@mail.ru*

Abstract. I.V. Zholtovsky's (1867–1959) the earliest works are traditionally considered by researchers like a sort of marginalia in his professional biography, although it is reasonable to assume that he was formed as an architect just during the pre-revolutionary period. According to S.O. Khan-Mamedov, Zholtovsky was engaged in something like laboratory experiments in 1900–1910s, selecting the forms and techniques that were most perfect from an artistic point of view. However, that process should be viewed not so much in the plane of abstract artistic quality as in the context of stylistic searches of the early 20th century aimed at overcoming eclecticism. It is usually to associate those searches with Art Nouveau, but in Russia the idea of acquiring a true *style* was embodied in neoclassic tendency. The new classical architecture as a phenomenon was built against the background of the steady modernization of the society and culture, so that the talking about the revival of the historical traditions had a small relation to reality. The originality of the aesthetic choice became truly significant in architecture, and Zholtovsky's radical Palladianism, based not on approximate imitation of the classics, but on the exact quotation of famous villas and palazzo, fully corresponded to the trend.

Keywords: 20th century architecture, I.V. Zholtovsky, style sources, Italian influences, Pantheon, Renaissance, A. Palladio, G. Romano, M. Sanmicheli, architectural treatises, neoclassicism, Palladianism

For citation: Pechenkin, I.E. (2020), "I.V. Zholtovsky's early works as a special case of constructing the classics during the modernist era", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 128–150, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-128-150

Попробуйте в телефонной книжке найти номер телефона И.В. Жолтовского. Это вам не удастся. Греки и римляне не знали телефона¹.

¹Архитектурная Москва: Ежегодник / Под ред. Н.Г. Шебуева, Э.Л. Леви. Вып. 1. М., 1911. С. 8.

Фантом постмодернизма

В предыдущей статье на примере дома Скакового общества в Москве был начат разговор о сложной и «интернациональной» природе ранних неоклассических проектов И.В. Жолтовского [Печёнкин 2020а]. Наиболее чуткие из современников отзывались об этих опытах довольно сдержанно. «Применение палладианского стиля за последнее время стало особенно модным, – констатировал в 1911 г. критик В.Я. Курбатов, отдавая первенство молодому архитектору В.А. Щуко. Постройки Жолтовского он находил чересчур *придуманными*: «Конечно, они красивы, но не так, как образцы их, и в них все-таки больше декорации, чем зодчества»².

Возникшее у зрителя впечатление интеллектуальной игры, выразившейся, по Курбатову, в устройстве исторических декораций, было резонным и вполне предсказуемым. Не он один увлекался в те годы ретроспекцией, но была особенность, выделявшая именно Жолтовского на фоне других. Годом ранее в обзоре архитектурных событий другой критик – Г.К. Лукомский – как бы невзначай обронил, подразумевая дом Тарасова на Спиридоновке: «Скопирован Palazzo Thiena (ora banca popolare), в Виченце...»³. И тут же добавил, как будто желая извинить архитектора за вторичность его постройки: «...но скопирован очень благородно, умно и тонко». Этот парадоксальный микс из указания на копийность постройки и констатации вкуса и ума ее строителя встречается практически у всех авторов, которые писали о доме Тарасова.

Исторически вариантов оправдания Жолтовского (в данном контексте оно тождественно объяснению) можно выявить несколько. Так, для Г.К. Лукомского, вообще считавшего *подражание древним* единственно верным этическим выбором, акт копирования в начале XX в. постройки середины XVI в. выглядел естественным подтверждением его кредо. Оппонент всякой модернизации, скептически отзывавшийся о самой возможности развития строительной техники и, как следствие, о нужности обновления архитектурных форм⁴, он грезил реваншем доиндустриальной эпохи, и самый утопизм этой грезы по-своему замечателен.

²Курбатов В. Итоги лет: По поводу архитектурно-художественной выставки при IV съезде зодчих // Зодчий. 1911. № 11. С. 121.

³Лукомский Г. Новости архитектурной жизни // Зодчий. 1910. № 6. С. 56.

⁴Лукомский Г. Архитектурные вкусы современности // Труды IV Съезда русских зодчих. СПб.: [Б. и.], 1911. С. 31.

С.О. Хан-Магомедов, напротив, выступал с модернистских позиций, а в этой оптике повторение архитектурной формы, рожденной много веков назад, просто не распознается как творческий акт и является *плагиатом*. Поэтому исследователь предложил рассматривать начальный этап биографии Жолтовского (на самом деле, довольно большой – около двух десятилетий) как некую подготовительную стадию, период лабораторных опытов накануне начала собственно творческой деятельности:

Жолтовский сам, ни с кем не советуясь, формировал свою концепцию формы, отбирая композиционные приемы, а также средства и формы художественной выразительности, формируя свою палитру и отбрасывая все, что казалось ему непригодным. Он считал, что в творческой палитре каждого архитектора должны остаться только такие средства и приемы, которые выдерживают самую строгую проверку на самый высокий художественный уровень [Хан-Магомедов 2010, с. 42].

Наконец, третий способ расшифровки загадки дома Тарасова был сравнительно недавно предложен С.Ю. Кавтарадзе [Кавтарадзе 2017]. Это способ, апеллирующий к литературной аналогии: исследователь усматривает возможность провести параллель между *постройкой заново* некогда уже построенного палатца и написанием некогда уже написанного романа: в рассказе Х.Л. Борхеса «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”» 1934 г.

На примере затеи вымышленного им писателя «создать страницы, совпадающие – слово в слово, строчка в строчку – со страницами Мигеля Сервантеса»⁵ Борхес показывает, в какой степени смысл литературного текста зависит от эпохи, в которую он читается. Отсутствие у Менара большей части глав, которые он просто не успел написать, идет его роману в плюс; язык Сервантеса в исполнении Менара выглядит архаичным, а фраза, сначала написанная Сервантесом и теперь «сочиненная» Менаром, звучит для середины XX в. как *поразительная мысль*. Нужно сказать, однако, что Жолтовский не был архитектурным Пьером Менаром; он не повторял Палладио *слово в слово*.

И Г.К. Лукомский, и С.Ю. Кавтарадзе попытались объяснить феномен Жолтовского извне его исторической эпохи, намеренно архаизируя либо чересчур модернизируя его. Парадокс, видимо, состоит в том, что Жолтовский жил и творил в эпоху модернизма,

⁵Борхес Х.Л. Пьер Менар, автор Дон Кихота / Пер. Е. Лысенко // Борхес Х.Л. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения: Пер. с исп. СПб.: Северо-Запад, 1992. С. 124.

хотя самую его архитектуру модернистской назвать нельзя. Представляется полезным отойти здесь от одномерного истолкования модернизма как стремления к беспрецедентности формы и художественного жеста, отвергающего всякую ретроспекцию. На несомнительность такого ограничения указывает пример «мир искусников»: сконструированный ими в начале XX в. феномен «старого Петербурга» [Басс 2018] вполне сопоставим с феноменом *палладианства Жолтовского*.

Из сказанного следует, что ближе всех к истине оказался С.О. Хан-Магомедов, но он, к сожалению, изучил начальный период биографии Жолтовского лишь в общих чертах. Такой подход к фактологии не позволил ему перестать мыслить особняк Тарасова как уникальный эпизод, когда сорокалетний Жолтовский «вдруг почему-то отбрасывает весь накопленный им опыт проектирования и начинает свою профессионализацию с самого начала» [Хан-Магомедов 2010, с. 53]. В действительности же *паллаццо* на Спиридоновке был *одним из* произведений архитектора 1900–1910-х гг., пусть и наиболее заметным в силу своего масштаба и местоположения. В этой статье мы на нескольких примерах покажем, что на Спиридоновке Жолтовский вовсе не отрекался от прежних наработок, а только развивал их.

Копирование vs цитирование

Как было нами показано, дом Скакового общества (1903–1905) – дебютная постройка Жолтовского – являлся, по сути, архитектурной компиляцией. В его облике можно выявить черты, восходящие к виллам Палладио, но также и элементы иного происхождения: цитаты английских палладианских построек XVII–XVIII вв. и античных памятников (известных, впрочем, прежде всего по британским увражам и музейным собраниям⁶). При том что отобранные Жолтовским образцы лежали в русле классики, гетерогенность форм здания позволяет говорить об эклектичности его стиля. Эта особенность характеризует и последующие работы архитектора.

По-видимому, самой ранней из них стоит считать комплекс (главный дом, службы и парковые сооружения) в усадьбе Липовка, построенный для А.А. Руперти в 1907–1908 гг.⁷ Композиция уса-

⁶ В частности, Ионический фриз Парфенона с начала XIX в. находится в Британском музее.

⁷ Усадьба была перестроена в 1930-х гг. и утратила оригинальный облик.

дебного дома, без сомнений, отсылает к прототипу – вилле Бадозр во Фратта-Полезине, созданной А. Палладио в 1556–1563 гг.

Как свидетельствует в своих мемуарах дочь заказчика, М.А. Добровейн, ее отец «часто ездил за границу, главным образом в Италию, любил рыться у старьевщиков»⁸. Существенно отметить, что архитектор и заказчик нашли полное взаимопонимание в выборе стилистического ориентира для будущей постройки. Супруга А.А. Руперти (и формальная владелица Липовки) видела будущий дом решенным в духе русского классицизма: непосредственным образцом служила расположенная по соседству старая усадьба Вёшки. Главный дом ее «был небольшой, деревянный, с колоннами, и с обеих сторон главного здания шли полукругом легкие галереи к двум маленьким флигелям»⁹.

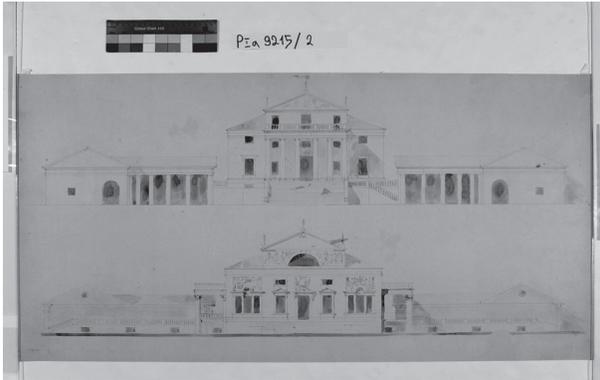
Описанный в этих строках пример самобытного помещичьего палладианства не удовлетворял в первую очередь самого Альфреда Александровича. По воспоминаниям дочери, «ему хотелось создать что-то совершенно особенное». Именно этим стремлением было обусловлено обращение к Жолтовскому, снискавшему постройкой дома Скакового общества среди московских богачей славу архитектора, знающего толк в роскоши и одновременно наделенного вкусом и знаниями. Очевидно, А.А. Руперти, как член московского Скакового общества [Шурыгина 2017], мог воочию оценить достоинства его первой постройки.

Привезенного в усадьбу Жолтовского отвели в Вёшки, дабы он мог составить себе представление об ожиданиях хозяйки. Но разработанный им проект, как уже было сказано, отсылает не к палладианской традиции, а напрямую к Палладио. При этом архитектор повел себя отнюдь не как борхесовский Пьер Менар: дом в Липовке вызывал стойкую ассоциацию с виллой Бадозр, но копией ее совершенно не являлся. Вписывая свое здание в пейзаж на берегу запруды, Жолтовский отказался от сильно выступающих вперед служебных корпусов-баркесс, которые есть у Палладио, и подчеркнул значение главного объема выступающим портиком (на вилле Бадозр – лоджия с фронтоном). Этот шестиколонный портик ионического ордера, фланкированный стенами с арочными проемами, почти точно воспроизводил портики виллы Ротонды в Виченце, но вместо треугольного фронтона над ним был устроен балкон, на который можно было выйти из мезонина. На парковый фасад мезонин, который обозначал третий уровень дома, выходил

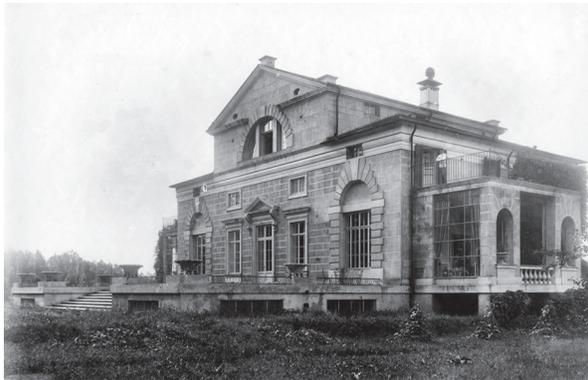
⁸Добровейн М.А. На рубеже двух эпох: автобиографические записки. М.: Ин-т наследия, 2001. С. 30.

⁹Там же. С. 53, 54.

полукруглым окном, разрывавшим фронтоном, что напоминало прием, использованный Палладио на вилле Фоскари (Мальконтента). Таким образом, в Липовке, как ранее в доме Скакового общества, перед нами – компендиум цитат, а не скопированный (или написанный заново) единый текст (рис. 1, 2).

*Рис. 1. И.В. Жолтовский.
Проект главного дома в усадьбе Липовка. Фасады.
Б. д. ГНИМА*

*Рис. 2. Главный дом в усадьбе Липовка.
Арх. И.В. Жолтовский, 1907–1908. Парковый фасад.
Фото начала XX в. ГНИМА*

Сравнивая эскизный проект усадебного дома с фотографиями осуществленной постройки, можно заметить, что замысел архитектора был воплощен с определенными издержками. Это особенно касается паркового фасада, не получившего окон-серлиан и изысканной скульптурной декорации. Тем не менее критик Г.К. Лукомский с восторгом приветствовал появившийся в Липовке «чудесный особняк в строгом стиле Палладианских вилл близ Виченцы»¹⁰. В данном случае с ним можно согласиться, поскольку работать *в стиле* не значит копировать конкретные произведения. Жолтовскому действительно удалось выработать оригинальный почерк, или, говоря иначе, собственную систему классических образов, опираясь на итальянские образцы XVI в. Остается открытым вопрос о том, чья именно воля – архитектора или заказчика – выразилась в столь однозначной ориентации на виллы Палладио?

Известно, что в намерении вести в Липовке образ жизни венецианского нобиля Руперти был чрезвычайно последователен. М.А. Добровейн вспоминает, что ее отец специально для новой усадьбы привез из Италии скульптуры и лимонные деревья в кадках, которые в холодное время года переносились в отапливаемое помещение¹¹.

С другой стороны, проекты Жолтовского, датируемые временем между постройкой дома Скакового общества и созданием дома в Липовке, явственно несут в себе италиянизирующие черты. Если в проектах здания лечебницы с водолечением (1905) и высотной колокольни (без даты) можно увидеть развитие эклектичного подхода, апробированного в Скаковом, то «Проект дома для господина N» (не позднее 1906) откровенно цитирует структуру фасада вичентийского Каза Коголло. Но и здесь неуместно говорить о копии, поскольку Жолтовский изменяет число и форму проемов, детали, включает рельефный декор, отсутствующий в образцовой композиции и указывающий скорее на влияние стиля боз-ар, чем на подражание Ренессансу (рис. 3, 4).

Особняком на этом фоне стоит усадьба Щурово близ Коломны, датируемая в широком диапазоне второй половины 1900 – середины 1910-х гг. Эта незавершенная постройка Жолтовского была задумана под впечатлением от мантуанского палаццо дель Те, главного архитектурного произведения Джулио Романо (1540-е) [Печёнкин, Шурыгина 2019]. Но это влияние сказывается лишь в общей планировке замкнутого каре (на деле здание осталось

¹⁰ Лукомский Г. Новости архитектурной жизни // Зодчий. 1910. № 17. С. 185.

¹¹ Добровейн М.А. Указ. соч. С. 61.

П-образным); обработка фасадов предполагалась значительно более легкой и включила в себя простые колонные портики.

Рис. 3. И.В. Жолтовский. Проект дома для господина Н. Не позднее 1906. Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 1. СПб., 1906.

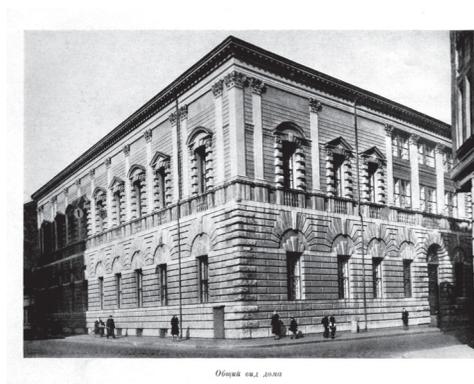

Виченца. Двор Палладио, Палладио А. Палладио.

Рис. 4. Каза Коголло в Виченце. Арх. А. Палладио (?), 1559. Фото начала XX в. Архив В.Е. Царина

Из Вероны в Виченцу

Обстоятельства получения Жолтовским заказа на проектирование особняка Г.А. Тарасова (рис. 5) никогда не исследовались. Выше уже было сказано, что и в этой постройке архитектору удалось достичь эффекта удивительной узнаваемости образа, благодаря чему возникло и утвердилось мнение о копийном характере этой работы. Здесь мы не будем заниматься оспариванием этого мнения, полагая достаточным отослать читателя к публикации, специально посвященной данному вопросу [Печёнкин 2020b]. Сосредоточим внимание на факте, заставляющем по-новому взглянуть на особняк Тарасова в контексте профессиональной карьеры Жолтовского.

*Рис. 5. Особняк Г.А. Тарасова в Москве.
Арх. И.В. Жолтовский, 1909–1912. Общий вид.
Источник: Ощепков...*

Дело в том, что осуществленному проекту *палаццо* на Спиридоновке предшествовал вариант, датированный маем 1908 г. и весьма отличавшийся по своей композиции. Чертежи, поданные на утверждение в Строительное отделение московской городской управой, были подписаны гражданским инженером А.Н. Агеенко¹².

Александр Наумович Агеенко, окончивший петербургское Строительное училище в далеком 1876 г. и послуживший на разных

¹² Ведомость ходатайствам о постройках, поступивших в Московскую Городскую Управу с 31 марта по 7 апреля 1908 года // Зодчий. 1908. № 16. С. 146.

должностях в провинции¹³, специализировался на склоне лет на производстве построек по чужим проектам. «Милый старичок, старательный, честнейший Агеенко, бывалый, всю жизнь вычислявший расчеты железных балок, нагрузки стен, и днями и ночами сквозь очки в черепаховой темной оправе напрягавший свой усталый, старческий, но опытный и зоркий взор, сосредоточенный на сложных таблицах строительных расчетов и кассовых книг!» – так охарактеризовал его на страницах своих воспоминаний князь С.А. Щербатов, для которого Агеенко выстроил по проекту А.И. Таманова (Таманяна) известный доходный дом на Новинском бульваре¹⁴.

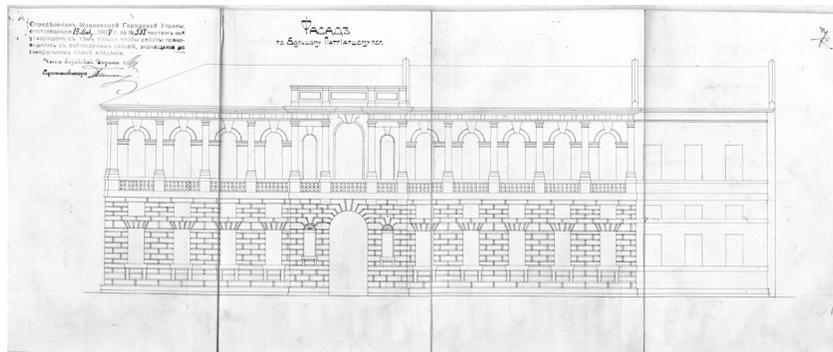
Строго говоря, имя автора первоначального варианта особняка Тарасова неизвестно. Поскольку в этой роли трудно представить Агеенко, придется допустить, что уже на этом этапе к делу был причастен Жолтовский. Как сейчас станет ясно, первоначальный вариант проекта, немало отличаясь от реализованного, обнаруживает все-таки специальную заинтересованность его автора в итальянской архитектуре XVI в.

Сравнение первоначального проекта с осуществленным показывает, что архитектор, хотя и предполагал использовать замкнутый план с внутренним двором, не сразу остановился на вичентийском палаццо Тьене как образце. В первоначальном варианте план был усложнен введением объема, разделяющего пространство внутри каре на собственно двор, в который вела со стороны переулка проездная арка и который сообщался с подсобными помещениями, и приватный садик, в глубине которого был запроектирован пристенный фонтан. Живописная перспектива с видом на него должна была открываться из двора через арку, напоминая приемы ренессансных паркостроителей (например, Дж. Виньолы на римской вилле Джулия). В итоге Жолтовский отказался от такого зонирования, возможно, найдя территорию московского домовладения чересчур тесной.

Внутренняя планировка самого особняка была в основном найдена уже на раннем этапе проектирования. Изменения коснутся лишь крыла по Большому Патриаршему переулку, что будет вызвано отказом от устройства разделяющей двор арки, в объем которой сначала предполагалось вынести лестничную клетку и санузел.

¹³ Архитекторы Российской империи с начала XVIII века до 1917 года: Биографический словарь. Т. 1: «А» / Под науч. рук. А.Ф. Крашенинникова. М.: ГНИМА им. А.В. Щусева, 2006. С. 34, 41.

¹⁴ *Щербатов С.А.* Художник в ушедшей России. М.: Согласие, 2000. С. 236–237.

*Рис. 6. И.В. Жолтовский (?).
Проект особняка Г.А. Тарасова в Москве.
Первоначальный вариант. 1908.
Фасад по Большому Патриаршему переулку.
Источник: ЦГА г. Москвы*

Но наибольшего интереса достойны фасады здания: здесь расхождения с осуществленным проектом довольно знаменательны.

Во-первых, и по Спиридоновке, и по переулку фасады в первоначальной версии имели обработку не на всем протяжении. С каждой стороны были оставлены участки в три оси, почти лишенные отделки (кроме простых горизонтальных тяг и аскетичного карниза). Это кажется примечательным, поскольку такой прием «дробления» фасадной композиции будет характерен для построек Жолтовского советского времени – здания Госбанка (1927–1930, фасад по Сандуновскому переулку) и жилого дома на Смоленской площади (1939–1956).

Во-вторых, не имея в виду палаццо Тьене, автор проекта цитировал иные образцы, не связанные с именем Палладио. В общих чертах композиция обоих фасадов напоминает веронский палаццо Каносса, построенный Микеле Санмикели около 1530 г. (рис. 6, 7) Различие – в пропорциях верхнего и нижнего ярусов, поскольку в московском особняке не предполагались окна второго света наверху. В нижнем же ярусе, утяжеленном при помощи рустовки, эти лежащие проемы свидетельствуют о наличии антресолей над частью первого этажа (в осуществленном варианте их нет). А вот характер ордерной обработки верхнего яруса фасада заставляет вспомнить другой веронский дворец, выстроенный Санмикели – палаццо Помпеи. В отличие от палаццо Каносса, где применены сдвоенные коринфские пилястры, московский проект включает одинарные римско-дорические полуколонны.

*Рис. 7. Палаццо Каносса в Вероне.
Арх. М. Санмикели, 1530-е гг. Общий вид.
Фото 2010-х гг. Источник: <https://verona.com/>*

Кроме того, фасады московского особняка лишены симметрии, свойственной веронскому дворцу. Возможно, архитектор был заложником технического задания, согласно которому первый этаж разделялся на парадную часть с анфиладой помещений (по Спиридоновке) и офисную (по переулку). Эта структура сохранилась и в окончательном проекте, что косвенно подтверждает нашу догадку (рис. 8, 9). В первоначальном же варианте чувствуется попытка купировать «ненужный» динамизм композиции фасада по переулку, иллюзорно сократив ее протяженность за счет неравномерной обработки и подчеркнув центральное значение въезда во двор. Местоположение последнего акцентировано выступающим ризалитом, а верхний ярус решен в виде «триумфальной арки» с аттиком. Решая оформление въезда, автор проекта вновь отошел от приемов Санмикели и оставил сквозным лишь один центральный проем, фланкировав его небольшими полукруглыми нишами. Трехнефное зальное пространство проезда полностью раскрыто только во двор.

Допустив, что первоначальный вариант проекта является работой Жолтовского, мы получаем целый ряд важных для него мастеров итальянского Ренессанса: Джулио Романо, Микеле Санмикели и Андреа Палладио. Соответственно выстраивается и география итальянских симпатий Жолтовского: Мантуя – Верона – Виченца. Впрочем, Верона и Санмикели были отвергнуты на стадии проектирования...

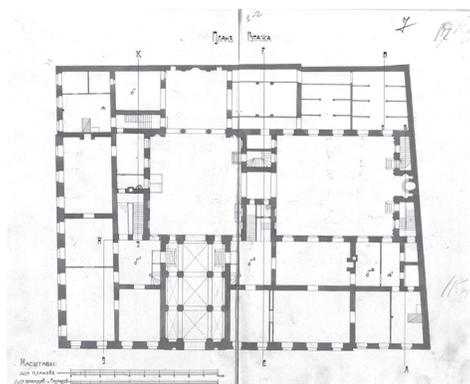

Рис. 8. И.В. Жолтовский (?). Проект особняка Г.А. Тарасова в Москве. Первоначальный вариант. 1908. План 1-го этажа.

Источник: ЦГА г. Москвы

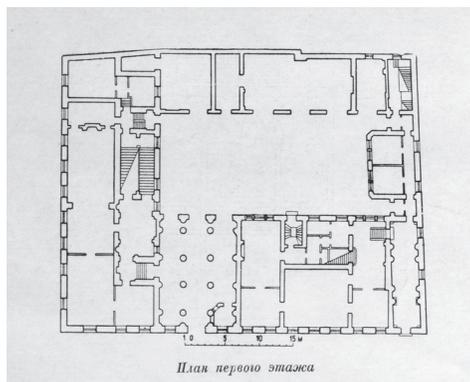

Рис. 9. Особняк Г.А. Тарасова в Москве. Арх. И.В. Жолтовский, 1909–1912. План 1-го этажа.

Источник: Ощепков...

Рим в Удомле

Ключевой датой для описания дореволюционного периода творчества Жолтовского надо признать 1910 г. К его началу был возведен вчерне особняк Тарасова, а на его автора, получившего в ноябре 1909 г. звание академика архитектуры, посыпались зака-

зы – как частные, так и казенные (на проектирование павильона России для римской выставки). С последними дело не заладилось, павильон в итоге поручили В.А. Шуко [Печёнкин, Шурыгина 2020]. Но партикулярные постройки и перестройки производились Жолтовским в первой половине 1910-х гг. достаточно интенсивно. За редчайшими исключениями (строительство особняка Тарасова, перестройка особняка Е.П. Носовой на Малой Семеновской улице и дома М.К. Морозовой в Мертвом переулке), это были работы в загородных усадьбах.

В очерке творческой биографии Жолтовского, написанном Г.Д. Ощепковым, сообщается о том, что в дореволюционный период архитектором, в частности, было осуществлено строительство конюшен в усадьбе Лубенькино и жилого дома в Удомле. Даты этих построек разнятся и у Ощепкова, и в архивных источниках: дом отнесен к 1907 г., конюшни – к 1912-му¹⁵. Лубенькино в начале XX в. стало собственностью Рябушинских¹⁶; тогда один из братьев, Сергей Павлович, и создал на живописном берегу озера Удомля усадебный ансамбль, на первый взгляд напоминавший «дворянские гнезда» русского классицизма. В последующем дом и корпус конюшен постигла разная судьба. Последний сохранился в сильно руинированном состоянии, тогда как усадебный дом в 1992 г. был уничтожен пожаром. В отличие от домов в Щурове и Липовке, он являлся деревянным; исключением служили только колонны портиков – пустотелые, из армированного бетона.

Здание состояло из двух перпендикулярно врезанных друг в друга разновысоких объемов. Доминировал перекрытый двускатной кровлей «амфипротиль», торцы которого были обработаны гексастильными портиками ионического ордера. Симметрично выступавшие в стороны крылья дома также имели двускатную кровлю с фронтонами на торцах. Обработка фасадов здесь была предельно проста: они не имели какого-либо декора, кроме карнизов и наличников окон (рис. 10).

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 8. Д. 12. Л. 159. См. также: [Ощепков Г.Д.] И.В. Жолтовский: проекты и постройки / Вступ. ст. и подбор илл. Г.Д. Ощепкова. М.: Государственное изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1955. С. 8.

¹⁶ Тверские усадьбы: Каталог с картой расположения усадеб / В.В. Стерлина, Д.Д. Лотарева, О.А. Петровичина. М.: НП «Русская усадьба», 2019. С. 207.

Рис. 10. Главный дом в усадьбе Лубенькино.
Арх. И.В. Жолтовский, 1907 (?). Общий вид.
Фото П.И. Скокана 1960-х гг.
Источник: Архив М.В. Нащокиной

Рис. 11. Конюшенный корпус в усадьбе Лубенькино.
Арх. И.В. Жолтовский, 1912. Своды в интерьере.
Фото П.И. Скокана 1960-х гг.
Источник: Архив М.В. Нащокиной

М.В. Нащокина, которой принадлежит первое описание построек в Лубенькине на основе фотофиксации, произведенной архитектором П.И. Скоканом в 1960-х гг., сравнила композиционную схему главного дома с решением Дома уполномоченного ВЦИК в Сочи, построенного Жолтовским в 1935–1936 гг. [Нащокина 2018].

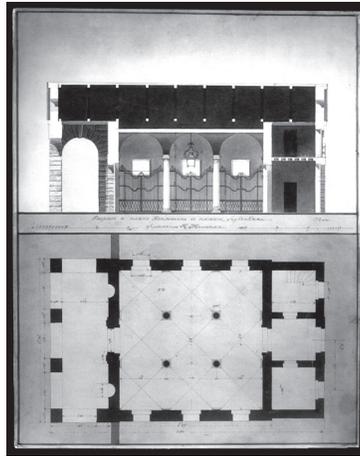

Рис. 12. И.В. Жолтовский. Проект конюшенного корпуса в усадьбе Лубенькино. 1912. Продольный разрез. План. Фотокопия. Источник: Частное собрание

Нам это сравнение кажется чересчур натянутым: Т-образная планировка сочинской постройки мало похожа на ситуацию в Лубенькине, а идея о том, что усадебный дом имел в интерьере крестовые сводики, аналогичные перекрытию вестибюля в административном здании 1930-х, просто ошибочна. Фотография, на которой виден сводчатый потолок, была сделана П.И. Скоканом не в доме, а в интерьере конюшенного корпуса (рис. 11). Это понятно из того, во-первых, что на снимке видна кирпичная кладка стены, которой не могло быть внутри деревянного дома; а во-вторых, декоративные крестовые своды частично сохранились в руине кирпичных усадебных конюшен. На проекте конюшенного корпуса хорошо видно, что пространство его было расчленено четырьмя колоннами и образовавшиеся боковые «нефы» отделялись изящными коваными решетками: за ними располагались стойла (рис. 12).

Что же касается дома в Лубенькине, то попытка найти в его объемно-планировочной композиции авторский «почерк» Жолтовского может оказаться тщетной. Глядя на архивную фотографию дома, можно заметить, что части здания выглядят разновременными и даже несколько разномасштабными. О каких-либо прототипах в творчестве Палладио или других архитекторов Ренессанса здесь говорить не приходится, из-за чего складывается впечатление, что здание было перестроено в начале XX в. посредством развития центральной части тривиального барского дома в один этаж с мезонином.

Надо сказать, что информация об истории усадьбы в позапрошлом столетии чрезвычайно скудна. Есть сведения, что С.П. Рябушинский приобрел ее у Аксаковых¹⁷, и это позволяет предположить наличие на купленной им земле каких-то построек. Далее, в примечаниях к своей статье М.В. Нащокина сетует на то, что в паспорте, хранящемся в Архиве Государственной инспекции по охране и использованию памятников истории и культуры Тверской области, «усадьба Лубенкино (Лубенькино) неверно датирована второй половиной XIX в.» [Нащокина 2018, с. 364]. Эти факты могут говорить в пользу нашей гипотезы о перестройке Рябушинским более раннего усадебного дома.

В архитектуре центральной части дома в Лубенькине Жолтовский выступает не эпигоном Палладио, а внимательным читателем его трактата. По справедливому наблюдению М.В. Нащокиной, конструкция паркового портика в Лубенькине обнаруживала сходство с портиком римского Пантеона, описанного Палладио в последней части его «Четырех книг об архитектуре». Боковые колонны этого портика имели дополнительный ряд внутри, и все три образовавшихся в результате «нефа», в отличие от грандиозного портика Пантеона, перекрывались цилиндрическими сводами – большего радиуса в центре и меньшего по бокам (рис. 13).

Тенденция к нагнетанию количества колонн в этот период встречается у Жолтовского и в проекте Коммерческого института (1910, не осущ.), и в усадебном доме в Бережках (1910, не сохр.). В последнем случае колоннада главного фасада охватывала всю его ширину, но треугольный фронтон увенчивал только центральную часть в семь осей. Этот прием напоминает решение вичентийской Лоджии Вальмарана в саду Сальви (1591), приписываемой Палладио (однако в лоджии фронтоном завершается не шести-, а четырехколонная композиция).

В Коммерческом институте Жолтовский модифицировал портик римского Пантеона, увеличив число по фронту колонн с 8 до 10. За десятью колоннами просматривается обработка стены с характерными экседрами по сторонам, портик имеет трехнефную структуру, но вместо одного входного портала присутствуют три. Возможно, архитектор вдохновлялся тем фактом, что предшественник нынешнего ротондального сооружения времен императора Адриана – Пантеон Агриппы – имел декастильный портик. А для того, чтобы наглядно представить облик этого портика,

¹⁷ Тверские усадьбы: Каталог с картой расположения усадеб / В.В. Стерлина, Д.Д. Лотарева, О.А. Петровичина. М.: НП «Русская усадьба», 2019. С. 207.

Рис. 13. Главный дом в усадьбе Лубенькино.
 Арх. И.В. Жолтовский, 1907 (?). Своды портика.
 Фото П.И. Скокана 1960-х гг.
Источник: Архив М.В. Нащокиной

Жолтовскому было достаточно обратиться к известной ему реконструкции облика римского храма Венеры и Ромы: на ней показан десятиколонный фасад с фронтоном, тимпан которого украшен скульптурой (в Пантеоне Адриана ее нет). Также следуя этому образцу, автор проекта уменьшил глубину портика – с трех до двух рядов.

В Лубенькине Жолтовский, напротив, воспроизвел глубину портика Пантеона (рис. 14), сократив число колонн по фронту до шести и сменив ордер с коринфского на излюбленный Палладио ионический. Ни в одной из дореволюционных и советских построек Жолтовского (включая сочинский Дом уполномоченного ВЦИК) столь глубокий портик не встречается. Таким образом, мы видим, что архитектор в очень узком временном интервале действительно экспериментировал с одним и тем же античным прототипом, варьируя число колонн, тип ордера и другие параметры.

Заключение

Сказанное выше выглядит подтверждением слов С.О. Хан-Магомедова о селекции Жолтовским форм и средств выразительности, а также является созвучным свидетельству С.Н. Кожина, относящемуся уже к периоду проектирования сооружений Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г.:

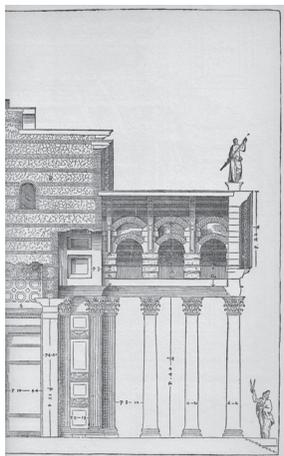

Рис. 14. А. Палладио. Пантеон в Риме.
Продольный разрез портика.
Источник: *Palladio...*

Метод его работы был таков: все приглашенные лица делали совершенно самостоятельно свои, соответствующие заданию эскизы. Изредка Иван Владиславович обходил работающих и через плечо смотрел на рисунки, ни слова не говоря. Потом подходил к своему столу и начинал что-то набрасывать. Через день или два со дня начала работы, а иногда и больше, он, в конце концов, заявлял, что нужное решение найдено. <...> Иногда мы спрашивали Жолтовского, для чего он заставляет нас делать эскизы, часто имевшие мало общего с тем, что на общем совете было принято основой для начала работы. На это Иван Владиславович с улыбкой отвечал: «Мне очень важно было самому увидеть в ваших набросках то, чего не нужно было делать, то, что задержало бы нахождение правильного ответа на проблему»¹⁸.

Очевидно, и до появления штата сотрудников Жолтовский строил свою работу посредством отбора решений с той лишь разницей, что все их ему приходилось генерировать самому. Точнее – извлекать из истории архитектуры, поскольку, в отличие от большинства коллег, он старательно избегал какой-либо модернизации форм. Именно это последнее обстоятельство позволяет

¹⁸ *Кожин С.Н.* Академик архитектуры И.В. Жолтовский // Печёнкин И.Е., Шурыгина О.С. Архитектор Иван Жолтовский: Эпизоды из ненаписанной биографии. М.: [Б. и.], 2017. С. 122–123.

говорить о целенаправленно сконструированном характере его неоклассики.

Представляется, что Жолтовский и его искусство неотделимы от ситуации начала XX в. Его *радикальный классицизм*, включавший и персональное перевоплощение то ли в античного, то ли в ренессансного зодчего, был вызван к жизни поиском оригинального пути в архитектуре на переломе от эклектики к современному движению. Найдя в тщательно отобранной сумме приемов и форм итальянского Ренессанса своего рода «универсальный ключ», Жолтовский на протяжении своей долгой профессиональной жизни оставался мастером, удивительно постоянным в стилевых предпочтениях. Но это тема уже для другой статьи.

Благодарности

Автор статьи выражает глубокую признательность архитектору и эксперту по античной архитектуре М.Б. Атаянцу за консультации, а также благодарит доктора искусствоведения М.В. Нащокину и архитектора-реставратора В.Е. Царина за любезно предоставленные изобразительные материалы.

Acknowledgements

The author is deeply grateful to Maxim B. Atayants, an architect and an expert on the ancient classical architecture, for the advice; and he also thanks to Doctor of History of Art Maria V. Nashchokina and to architect-restorer Vitaly E. Tsarin for the visual sources kindly offered by them.

Литература

- Басс 2018 – *Басс В.Г.* Изобретение «Старого Петербурга» 100 лет назад: к истории самого успешного отечественного предприятия по отделению архитектуры от политики // Новое литературное обозрение. 2018. № 1 (149). С. 145–174.
- Кавтарадзе 2017 – *Кавтарадзе С.* Мир как шедевр: О стилевой принадлежности особняка Тарасова в Москве // Искусствознание. 2017. № 4. С. 28–47.
- Нащокина 2018 – *Нащокина М.В.* Усадьба Лубенькино – малоизвестная работа И.В. Жолтовского // Нащокина М.В. Время стиля. К истории русской архитектуры конца XIX – начала XX века. СПб.: Коло, 2018. С. 355–364.
- Печёнкин, Шурыгина 2019 – *Печёнкин И.Е., Шурыгина О.С.* Дом в усадьбе Щурово Морозовых – малоизвестная работа И.В. Жолтовского // Русская

- усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы / Науч. ред.-сост. М.В. Нащокина. Вып. 25 (41). СПб.: Коло, 2019. С. 153–165.
- Печёнкин 2020a – *Печёнкин И.Е.* «Английское» в творчестве И.В. Жолтовского: дом Скакового общества // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 111–137.
- Печёнкин 2020b – *Печёнкин И.Е.* Казус дома Тарасова: Заметки на полях творческой биографии И.В. Жолтовского // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой; МГУ имени М.В. Ломоносова. СПб.: НП-Принт, 2020. С. 460–471 [Электронный ресурс]. URL: <https://actual-art.spbu.ru/publikatsii/archive/vol-10/international-art-in-the-20th-and-21st-centuries/10779.html> (дата обращения 30.10.2020).
- Печёнкин, Шурыгина 2020 – *Печёнкин И.Е., Шурыгина О.С.* Новые эпизоды творческой биографии И.В. Жолтовского // Academia: Архитектура и строительство. 2020. № 3. С. 48–54.
- Хан-Магомедов 2010 – *Хан-Магомедов С.О.* Иван Жолтовский. М.: С.Э. Гордеев, 2010.
- Шурыгина 2017 – *Шурыгина О.С.* В усадьбу на автомобиле: новый способ передвижения в воспоминаниях современников начала XX века // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 22 (38). СПб.: Коло, 2017. С. 217–229.

References

- Bass, V. (2018), “The Invention of ‘Old Petersburg’ 100 Years Ago: Towards a History of the Most Successful National Endeavor in the Separation of Architecture and Politics”, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], vol. 149, no. 1, pp. 145–174.
- Kavtaradze, S. (2017), “The World as a Masterpiece: About Style of Tarasov Mansion in Moscow”, *Iskusstvoznanie*, no. 4, pp. 28–47.
- Khan-Magomedov, S.O. (2010), *Ivan Zholtovskij* [Ivan Zholtovsky]. S.E. Gordeev, Moscow, Russia.
- Nashchokina, M.V. (2018), “Lubenkino Manor. A little-known opus of I.V. Zholtovsky”, in Nashchokina, M.V., *Vremja stilja. K istorii russkoj arhitektury konca XIX – nachala XX veka* [Time of style. Towards the history of Russian architecture of the late 19th – early 20th centuries], Kolo, Saint Petersburg, Russia, pp. 355–364.
- Pechenkin, I.E. and Shurygina, O.S. (2019), “Manor House in Shchurovo of Morozovs, the little-known opus of Ivan Zholtovsky”, Nashchokina, M.V. comp., *Russkaya usad'ba* [Russian estate], Collection of the Society for the Study of the Russian Estate, vol. 25, Kolo, Saint Petersburg, Russia, pp. 153–165.
- Pechenkin, I.E. (2020), “ ‘The Englishness’ in I.V. Zholtovsky’s architecture. The Horseracing Society house”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 111–137.

- Pechenkin, I.E. (2020), “Case of the Tarasov Mansion: Notes in the Margins of the Creative Biography of I.V. Zholtovsky”, in Zakharova, A.V., Maltseva, S.V. and Staniukovich-Denisova, E.Yu. (eds.), *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Actual problems of theory and history of art], NP-Print, Saint Petersburg, pp. 460–471, available at: <https://actual-art.spbu.ru/publikatsii/archive/vol-10/international-art-in-the-20th-and-21st-centuries/10779.html> (Accessed 30.10.2020).
- Pechenkin, I.E. and Shurygina, O.S. (2020), “Some New Episodes from I.V. Zholtovsky’s Creative Work Biography”, *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, no. 4, pp. 23–31.
- Shurygina, O.S. (2017), “To the estate by car. A new way of transportation in memoirs of the people of the early 20th century memoirs”, in Nashchokina, M.V. (comp.), *Russkaya usad'ba: sbornik Obshchestva izucheniya russkoi usad'by* [Russian estate. Collection of the Society for the Study of the Russian Estate], vol. 22, Kolo, Saint Petersburg, Russia, pp. 217–229.

Сведения об авторе

Илья Е. Печёнкин, кандидат искусствоведения, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; pech_archistory@mail.ru

Information about the author

Ilya E. Pechenkin, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; pech_archistory@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 29.12.20.
Формат 60 × 90¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 8,6. Усл. печ. л. 9,5.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1149

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru